

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АВЕРИНА Елена Николаевна

**ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ
В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА**

Специальность

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор биологических наук,
профессор, академик РАО
Ермаков Павел Николаевич

Ростов-на-Дону-2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА	12
1.1. Феномен идентичности в психологической науке.....	12
1.1.1. Идентичность в зарубежной психологической науке.....	20
1.1.2. Идентичность в отечественной психологической науке.....	53
1.1.3. Структурно-функциональный анализ идентичности.....	63
1.2. Особенности мужской и женской личностной идентичности в условиях брачных отношений.....	83
1.2.1. Психологические особенности женской идентичности.....	83
1.2.2. Психологические особенности мужской идентичности.....	88
1.2.3. Трансформация личностной идентичности в условиях брачных отношений.....	92
Выводы по Главе 1.....	105
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОС- НОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕН- ТИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА.....	111
2.1. Организация исследования.....	111
2.2. Методология и методы исследования.....	113
Выводы по Главе 2.....	118
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИ- СТИК ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛО- ВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА.....	120
3.1. Особенности личностной идентичности в семьях с детьми....	120
3.2. Особенности личностной идентичности в семьях без детей...	134
3.3. Сравнительный анализ личностной идентичности субъектов в семьях разного статуса.....	145
Выводы по Главе 3.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	180
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	212

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Влияние личностных особенностей на стратегии взаимодействия в семье, и, как следствие, конкретизация проблемы в изучении особенностей личностной идентичности в зависимости от семейного статуса в настоящее время приобретает особую актуальность. Интерес в упрочении институтов брака и семьи является одной из доминирующих черт современной психологии, в которой наблюдается активная тенденция изучения спада заключаемых браков [Андрияничева М.А., 2023; Борисенко Ю.В., 2015; Ипполитова Е.А., 2023; Камнева Н.А., 2009; Коблева З.Х., 2021; Русанова Н.Е., 2013]. Этот социальный вызов для современного общества является особо важным явлением и в настоящее время привлекает внимание многих исследователей.

Психологический аспект проблемы семейного взаимодействия связан с особенностями идентичности ее членов, с изучением влияния этого важнейшего личностного компонента на целый ряд семейных характеристик: общих ценностей, стратегий взаимодействия, эмоционального принятия. Феномен идентичности предлагает, в том числе, изучение эмоционального восприятия своего «Я» с «Другими», а также специфики ценностного отношения к себе как члену определенной группы. Идентичность в контексте ценностно-потребностной сферы человека является одним из ключевых маркеров исследования особенностей личностной идентичности субъектов.

В контексте отношений между мужем и женой личностная идентичность может подчеркивать чувство сопричастности между супругами, а также актуализировать переживание и рефлексию уровня субъективного благополучия. Переключение центра внимания с вопросов внешней организации института современной семьи на внутренние аспекты ее функционирования обусловило также ориентацию психологов на проблемы кризиса семейных отношений по причине изменений социальной жизни в целом. В этом контексте личностная идентичность супругов становится источником поиска новых форм семейных отношений, индивидуальным ресурсом переживания кризиса взаимоотношений в семье.

На теоретико-методологическом уровне актуальность исследования определяется практически отсутствием в психологии комплексных подходов к изучению формирования особенностей личностной идентичности супругов с учетом наличия или отсутствия детей в паре. Смысловая, эмоциональная общность имеет значительно более важный характер в со-бытии супругов. Брачные союзы, направленные на укрепление чувства общности между супругами, позволяют говорить о наличии единого поля комфортности отношений и их определенности, а также о ясной выраженности чувства личностной идентичности.

На уровне семейной, социальной и организационной практики, актуальность исследования обусловлена также необходимостью определения факторов, влияющих на особенности формирования личной идентичности супругов, имеющих и не имеющих детей, что может способствовать разработке методов социально-психологической поддержки и сопровождения личности. Всё это и определило выбор темы настоящего исследования.

Степень разработанности проблемы исследования. Значительные изменения, происходящие в обществе в последнее время, в том числе возврат к традиционным семейным ценностям, делают актуальными исследования проблемы личностной идентичности. В отечественной психологической науке проблемы идентичности в семье рассматривались в основном И.С. Коном [1984], а также рядом современных психологов [Аксенова Н.М., 2004; Андреева Г.М., 2012; Антонова Н.В., 1996; Быльченко М.В., 2005; Гусельцева М.С., 2018; Зайцева Ю.Е., 2016; Иванова Н.Л., 2006; Леонтьев Д.А., 2002; Микляева А.В., 2008]. Кризис идентичности в современном обществе еще одно важное направление исследований [Исаева Д.А., 2013; Шнейдер Л.Б., 2001 и др.]. Такой кризис, связан с новыми геополитическими и психосоциальными рисками, когда достаточно стабильные показатели ценностно-смысловой сферы, особенно группоцентриции (как интенция соотнесения своих индивидуальных ценностей с ценностными позициями окружающих) приобретают разные стратегии трансформации [Рябкина З.И., 2010; Тиводар А.Р., 2008]. Целый ряд исследований в психологии как

раз и ориентирован на исследование того, как брак влияет на ценностные позиции личности. Вступая в брачный союз, человек также проявляет свою гражданскую позицию. При этом личностная идентичность человека может влиять и на уровень субъективного благополучия [Шамионов Р.М., 2024; Brickman P., 1978; Diener E., 1999; Costa P.T. and McCrae R.R., 1983 и др.].

Анализ психологических подходов выявил проблему трансформации идентичности супругов в семье с различным статусом в зависимости от наличия или отсутствия детей.

Цель исследования – изучить особенности личностной идентичности родителей в условиях разного семейного статуса.

Объект исследования – семейные пары с детьми и без детей.

Предмет исследования – личностная идентичность.

Гипотезы исследования.

1. Наличие или отсутствие детей в браке может влиять на личностную идентичность супругов, которая выступает как интегрированный конструкт, включающий такие составляющие как ценностные ориентации, семейные ценности, удовлетворенность браком.

2. В зависимости от наличия или отсутствия детей в браке личностная идентичность может различаться по особенностям эго-идентичности, а также специфике реализации ролевых позиций и уровня притязаний в семейном взаимодействии.

3. Наличие или отсутствие детей может влиять на особенности семейных ценностей супругов как личностных приоритетов, убеждений как устойчивых ценностно-смысловых образований.

Задачи исследования.

1. Провести анализ научной литературы для установления определения и содержания понятия личностной идентичности. Дать определение феномену

личностной идентичности, который будет включать в себя такие характеристики, как: ценностные ориентации, семейные ценности, эго-идентичность, удовлетворенность браком.

2. Разработать и обосновать концептуальный, понятийный и методологический подход к теоретическому и эмпирическому исследованию особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей.

3. Разработать методически обоснованную программу эмпирического исследования особенностей личностной идентичности супругов с различным семейным статусом.

4. Составить комплекс психодиагностических методов и методик, адекватных целям и задачам эмпирического исследования.

5. Провести эмпирическое исследование особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей, а также общих и семейных ценностей как индикаторов личностной идентичности.

6. Провести качественный и количественный анализ полученных эмпирических данных.

Теоретико-методологические основания исследования представлены: исследованиями ценностно-смысловой сферы личности (И.А. Абакумова, А.К. Белоусова, И.В. Боязитова, П.Н. Ермаков, Д.А. Леонтьев, Р.Х. Шакуров и др.), работами по изучению брачного выбора в отечественной и зарубежной психологии (Э.Г. Айгумнова, Л.В. Аргентова, М.В. Галимзянова, С.И. Голод, К. Дэвис, Т.В. Ледовская, А.Ю. Маленов, Б. Мурштейн, А. Рейс, Р. Сентерс, Дж. Эдвардс и др.), исследованиями влияния современного социально-психологического контекста на брачный выбор (П.А. Алексеева, С.Л. Анащенко, Е.В. Ахмадеева, А.В. Баяткина, Л.С. Панкратова, И.В. Ткаченко, М. Фрайбергер, А. Belyh и т.д.), работами в области изучения общности индивидов, состоящих в брачных отношениях (К. Витакер, А.Н. Обозова, Ю.Н. Олейник, А.А. Кроник, Е.А. Кроник, Ю.В. Курбаткина); исследованиями эго-идентичности Е.Л. Солдатовой и др.

Методы и методики исследования. Применялся комплекс взаимодополняющих диагностических процедур, статистические методы обработки данных и качественный анализ, обеспечивая согласованность результатов эмпирического исследования с теоретической концепцией. Для диагностики особенностей личностной идентичности и структуры семейных ценностей был применен психодиагностический инструментарий, включающий: опросник Ш. Шварца для оценки ценностных ориентаций; методику А.Н. Волковой, направленную на анализ ролевых ожиданий и притязаний в браке; тест Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) для исследования структуры эго-идентичности; а также опросник удовлетворенности браком, разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой и Г.П. Бутенко.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с применением методов формализации и математической статистики в программной среде SPSS. Анализ значимости различий осуществлялся с помощью U-критерия Манна-Уитни, для выявления структурных взаимосвязей использовался корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Характеристика выборки. В исследовании приняло участие 200 человек (100 мужчин и 100 женщин) в возрасте от 25 до 40 лет со стажем семейной жизни от 3 до 7 лет. 50 супружеских пар имели детей и 50 супружеских пар детей не имели.

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования подтверждается методологической строгостью исследования, включая сравнительный анализ теоретических подходов, применение валидного и надежного измерительного инструментария, а также релевантный выбор методов статистической проверки гипотез.

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна.

Уточнена категория личностной идентичности супругов, которая представлена как интегрированный многокомпонентный конструкт, включающий

ценностные ориентации, семейные ценности, параметры эго-идентичности, уровень удовлетворенности браком и характер детско-родительских отношений.

Предложен комплексный подход к исследованию особенностей личностной идентичности супругов в браке с детьми и без, включающий теоретические и эмпирические методы.

Доказано, что согласованные ценностные ориентации мужчин и женщин в браке являются ключевым фактором для формирования устойчивых семейных отношений. Особое внимание к общим ценностям, ролевым ожиданиям и притязаниям может способствовать гармонии и укреплению брачного союза, особенно в контексте влияния наличия детей на семейную динамику.

Проведен сравнительный анализ статусов эго-идентичности и ценностей у родителей с детьми и без, эмпирически выявлены устойчивые тенденции в дифференциации статусов эго-идентичности, а также общих и семейных ценностей у супружеских пар с детьми и без детей.

Эмпирически доказано, что формирование личностной идентичности у женщин, находящихся в разных семейных условиях, обусловлена комплексом психологических предикторов, которые статистически отличаются от смысловых критериев, выступающих в качестве детерминант идентичности у мужчин аналогичного статуса.

Выявлены и содержательно описаны различия в структурных компонентах личностной идентичности между супругами из пар с детьми и без детей. На основе проведенного анализа осуществлено портретирование, раскрывающее специфику стратегий межличностного взаимодействия в диадах разного семейного статуса.

Теоретическая значимость исследования. В рамках исследования особенностей личностной идентичности субъектов в браке с детьми и без был использован комплексный подход. Были проведены качественный и количественный анализ особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не

имеющих детей. Результаты исследования создают теоретические и методологические основы для решения разнообразных фундаментальных и практических задач в области общей психологии, психологии личности, истории психологии. Кроме того, они вносят вклад в области семейной психологии, социальной психологии, психологии развития и других смежных областей. Эти результаты подтверждают положение о том, что отношение личности к себе как к значимому для окружающих, представляет собой важный ресурс для психологического благополучия и продуктивности на различных этапах становления личности.

Практическая значимость исследования. Полученные эмпирические данные, раскрывающие специфику формирования и функционирования личностной идентичности в контексте супружеских отношений, обладают значительным потенциалом для применения в смежных областях психологической науки. Практическая ценность результатов исследования заключается в его междисциплинарной применимости. В частности, в сфере семейной психологии данные выводы могут служить теоретической основой для углубленного анализа эмоциональной близости, коммуникативных паттернов и функционального распределения ролей в диаде, что способствует разработке более эффективных моделей психологического консультирования и коррекции семейных отношений. В контексте психологии профессиональной деятельности понимание динамики идентичности супругов позволяет исследовать механизмы взаимовлияния семейного и трудового функционирования личности, включая такие аспекты, как профессиональная самореализация, трудовая мотивация и стратегии совладания со стрессом. Представленные результаты открывают новые перспективы для изучения влияния брака как малой социальной группы на социальное поведение, ценностные ориентации и процессы интеграции индивида в более широкие социальные общности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Личностная идентичность супругов, имеющих и не имеющих детей, выступает интегративным конструктом, обобщающим самооценку (как оценочную

позицию по отношению к своей уникальной индивидуальности), самопринятие и способность к устойчивым смысложизненным ориентациям в условиях меняющихся внешних обстоятельств, включая стратегии семейного взаимодействия. Она актуализирует особенности оценки прошлого и настоящего этапов жизненного опыта на разных этапах семейной жизни, а также пролонгированных целей будущего. При этом, для супругов с детьми, особое значение приобретает взаимодействие ребенок-родитель как фактор, усложняющий структуру идентичности и уровень удовлетворенности браком.

2. В зависимости от наличия или отсутствия детей в браке личностная идентичность будет различаться по особенностям эго-идентичности, при этом эго-идентичность выступает как ощущение тождественности самому себе, целостности, непрерывности, последовательности и непротиворечивости личности. Это единство (личностная целостность) представлений о себе в прошлом, настоящем и будущем, определяющие специфику самооценки, самопринятия, готовности к самопрезентации в контексте семейного взаимодействия.

3. Наличие или отсутствие детей существенно влияет на особенности статуса личностной идентичности супругов как устойчивого отношения к самоопределению, семейным целям и ценностям самореализации в семье. Различия в статусах выявляются по всем основным характеристикам статусов идентичности: автономность (отличительная особенность – высокий уровень локус контроля Я и локус контроля жизни, стремление к самореализации и независимости в принятии решений), диффузность (лабильность ценностных ориентаций, отсутствие устойчивого целеполагания), предрешенность (наличие устойчивых ценностей, стремление сохранить пролонгированные жизненные приоритеты).

Апробация и внедрение результатов исследования. Материалы диссертационного исследования обсуждались на совместном заседании кафедры психофизиологии и клинической психологии и общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, 2025 г.), на заседаниях кафедры психологии личности Кубанского

государственного университета (г. Краснодар, 2022-2023 г.); докладывались на: XV Международной научно-практической конференции «Наука XXI века: вызовы, становление, развитие» (г. Петрозаводск, 2024 г.); III Международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития современной науки» (г. Петрозаводск, 2024 г.); XIX Всероссийской научно-практической конференции «Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя» (г. Краснодар, 2019 г.); 30-м Международном конкурсе научно-исследовательских работ (г. Москва, 31.03.2023 г. Получен диплом Лауреата I степени в номинации «Научные статьи по психологическим наукам»); 35-м Международном конкурсе научно-исследовательских работ (г. Москва, 16.06.2023 г. Получен диплом Лауреата I степени в номинации «Научные статьи по психологическим наукам»); 51-м Международном конкурсе научно-исследовательских работ (г. Москва, 16.03.2024 г. Получен диплом Лауреата I степени в номинации «Научные статьи по психологическим наукам»).

Материалы исследования используются в деятельности Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (г. Новочеркасск), Армавирского социально-психологического института (г. Армавир).

Публикации. По результатам проведенного исследования опубликовано 14 научных работ общим авторским объемом 8,55 п.л., в том числе 9 – в изданиях, входящих в Перечень ВАК РФ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 281 источника (из них 67 – на иностранных языках), 5 Приложений. Текст диссертации представлен на 235 страницах. Работа содержит 9 Рисунков, 23 Таблицы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

1.1. Феномен идентичности в психологической науке

В последние десятилетия по причине глобальных изменений в мире можно наблюдать острый дефицит самоидентификации личности. В переходном периоде, который сейчас переживает общество, формируются новые социально-экономические и культурные ценности. Этот период является нестабильным и затрудняет путь обретения себя, своей идентичности. Из-за потери традиционных норм и правил отсутствуют понятные внешние ориентиры личностной идентичности. В современных социальных условиях в центре внимания исследователей является личность, ее мировосприятие, миропонимание, духовно-нравственные ценности, ее отношения с миром и к миру. Эти смысловые компоненты жизни, мысли и идеи, ценностные ориентации и взгляды, идентитарные исследования являются в настоящее время важным, основополагающим маркером социального и гуманитарного подхода.

В условиях увеличивающейся многомерности вызовов транзитивного общества и многозадачного режима современного человека особо значимым представляется изучение личностной идентичности, способствующей индивидууму обрести свое положение в мире [27,28,29,30,31].

В актуальном пространстве бытия, в котором на первый план выходят ценностные ориентации свободы и высокий уровень направленности на поиск нормативного подхода жизнедеятельности, исследование идентичности есть инструмент социального самопонимания [18,114,117]. Изучение понятия идентичности является очень актуальным по причине происходящих событий в мире, рассматриваемых в различных областях жизни: финансовой, политической, общественной и культурной [190].

В академической дискуссии идентичность личности рассматривается как сложный феномен, складывающийся из двух взаимосвязанных аспектов. Первый

аспект представляет собой экстравертивную составляющую – это взаимодействие человека с внешним миром, обществом, различными сообществами и их социально ориентированной деятельностью, а также результат этой активности. Второй аспект является интровертивным и включает в себя самость и уникальность личности, а также ее бытийное пространство.

В контексте стабильного традиционного общества идентичность функционирует как комплексная и устойчивая модель, объединяющая понимание мира, деятельность и отношения-чувства. Однако в эпохи социальных трансформаций эта целостность нарушается, что демонстрирует феномен гетерохронии – рассогласования элементов идентичности.

Современность, отмеченная либерализацией, глобализацией, интенсивной межкультурной коммуникацией, информационной открытостью и множественностью жизненных стилей, приводит к расширению нормативных рамок и плюрализации идентификационных стратегий. Данные процессы инспирируют возникновение новых профессий, нетрадиционных форм социального устройства и модификацию института семьи. В результате, в условиях высокой социальной изменчивости, актуализируется поиск новой, сбалансированной и устойчивой модели идентичности, способной интегрировать как внешние социальные вызовы, так и внутреннюю самость индивида [176].

В области гуманитарного знания на сегодняшний день отсутствует консенсус относительно методологии изучения феномена личностной идентичности. Плюрализм исследовательских подходов объясняется как множественностью теоретических парадигм, так и, что более существенно, внутренней сложностью и многомерностью самого изучаемого объекта [84].

Идентичность представляет собой процессуальную характеристику индивида, находящейся во взаимосвязи с социокультурным контекстом, в рамках которого внутренние предпосылки и внешние влияния могут воздействовать на наполненное болью, отрицательное (здесь рассматривается неуспех, не достиже-

ние удовлетворения, разочарование) либо наполненное восторгом (сюда относится успех, удовлетворение, получение удовольствия) «осознание идентичности» [127].

Изучение генезиса идентичности индивида неизбежно обращает к феномену тотемизма как к архаической социокультурной модели. Центральным для этой модели является механизм психологической и социальной идентификации, при котором происходит интернализация и отождествление «Я» с определенными объектами или явлениями (тотемами) из внешнего мира, что служит основой для конструирования как индивидуальной, так и коллективной идентичности [176]. Эволюция концепции идентичности демонстрирует смену парадигм в зависимости от историко-культурного контекста. В античную эпоху понимание идентичности базировалось на ее онтологическом статусе и было тесно связано с философской категорией тождества. В средневековый период произошла трансцендентная редукция данного понятия, и идентичность стала определяться через соотнесение с божественным прототипом, то есть имела идеально-трансцендентальный характер. Вплоть до XVIII века доминировала коллективистская парадигма, в рамках которой идентичность индивида носила атрибутивный характер и была производной от его принадлежности к конкретной социальной страте, корпорации или общине.

Термин «идентичность» берет свое начало от латинского слова «*idem*», которое означает «тот же самый» или «одинаковый». Данный понятийный инвариант сохраняется в семантическом поле термина в большинстве европейских языков, унаследовавших лексику из латинского источника. В английском языке термин «*identity*» передает концепции тождественности, подлинности и идентичности. Во французском языке «*identité*» означает «тождество» и «совпадение», тогда как прилагательное «*identique*» расширяет семантический спектр, включая значения «аналогичный» и «равнозначный»; глагол «*identifier*» подразумевает не только процедуру идентификации и отождествления, но и акт опознания. Аналогично, в немецком («*die Identität*») и итальянском («*identità*») языках данный

термин означает тождественность, самобытность, индивидуальность и подлинность, что подтверждает общность [5].

В философии идентичность (либо сходство) заключается в том, что она придает объекту узнаваемость с перспективы наличия тех или иных характеристик, которые придают ему отличительные особенности от объектов другого вида. Взаимосвязь терминов «идентичность» и «тождество» обнаруживается еще в античной философии.

В своей работе «Я сам как другой» П. Рикер выделяет четыре уровня самости [154]:

- лингвистический (тождество говорящего субъекта),
- практический (тождество агента активности),
- повествовательный (тождество персонажа, о котором идет повествование)
- этико-юридический (дееспособный субъект, несущий ответственность за свои действия).

Самость считается сконструированной, если ее становление состоится сразу на всех четырех уровнях [154].

Согласно Дж. Миду, самость выступает в качестве единства личности, становление которой происходит в результате ее социальной и личностной интеракции [128]. На первом этапе идентичность рассматривается в пространстве отдельных процедур, нормативов и ценностных ориентаций других личностей, которые в результате протекания жизни основываются в сознании личности в качестве ему принадлежащих

Потом приобретенные у других убеждения обозначаются как ему принадлежащие изначально, с помощью осознания личность воспринимает себя как социальное Я и рассматривает себя с разных социальных ролей. По этому критерию Дж. Мид выделяет такие виды идентичности как осознаваемую и неосозна-

ваемую идентичности. Осознаваемая идентичность есть самостоятельное восприятие личностью своих действий, неосознаваемая идентичность – подход неосознанного следования нормативам, устоям и традициям [128].

По мнению исследователей, идентичность приобретается личностью поступательно, она образуется и сохраняется в процессе его жизни. В психологии идентичность выступает в качестве особого феномена, оказывающего влияние на формирование личности и ее интеракцию в социуме.

С социологической точки зрения идентичность является категорией, с помощью которой накапливаются или изучаются нормативные установки, идеалы, ценностные ориентации, роли и мораль личностей тех социальных сообществ, к которым относится данная личность.

С точки зрения психологии, генезис и структура идентичности детерминированы двунаправленным процессом, сочетающим действие внутренних (индивидуальных) и внешних (общественных) факторов. Как структурный элемент личности, идентичность формируется под непосредственным влиянием социального окружения. Следовательно, данное понятие представляет собой интегративную дескрипцию, синтезирующую индивидуальное и социальное начала. Этот синтез является результатом диалектической взаимосвязи индивида и общества, где идентичность выступает не только как продукт этого взаимодействия, но и как индикатор его качественных характеристик. Таким образом, идентичность рассматривается в современной психологической науке как комплексное, иерархически организованное психическое образование. Оно интегрирует в себе разнородные пласты сознания и синтезирует детерминанты, имеющие двойственную природу: онтогенетические, связанные с индивидуальным развитием, и социогенетические, обусловленные влиянием общества.

Проблема личностной идентичности является предметом исследования в рамках множества психологических школ и теоретических направлений, что порождает широкий спектр ее интерпретаций. В существующих научных подходах идентичность концептуализируется следующим образом [5]:

– как когнитивная структура: в данном ключе идентичность отождествляется с «Я -концепцией» или трактуется как «субсистема знаний о себе», аккумулирующая представления индивида о собственных качествах и свойствах;

– как интегративная способность: здесь акцент делается на способности личности к рефлексии и синтезу, то есть к осознанию своей жизни и действий целостным, комплексным образом, что обеспечивает внутреннюю связность и преемственность «Я»;

– как динамический и ценностно-смысловой процесс: идентичность понимается как эмоционально насыщенный процесс активного поиска и присвоения индивидом жизненных направлений, ценностных ориентаций и смысловых установок. в этом аспекте она раскрывается как внутренняя сущность личности, определяющая ее выборы в пользу тех или иных ценностей, подходов и намерений;

– как свойство личности: в данном случае подчеркиваются такие атрибуты идентичности, как «последовательность» и устойчивость убеждений личности, ее интеллектуальное и моральное доминирование, что находит выражение в индивидуальной деятельности и общей жизненной позиции;

– как социальный и рефлексивный феномен: ряд подходов акцентирует интерсубъективную природу идентичности, рассматривая ее в качестве «социального феномена», формирующегося в процессе взаимодействия. близким к этому является понимание идентичности как «самосознания», то есть высшей формы рефлексии, направленной на самоопределение индивида в социальном мире.

Наиболее распространенными определениями идентичности являются следующие:

– «...осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе» [163, с. 154];

– «результат идентификационных процессов личности, реализующихся в ходе ее субъективной жизнедеятельности в тесной связи с ее индивидуальным психофизиологическим потенциалом и социальным контекстом ее существования» [42, с. 45];

– это переживание в себе точки опоры, источника активности и ответственности [110, с. 10]. Это восприятие своего Я в качестве внутреннего центра, конструирование Я на основании своих ценностных ориентаций;

– процесс, объединяющий социальные, психологические, культурологические элементы [71].

Е.И. Рассказова и А.Ш. Тхостов предлагают рассматривать термин идентичности сквозь призму телесной принадлежности и восприятия обладания [188].

Н.В. Каргина рассматривает идентичность в качестве сложного феномена, сущность которого заключается в многослойной организации психической реальности. Эта реальность не является монолитной, а состоит из множества взаимодействующих уровней сознания. Важно подчеркнуть, что в нее входят как индивидуальные компоненты, связанные с личным опытом, так и коллективные, транслируемые через культуру и социальные институты. Следовательно, для полного понимания феномена необходимо учитывать два фундаментальных источника его формирования: онтогенетический, отражающий стадии индивидуального развития человека, и социогенетический, обусловленный эволюцией общества и накоплением коллективного опыта [84].

А.П. Садохин полагает, что фундаментальной характеристикой рассматриваемого понятия выступает принцип тождества объекта (или субъекта) самому себе, который служит его основным конституирующим признаком и необходимым онтологическим основанием [163]. Данный принцип получает свое развитие и конкретизацию в акте осознания принадлежности, где один элемент (часть, особенное) воспринимается как неотъемлемая составляющая другого элемента (целого, всеобщего). Таким образом, понятие идентичности раскрывается через

диалектическое единство двух аспектов: с одной стороны, это утверждение собственной идентичности и самоидентичности, а с другой – признание своей роли и места в рамках более широкой, объемлющей структуры или системы [163].

Д.С. Гальчук рассматривает идентичность как результат идентификационных процессов личности, реализующихся в ходе ее субъективной жизнедеятельности в тесной связи с ее индивидуальным психофизиологическим потенциалом и социальным контекстом ее существования [42].

С точки зрения М.В. Заковоротной идентичность представляет собой интегративный феномен, формирующийся в результате синтеза социальных, психологических и культурологических составляющих. Таким образом, ее генезис и развитие обусловлены комплексным воздействием внешних общественных структур, внутренних психических процессов и нормативно-ценностных систем культуры [71].

Л.Б. Шнейдер считает, что идентичность личности интерпретируется как результирующая синтеза всего спектра ее характеристик в уникальную и целостную психологическую организацию. Ключевым аспектом понимания данной категории является ее процессуальная природа: эта организация перманентно пребывает в состоянии становления, проходя этапы формирования и последующей модификации. Движущей силой этих трансформаций выступает непрерывный опыт субъекта, заключающийся, во-первых, в успешной адаптации к требованиям динамично эволюционирующего социума, и, во-вторых, в активной прагматической ориентации, позволяющей индивиду целесообразно действовать и находить личностный смысл в меняющемся контексте [207].

В настоящее время отмечается рост исследовательского интереса к проблеме идентичности, что находит свое отражение в резком увеличении количества публикаций как на уровне зарубежного, так и на уровне российского научного сообщества. В гуманитарных науках рассматриваются такие виды идентичности как:

- цивилизационная идентичность [215, 288, 235];
- инклюзивная идентичность [13, 69];
- глобальная идентичность [204, 216, 226, 291, 253, 240, 253, 258, 259, 266, 267];
- экологичная идентичность [56, 189, 268, 243, 248, 255, 286, 271, 363, 276];
- сельская идентичность [283, 263];
- мигрантская идентичность [250, 334, 354];
- гендерная или полоролевая идентичность [3,40,138,158,178,181,207];
- возрастная и половозрастная идентичность [32,77,171];
- профессиональная идентичность [146,147,207];
- гражданская, национальная и этническая идентичность [63,202];
- религиозная идентичность [109,199];
- семейная идентичность [7,51,112,113,114,115,116,117,118,191].

Идентичность понимается как сложная, многокомпонентная структура, формирующаяся под влиянием совокупности биологических, психологических, социокультурных и иных детерминант. Концептуальное наполнение данного термина варьируется в зависимости от дисциплинарного контекста, таких как психология, социология, философия и политология, где он приобретает специфическую семантику.

1.1.1. Идентичность в зарубежной психологической науке

Идентичность в качестве научной проблемы привлекает внимание психологов в конце XIX – нач. XX вв., и с течением времени становится самостоятельным предметом изучения многих исследователей [57,211,236,274,280].

Впервые термин «идентичность» в психологии был предложен У. Джеймсом, американским психологом и профессором философии в работе «Научные основы психологии», где он уделял особое внимание таким характеристикам идентичности как противостояние своего и чужого, тождественность и соответствие себе и обществу [57].

В предложенной им концепции идентичность раскрывается через систему взаимосвязанных аспектов:

– «Я сознающее» (Эго) – базовая составляющая, выражающаяся в субъективном переживании тождественности самому себе во времени.

– «Я как объект» – репрезентация самости в сознании индивида, формируемая через процессы самовосприятия и интроспекции.

– Социальное «Я» – проекция идентичности, определяемая совокупностью социальных ролей, статусов и взаимодействий индивида в обществе.

– Материальное «Я» – компонент идентичности, ассоциированный с телесностью человека и его собственностью, то есть с физическими объектами, которые он инкорпорирует в свою самость [57]. Изучая идентичность, У. Джеймс задавал следующий вопрос: «Может ли человек утром, вставая с постели, сказать, что он тот же самый, кто ложился вечером спать?».

Феномен идентичности широко изучался в рамках различных зарубежных психологических школ и направлений:

- психоанализа (З. Фрейд, Э. Эриксон, J.E. Marcia, A. Waterman);
- символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кулей, E. Goffman, R.D. Fogelson);
- бихевиоризма (М. Шериф, С. Шериф, M. Brewer, D.T. Campbell),
- когнитивного подхода (Г. Тэшфел, Дж. Тернер),
- конструкционизма (Ф. Барт, П. Бергер, Т. Лукман, К. Герген, Т.Г. Стефаненко).

Психоаналитический подход в изучении идентичности

В соответствии с парадигмой классического психоанализа, психические феномены требуют триединого рассмотрения в их динамическом, энергетическом и структурном измерениях. Исходя из этого, исследовательский фокус при изучении идентичности был сконцентрирован на анализе ее структурно-динамических характеристик. В данном подходе идентичность трактуется как сложная

интрапсихическая структура, интегрирующая отдельные компоненты личности. Ее субъективное переживание проявляется в виде устойчивого чувства тождественности и непрерывности «Я», которое, в свою очередь, получает верификацию через интерсубъективное признание со стороны других индивидов [10].

Согласно концепции З. Фрейда, идентичность формируется посредством бессознательной идентификации с другими. Этот процесс имеет двуединую природу: с одной стороны, он детерминирован биологически и представлен иерархической организацией психического аппарата, где каждая последующая инстанция доминирует над предыдущей. С другой стороны, процесс имеет социальное измерение, проявляющееся в кластеризации индивидов в группы на основе определенных признаков – географических, исторических или культурных [193].

В рамках аналитической психологии Карл Густав Юнг вводит ключевое для понимания идентичности понятие «индивидуации» [212]. Данный процесс рассматривается ученым не только как центральный элемент личностного развития, но и как фундаментальный фактор, детерминирующий ход исторического процесса. Сущность индивидуации заключается в прогрессирующей дифференциации индивидуального сознания от коллективных структур, конечной целью которой является становление целостной и автономной Самости (Selbst) – подлинного психологического ядра личности [212].

Для описания механизма формирования идентичности К. Юнг обращается к концепции «мана-личности». Это психологическая структура, посредством которой индивид осуществляет идентификацию с архетипическими фигурами или социальными ролями, обладающими, по его мнению, исключительной силой или престижем. Генезис данной идентификационной модели ученый усматривает в фундаментальном основании психики – архетипах коллективного бессознательного. Согласно юнгианской теории, архетипы как универсальные, врожденные психические паттерны являются источником и прообразом «мана-личности» и других форм самоотождествления индивида [212].

В своей фундаментальной работе «Детство и общество» Эрик Эриксон, являющийся автором эпигенетической теории личности, развивает психоаналитические идеи Зигмунда Фрейда, касающиеся феномена идентичности. Э. Эриксон предлагает понимать идентичность как сложный психосоциальный конструкт, означающий тождественность личности самой себе в неразрывной связи с тождественностью тому обществу, в котором эта личность формируется и функционирует [211].

Принципиальное расхождение между двумя теоретиками заключается в трактовке ключевой проблемы трансформации индивидуального «Я» (Эго). Если З. Фрейд усматривал корень проблемы в изначальном и неизбежном антагонизме между бессознательными влечениями индивида и репрессивными требованиями социума, то Э. Эриксон смещает акцент. С его точки зрения, кризис идентичности возникает не из-за конфликта с обществом, а вследствие неспособности личности к продуктивному сотрудничеству и построению конструктивных взаимодействий с другими индивидами. Таким образом, социальная среда воспринимается не как враждебная сила, подавляющая индивида, а как необходимое условие и площадка для его психосоциального развития через кооперацию.

Одним из центральных аспектов психосоциальной теории развития личности, разработанной Э. Эриксоном, является кризис идентичности, приходящийся на отроческий (подростковый) период. Согласно его концепции, разрешение данного кризиса может протекать в двух принципиально различных направлениях. Позитивный вектор развития предполагает успешное принятие и интеграцию новых социальных ролей, что знаменует прогресс личности и ведет к обретению достигнутой идентичности. Негативный сценарий, напротив, характеризуется диффузной идентичностью, при которой наблюдается спутанность ролей, регресс и дезинтеграция личностной структуры [211].

Э. Эриксон трактует идентичность как фундаментальное внутреннее образование, обеспечивающее субъективное ощущение непрерывности и тождественности самому себе во временной перспективе. Это «длящееся внутреннее

равенство с собой» выступает ключевым признаком целостности личности, интегрируя индивидуальное переживание собственного «Я» с восприятием себя членом определенных социальных общностей. В структурно-процессуальном плане Э. Эриксон выделяет три взаимосвязанных компонента в феномене идентичности [211]:

- 1) чувство идентичности как непосредственное, субъективное переживание самости;
- 2) процесс формирования идентичности как динамическую и зачастую конфликтную работу по синтезу личного опыта;
- 3) идентичность как результат – относительно устойчивую и осознанную концепцию себя.

Таким образом, идентичность понимается как сложный, многомерный конструкт, представляющий собой тождественность индивида самому себе, которая формируется и верифицируется через личный опыт и осмысление взаимодействия с социальной средой. В эриксоновской интерпретации данное понятие включает в себя несколько аспектов:

- сформированный и индивидуально уникальный образ «я», проявляющийся в совокупности отношений личности к окружающему миру;
- чувство адекватности и способность осуществлять устойчивый контроль над собственным «я», сохраняя внутреннюю стабильность вопреки изменениям личности и внешним обстоятельствам;
- способность личности к целостному и эффективному разрешению задач, возникающих на различных стадиях жизненного цикла, что является прямым следствием успешного преодоления предыдущих психосоциальных кризисов.

Э. Эриксон предлагает рассматривать идентичность в качестве внутренней непрерывности и тождественности личности, принимающую форму динамического процесса, который длится на протяжении всей жизни личности [211]. Он предлагает новый взгляд на отдельные представления классического фрейдизма

и обозначает ключевые понятия идентичности. Он выдвинул понятие идентичности, элементы персонального опыта, находящих свое отражение в определенных чувствах.

В рамках эпигенетической концепции психосоциального развития Э. Эриксон отводит центральное место категории «эго-идентичности» [211]. Данный конструкт понимается им как динамическое, но устойчивое чувство самоидентичности, целостности и непрерывности личности, проецируемое на временной континуум. Это подразумевает формирование комплексного и согласованного представления индивида о себе, которое интегрирует его прошлый опыт, актуальное самоощущение и перспективы будущего, обеспечивая тем самым хронологическую связанность и психологическую стабильность.

С генезисной точки зрения, эго-идентичность трактуется не как врожденное качество, а как продукт диалектического взаимодействия биологических предпосылок и социокультурного контекста. Иными словами, она возникает в процессе трансформации врожденных задатков личности под влиянием системы общественных отношений. Таким образом, эго-идентичность представляет собой итог интеграции многообразных и зачастую фрагментарных идентификаций с значимыми Другими в целостную структуру «Я».

Эрик Эриксон, опираясь на принципы эпигенетической теории, согласно которой развитие организма предопределено последовательным развертыванием генетически заложенных программ, предложил оригинальную психосоциальную концепцию развития личности. В ее основе лежит модель поэтапного генезиса идентичности, где каждая из восьми стадий жизненного цикла характеризуется специфическим психосоциальным конфликтом (или дилеммой) [211].

Разрешение каждого такого кризиса носит биполярный характер: успешное его преодоление ведет к укреплению личности и формированию позитивного психологического новообразования (например, базального доверия, автономии, инициативности), в то время как неудачное разрешение затрудняет прохождение последующих стадий, закрепляя дезадаптивные качества. Таким образом, кризис

понимается не как патология, а как необходимый поворотный пункт, момент повышенной уязвимости и одновременно потенциала для развития [211].

Кульминацией этого процесса в юношеском возрасте становится так называемый «кризис идентичности», который Э. Эриксон определял как интенсивный внутренний конфликт, порожденный рассогласованием между сложившейся структурой «Я» и актуальными возможностями индивида для продуктивной интеграции в систему социальных отношений. Преодоление данного кризиса заключается в достижении целостности самоощущения и обретении новой, зрелой формы эго-идентичности.

Э. Эриксон использует новый термин «психологический мораторий» для описания кризисного периода между юностью и взрослостью, в течение которого происходит процесс обретения взрослой идентичности и нового отношения к миру. По мнению Э. Эриксона, психический мораторий может затягиваться и продолжаться в течении нескольких лет. Не пройденный кризис рождает состояние «диффузии идентичности», которая является основой специфического нарушения развития в юношеском возрасте. Диффузная, размытая идентичность характеризуется расплывчатым и неопределенным образом «Я».

Э. Эриксон реконцептуализировал структуру личностной идентичности, выдвинув положение о том, что ее формирование обусловлено не только конституциональными предпосылками, фундаментальными потребностями и когнитивными навыками индивида, но и процессом «значимых идентификаций». Данный процесс представляет собой психологический механизм, посредством которого личность интериоризирует и в дальнейшем экстериоризирует определенные ценностные ориентации и нормативные поведенческие паттерны, выступающие ориентирами в ходе онтогенеза [211].

Согласно эпигенетической концепции развития личности, предложенной Эриком Эриксоном, ключевым психосоциальным приобретением индивида в юношеской фазе становится разрешение кризиса «идентичность против ролевой

диффузии». Позитивным итогом данного кризиса выступает формирование целостного и устойчивого чувства Эго-идентичности, в то время как его негативное разрешение ведет к состоянию ролевой спутанности (диффузной идентичности), характеризующемуся неспособностью индивида интегрировать различные социальные роли в единое и непротиворечивое «Я» [211].

Э. Эриксон выдвинул предположение о структуре идентичности, которая включает в себя три уровня: соматический, личностный, и социальный. Соматический уровень предполагает наличие стремления к сохранности и целостности организма. На личностном уровне присутствует чувство своей уникальности. Социальный уровень заключается в следовании общим нормам и устоям.

Согласно взглядам Э. Эриксона [211]:

1. Идентичность – это непрерывный процесс, находящий свое отражение в ядре индивидуальности, но также и процесс усвоения общественной культуры.

2. Идентичность определяется как фундаментальное свойство личности, заключающееся в сохранении тождества самому себе во временной перспективе и в различных социальных контекстах. Сформированная идентичность представляет собой интегральное образование, которое характеризуется наличием у индивида целостного, внутренне непротиворечивого и устойчивого представления о себе. Это представление инкорпорирует весь спектр отношений личности к окружающей действительности и является результатом глубокого личностного усвоения и принятия. Обладание зрелой идентичностью предполагает переживание человеком чувства самоотождественности, адекватности и консистентности своего «Я», которое сохраняется несмотря на неизбежные изменения внешних условий и внутренние психофизиологические трансформации. Важнейшим атрибутом сформированной идентичности выступает способность личности к продуктивному преодолению нормативных психосоциальных кризисов и качественному разрешению задач развития, актуализирующихся на каждой новой стадии жизненного пути.

3. Идентичность представляется в виде ядра в структуре Я в качестве субъективного ощущения тождества и целостности, в качестве процесса включения жизненного опыта в персональное Я [211].

Последовательное развитие теоретических положений Э. Эриксона о феномене идентичности было осуществлено Джеймсом Марсиа [256]. В основе его исследовательского подхода лежало широкое применение метода структурированного интервью, позволившего собрать значительный эмпирический массив данных. На основе проведенного анализа Д. Марсиа сформулировал оригинальную концепцию формирования идентичности, постулирующую наличие двух ключевых этапов данного процесса: кризиса (поиска) и принятия обязательств.

На первоначальном этапе, кризисе (поиске), индивид осуществляет активный сбор и когнитивный анализ релевантной информации, что служит основой для последующего выбора устойчивых ценностно-смысловых ориентиров. На последующем этапе, принятии обязательств, происходит постепенная интериоризация и устойчивая фиксация сделанного выбора.

Синтезируя параметры прохождения или непрохождения этих двух стадий, Дж. Марсиа операционализировал четыре статуса идентичности, описывающих ее структурное состояние в конкретный временной период: достигнутая идентичность, мораторий, предрешенная идентичность и диффузная идентичность [256].

1. Достигнутая идентичность характеризует субъекта, успешно прошедшего этапы поиска и принятия решений. Такой индивид демонстрирует рациональное мышление, психологическую зрелость и способность к построению устойчивых межличностных отношений.

2. Мораторий представляет собой состояние активного кризиса, в котором субъект целенаправленно ищет альтернативные пути самоопределения, критически отвергая навязываемые обществом готовые модели и идеалы.

3. Предрешенная идентичность формируется в условиях отсутствия кризиса и самостоятельного поиска. Субъект пассивно и некритически усваивает

ценностные ориентации и жизненные планы, предложенные референтной группой (чаще всего родителями), тем самым будучи лишенным возможности автономного личностного развития.

4. Диффузная идентичность отличается отсутствием как выраженного кризиса (поиска), так и твердых обязательств. У индивида в данном статусе отсутствует какая-либо четкая стратегия саморазвития и реализации личностного потенциала, что проявляется в неустойчивости жизненных целей и ценностей [256].

Он предложил рассматривать идентичность не как статичное образование, а как динамический конструкт в структуре Эго, интегрирующий в себе специфическую комбинацию потребностей, способностей, убеждений и личностного нарратива индивида.

В рамках своей теоретической концепции Дж. Марсиа оспаривает представление о непрерывном характере развития идентичности на протяжении всей жизни индивида. Ученый постулирует, что данный процесс имеет определенные временные границы и завершается достижением одного из нескольких возможных статусов. Центральное место в его модели занимает дихотомия двух основных путей формирования идентичности.

Первый путь – это присеваемая идентичность, которая характеризуется инкорпорацией и постоянным осознанным переживанием индивидом ряда заданных социальных и личностных атрибутов. К таким устойчивым элементам самоопределения относятся, в частности, имя, приобретенные навыки и способности, а также гражданская принадлежность.

Второй путь – конструируемая идентичность – представляет собой активный и целенаправленный процесс, в ходе которого личность самостоятельно принимает на себя ответственность за выбор своего будущего и формирование собственной сущности [256].

Согласно Дж. Марсиа, о полном и зрелом развитии идентичности можно говорить лишь в том случае, если личность успешно преодолела период кризиса

(активного поиска и сомнений) и, выйдя из него, сформировала «разумно твердые обязательства» в ключевых сферах жизни, таких как профессиональная деятельность и идеология. Именно этот результат – обретение обязательств после фазы кризиса – Дж. Марсиа определяет как достижение идентичности [256].

Помимо этого зрелого статуса, исследователь выделяет три менее осознанных исхода процесса становления личности:

1. Диффузия (или спутанность) идентичности, при которой индивид не переживает ни стадию кризиса, ни стадию принятия сколько-нибудь значимых обязательств, что приводит к отсутствию четкого самоопределения.

2. Мораторий, статус, характеризующийся активным переживанием кризиса и поиска себя, однако без принятия окончательных решений и обязательств.

3. Преждевременная идентичность, которая формируется без прохождения через кризис и без серьезного исследования альтернатив, как правило, в результате некритичного принятия готовых моделей, предложенных, например, родителями [256].

Дальнейшее развитие концепции идентичности, предложенной Дж. Марсиа, было осуществлено А. Ватерманом, который сосредоточил свои исследования на особенностях становления идентичности в подростковый период. Он выдвинул гипотезу, согласно которой процесс трансформации идентичности обладает строгой хронологической последовательностью, где стадии (диффузная, предрешенная, мораторий и достигнутая) сменяют друг друга в линейном порядке [280].

Тем не менее, эмпирические данные не всегда подтверждали эту линейную модель; в ряде случаев наблюдалась циклическая динамика (закольцованный характер), а полное соответствие предложенной последовательности было зафиксировано лишь в четверти исследований.

Критически переосмысливая модель Дж. Марсиа, А. Ватерман расширил ее, введя два дополнительных измерения – экспрессивное и неэкспрессивное.

Данная теоретическая модификация позволила ему дифференцировать не четыре, а семь статусов идентичности, что способствовало более тонкому и многогранному анализу процесса ее формирования [280].

В рамках своей теории А. Ватерман рассматривал идентичность как результат четкого самоопределения, который кристаллизуется в системе личностных намерений и ценностных ориентаций. Эта система, в свою очередь, служит фундаментальной основой для выстраивания человеком своей деятельности на протяжении всего жизненного пути. С точки зрения исследователя, ключевыми сферами, в которых происходит формирование и утверждение идентичности, являются профессиональное самоопределение, формирование и ревизия моральных и религиозных принципов, выработка политических убеждений, а также усвоение и исполнение комплекса социальных ролей [280].

В работах представителя неопрейдистского направления Э. Фромма рассматривались вопросы социальной идентичности [194]. Интерес Э. Фромма к этой проблематике появился после его эмиграции из Германии в Америку в 1933 году. Согласно его взглядам, одним из важных движущих мотивов поведения человека выступает потребность избегания одиночества, которая находит свое удовлетворение благодаря самоотождествлению с идеями, ценностными ориентациями, социальными нормами. Социальная идентичность формируется в диалектической взаимосвязи и противопоставлении идентичности личностной, которая понимается как продукт процесса индивидуализации личности. Социальная идентичность возникает в результате процесса идентификации индивида с ценностными ориентациями, нормами и установками референтных социальных групп. Данный механизм служит фундаментальным психологическим инструментом для удовлетворения экзистенциальной потребности человека в преодолении состояния одиночества и интеграции в более широкое социальное целое [194].

Э. Фромм обращался к анализу феномена идентичности для прояснения комплексного соотношения между персональным (частным) и всеобщим (коллективным) началами в структуре человеческого «Я». С его точки зрения, персональная идентичность представляет собой совокупность уникальных характеристик, которые дифференцируют индивида от окружающих и составляют основу его автономии. В свою очередь, идентичность социальная формируется за счет усвоения разделяемых с другими людьми элементов культуры – идей, чувств, символов, традиций и поведенческих паттернов, что создает основу для социальной связанности и принадлежности [194].

При этом Э. Фромм особо акцентировал амбивалентность этого процесса в условиях современного общества. Несмотря на формально расширившиеся возможности для аффилиации через участие в многочисленных общественных институтах и организациях, индивид зачастую сталкивается с парадоксальным феноменом: в процессе обретения социальной идентичности он подвергается риску утраты своей подлинной свободы и уникальности, растворяясь в конформистских и стандартизированных моделях коллективного поведения [194].

В рамках психоаналитической парадигмы феномен идентичности рассматривается как комплексный и динамический конструкт, занимающий центральное положение в структуре личности [5]. Ключевые положения данного подхода могут быть систематизированы следующим образом:

1. Идентичность как процессуальный и временной феномен. С точки зрения психоанализа, идентичность не является статичным образованием, а представляет собой результат непрерывного процесса интеграции, протекающего в течение всей жизни индивида. Этот процесс, обозначаемый как эго-синтез и ре-синтез, обеспечивает субъективное чувство непрерывности и тождественности самому себе во временном континууме, связывая прошлый опыт, актуальное состояние и будущие устремления в единое целое.

2. Структурная организация идентичности. Идентичность обладает сложной многоуровневой структурой, синтезирующей в себе разнообразные элементы человеческой психики и социального бытия. В ее состав интегрируются как глубинные, конституциональные задатки и базовые потребности, так и приобретенные личностные образования: сформированные способности, значимые идентификации, эффективные защитные механизмы и успешные сублимационные стратегии. Кроме того, структурный аспект включает усвоенные и исполняемые социальные роли, что подчеркивает единство внутреннего мира индивида и его внешних социальных проявлений.

3. Функциональные компоненты и их значение. Содержательное наполнение идентичности раскрывается через такие ее компоненты, как цели, ценностные ориентации и устойчивые установки. В данной триаде находит отражение ключевое функциональное значение идентичности: она одновременно является источником мотивации и активности (активизирующая функция), обеспечивает критерии для оценки событий и явлений (оценочная функция) и придает смысл как собственной жизни, так и окружающему миру (смыслообразующая функция).

4. Динамический аспект и модели трансформации. В рамках психоаналитического подхода уделяется значительное внимание динамической природе идентичности. Ее формирование и изменение концептуализируется в виде моделей трансформации, предполагающих прохождение через ряд качественно различных уровней. Эти модели описывают кризисы, конфликты и механизмы перехода от одной стадии развития идентичности к другой, что позволяет анализировать ее не как данность, а как постоянно эволюционирующее образование.

5. Стадийность процесса становления. Становление идентичности понимается не как единичный акт, а как протяженная во времени серия взаимосвязанных выборов и решений. Данный процесс сопряжен с поэтапным осознанием и рефлексией индивидом своих уникальных характеристик, а также с самостоятельным и ответственным конструированием собственной личности.

6. Признание дуалистической природы идентичности. Речь идет о двух неразрывных, но гетерогенных составляющих: идентичности личной и идентичности социальной. С одной стороны, личностная идентичность понимается как результат процесса саморефлексии, порождающий устойчивое и целостное восприятие собственного «Я». Это глубинное, имманентное ощущение постоянства и уникальности, которое сохраняется несмотря на изменение внешних обстоятельств и социальных контекстов. Именно этот аспект отвечает на вопрос «Кто я есть?» в экзистенциальном ключе. С другой стороны, формирование социальной идентичности представляет собой процесс интернализации индивидом признаков и характеристик тех социальных групп, к которым он себя причисляет. Данный процесс позволяет человеку определять свое место в социальной структуре, отвечая на вопрос «Кто я есть?» через призму коллективных категорий («член семьи», «гражданин», «специалист»). Ключевым моментом в данном контексте является их диалектическое взаимодействие: личная идентичность не формируется в вакууме, а социальные роли не усваиваются механически. Они находятся в состоянии непрерывного диалога и взаимовлияния, что, в конечном счете, и конституирует сложное, многогранное, но единое представление индивида о самом себе и своем месте в мире.

Гуманистический подход в изучении идентичности

Проблема идентичности сформировалась в контексте гуманистической парадигмы, которая акцентировала внимание на экзистенциальных вопросах человеческого бытия: свободе воли и личной ответственности, поиске смысла жизни. Центральным для данного подхода являлся интерес к процессам самостоятельного выбора в различных сферах жизнедеятельности, самовыражению и обретению индивидом своей аутентичной сущности, или «истинного Я». В рамках гуманистической психологии категория идентичности зачастую трактуется как синонимичная таким ключевым конструктам, как «Я-концепция», «Я-образ» и «Самость».

Одним из основоположников данного направления, Карлом Роджерсом, «Я-концепция» была определена как целостная система представлений о себе, состоящая из позитивных или негативных переживаний, связанных с «Я-образом» индивида [156].

Развивая теоретические положения К. Роджерса, Р. Бернс предложил более структурированную модель, согласно которой «Я-концепция» интерпретируется как совокупность установок, направленных на себя и окружающий мир. Данная система включает три взаимосвязанных компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный аспект формируется в процессе рефлексии и осознания личностью содержания своего «Я-образа». Аффективный компонент выражается в оценочном отношении к этому образу, то есть в самооценке, которая может варьироваться от полного самопринятия до его отвержения. Поведенческий компонент проявляется в конкретных действиях и реакциях личности на внешние воздействия, детерминированных текущим состоянием ее самовосприятия [22].

Абрахам Маслоу ввел в научный дискурс понятие «Самости», которое рассматривал как внутреннее ядро личности, формирующееся через накопление нравственного и экзистенциального опыта. С его точки зрения, этот опыт, включающий ценностные ориентации, убеждения и мировоззренческие идеи, приобретает индивидом в процессе активного преодоления жизненных трудностей и решения личностно значимых проблем [124]. Таким образом, в гуманистической традиции идентичность предстает не как статичное образование, а как динамический результат непрерывного процесса самоактуализации и осмысленного взаимодействия личности с миром.

Когнитивно-ориентированный подход в изучении идентичности

С точки зрения когнитивной психологии, идентичность рассматривается как центральный психологический феномен, основная функция которого заключается в организации и систематизации поступающей извне информации. Осо-

бый акцент в исследованиях делается на том, каким образом многообразные впечатления индивида о мире трансформируются в целостные когнитивные схемы – устойчивые представления, установки и стереотипы. Эти ментальные репрезентации выполняют регуляторную функцию, выступая в качестве ориентировочной основы для социального поведения.

С позиций когнитивного подхода сущность идентичности раскрывается через призму ее понимания в качестве динамического социально-психологического конструкта. Ключевым механизмом формирования данного феномена выступает процесс ассимиляции, в ходе которого индивид активно присваивает и делает внутренним достоянием комплекс культурных образцов, ценностей и нормативных требований, характеризующих ту социальную группу, которую он признает в качестве «своей». Этот процесс не сводится к пассивному усвоению, а предполагает когнитивную переработку внешних социальных детерминант, их интеграцию в существующую структуру «Я» и последующее построение на этой основе моделей социального поведения. Следовательно, идентичность можно рассматривать как результат интеракции между индивидуальным сознанием и коллективными представлениями, циркулирующими в социальном пространстве. Идентичность служит психологическим механизмом, обеспечивающим усвоение и последующую реализацию индивидом социально одобряемых форм поведения, тем самым содействуя его адаптации в группе.

Зарождение теории социальной идентичности относится к первой половине XX века. Исследованием различных аспектов идентичности занимались такие представители когнитивной психологии как Х. Тэджфел [274], Дж. Тернер [180], Г. Брейкуэлл [222] и др. Значительный вклад в ее концептуализацию и развитие внес британский психолог Х. Тэджфел [274]. Сформулированная им теоретическая позиция заключалась в том, что индивид не просто пассивно занимает отведенную ему социальную позицию, а активно осуществляет процесс самоопределения, относя себя к той или иной социальной группе. В данной пара-

дигме социальная идентичность интерпретируется как сложная когнитивная система, выполняющая ключевую регуляторную функцию, определяющую поведенческие паттерны индивида в разнообразных социальных контекстах [274].

Проблематика социальной идентичности находится на стыке когнитивной психологии и психологии личности. Формирование данного концепта происходило под влиянием идей, постулирующих существование особых ментальных систем, опосредующих восприятие и осмысление личностью окружающей действительности. Разработка вопросов социальной идентичности в русле когнитивизма была продолжена в трудах Джона Тернера, который предполагал, что процесс развития социальной идентичности осуществляется с помощью процесса социального сравнения. Разработанная Дж. Тернером и Г. Тэджфелом теория предлагает концептуализацию идентичности как многокомпонентной когнитивной системы, центральная роль которой заключается в регуляции социального поведения [180, 274]. Основным предназначением данной системы является детерминация и последующая модуляция поведенческих моделей индивида в зависимости от условий конкретной социальной среды. Структурный анализ позволяет выделить в рамках этой системы два неразрывно связанных уровня: личностную и социальную идентичность. Личностная идентичность формируется благодаря процессам самопознания и самооценки, в ходе которых индивид ассимилирует и анализирует свои личностные атрибуты. К последним относятся его физические данные, интеллектуальный потенциал, а также совокупность нравственных и психологических черт. Эти атрибуты интерпретируются индивидом как уникальные, что позволяет ему осознавать свою индивидуальность и проводить границу между собственным «Я» и окружающими. Социальная идентичность, в свою очередь, возникает вследствие идентификации индивида с определенными социальными общностями, такими как профессиональные сообщества, этнические или гендерные группы, что позволяет ему определять свое место в социальной структуре.

Согласно теоретической концепции, разработанной Дж. Тернером, формирование социальной идентичности индивида имеет своим фундаментом психологический механизм самокатегоризации. В рамках данного процесса личность осуществляет когнитивное самоотнесение к определенной социальной общности (ин-группе), что неизбежно сопряжено с процедурой сравнительной оценки и противопоставления себя представителям иных социальных групп (аут-групп) [180].

Неотъемлемым и структурно значимым компонентом этой динамики выступает феномен деперсонализации, под которым понимается снижение значимости индивидуальных, личностных характеристик в пользу восприятия себя как воплощения групповых прототипов. Степень выраженности деперсонализации, в свою очередь, является непостоянной величиной и находится в прямой зависимости от действия двух ключевых детерминант: межкатегориальных различий, то есть воспринимаемой дистанции между собственной и другими группами, и внутрикатегориальных различий, характеризующих уровень однородности и единства внутри самой ин-группы. Иными словами, чем сильнее индивид отождествляет себя с группой, тем в большей степени его самовосприятие и поведение определяются не личными уникальными чертами, а прототипическими характеристиками группы.

Процесс самокатегоризации, согласно теории Дж. Тернера, структурирован и осуществляется на трех иерархических уровнях, которые различаются степенью обобщенности и абстракции [180]:

1. Высший (субординатный) уровень связан с идентичностью в наиболее универсальных категориях человеческого бытия. На этом уровне индивид осознает свою принадлежность к человечеству в целом, ощущая сопричастность с группой, обладающей характеристиками, универсальными для всего вида *Homo Sapiens*.

2. Промежуточный (средний) уровень определяется в контексте межгрупповых различий. Здесь личность осмысляет себя как члена конкретных социальных групп (например, профессиональных, этнических, религиозных), чьи границы и специфика формируются в сравнении с другими социальными категориями.

3. Нижний (субординатный) уровень характеризует личность на основе внутригрупповых различий. На этом уровне акцент смещается на самоопределение индивида в качестве уникального элемента, обладающего набором индивидуальных черт, которые дифференцируют его от других членов той же группы.

Таким образом, предложенная Дж. Тернером иерархическая модель самокатегоризации демонстрирует, как идентичность человека динамически функционирует на разных уровнях абстракции – от осознания себя частью всего человечества до понимания своей уникальности внутри малой социальной группы [180].

Согласно дихотомической модели социальной идентичности, предложенной Г. Тэджфелом, ее функционирование можно анализировать в рамках биполярного континуума «межличностное – межгрупповое взаимодействие». Посредством ряда экспериментальных исследований автор эмпирически обосновал, что в процессах социального оценивания систематически проявляется феномен межгруппового фаворитизма, выражающийся в предпочтении членов группы («своих») и дискриминации представителей аут-групп («чужих») [180].

Анализ поведенческих стратегий в групповом контексте позволяет операционализировать и диагностировать текущий уровень функционирования социальной идентичности. Ключевой аспект концепции заключается в дифференциации этих двух модусов: межличностное взаимодействие характеризуется сохранением целостности и индивидуальности личности, где наблюдаемые действия являются следствием личных выборов и мотивов. В свою очередь, при смещении к межгрупповому полюсу поведение индивида начинает детерминироваться

прежде всего групповыми целями и социальными ролями, что свидетельствует о доминировании коллективной, а не персональной идентичности.

Кроме того, Г. Тэджфел идентифицировал два противоположных полюса в структуре социальной идентичности – позитивный и негативный, – установив при этом прямую корреляционную зависимость между самооценкой индивида и оценкой, которую ему предоставляет группа, членом которой он является.

На основе эмпирических и теоретических исследований Г. Тэджфела, возможно сформулировать ряд фундаментальных заключений, касающихся природы социальной идентичности и межгрупповых отношений [180].

1. О процессе формирования социальной идентичности. Социальная идентичность конституируется в результате сложного когнитивного процесса, в ходе которого индивид осуществляет категоризацию собственной личности. Данный процесс предполагает не только рефлекссию уникальных, идиосинкразических качеств, но и идентификацию с определенными социальными группами. Таким образом, индивид приходит к осознанию наличия у себя как персональных атрибутов, так и дескрипторов, разделяемых с другими членами референтной общности (ин-группы).

2. О феномене межгруппового фаворитизма. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в ситуациях социального сравнения ин-группы с аут-группой индивиды демонстрируют устойчивую тенденцию к межгрупповому фаворитизму. Важнейшим аспектом данного феномена является его возникновение даже в условиях искусственно созданных и минимально значимых различий между группами. Это позволяет утверждать, что сама по себе категоризация на «своих» и «чужих» является достаточным условием для проявления предвзятого отношения в пользу собственной группы.

3. О связи позитивности ин-группы и психологического благополучия. Установлена прямая корреляционная зависимость между валентностью восприятия ин-группы и психологическим состоянием индивида. Чем более позитив-

ный образ и высокий статус приписывается собственной группе, тем выше оказываются ключевые показатели личностного благополучия её членов. К числу таких показателей относятся уровень самооценки, общее психологическое самочувствие и воспринимаемая самооэффективность, то есть воспринимаемая эффективность деятельности.

4. О последствиях снижения социальной идентичности и стратегиях их преодоления. Снижение или утрата позитивной социальной идентичности оказывает деструктивное воздействие на личность, подрывая основы самооценки, ухудшая эмоциональное состояние и снижая продуктивность деятельности. В ответ на эту негативную ситуацию индивид, как правило, избирает одну из двух стратегических линий поведения. Первая стратегия, известная как стратегия индивидуальной мобильности или «выхода», предполагает попытку покинуть низкостатусную группу и присоединиться к группе с более высоким социальным престижем. Альтернативная стратегия заключается в «голосе» – то есть в коллективных усилиях, направленных на повышение статуса и позитивное переопределение характеристик своей группы в процессе межгруппового сравнения, что ведет к её позитивной дифференциации [274].

В контексте изучения социальной идентичности схожую позицию занимает Г. Брейкуэлл, выдвигая предположение о том, что процесс идентификации базируется на двух фундаментальных и взаимосвязанных механизмах. С одной стороны, индивид осуществляет отождествление себя с релевантной социальной группой, члены которой обладают набором сходных отличительных характеристик. С другой стороны, данный процесс неизбежно предполагает когнитивное и ценностное противопоставление себя иной группе, которая лишена указанных значимых признаков, что способствует укреплению границ «своих» и «чужих» [222].

В рамках когнитивного направления психологической науки выделяется нарративный подход. Центральным объектом в данной парадигме выступает

смысл жизни, который анализируется в двух ключевых аспектах: как результативном, связанном с достигнутым состоянием осмысленности или переживанием бессмысленности существования, так и процессуальном, подразумевающим непрерывную активность по поиску и конструированию личностного смысла. Важно отметить, что такие формы психологической активности, как «исследование альтернатив» и «поиск смысла жизни», интерпретируются представителями этого подхода в качестве закономерных кризисных фаз в развитии личности. При этом проводится содержательное разграничение между данными кризисами: первый тип соответствует кризису идентичности, в то время как второй квалифицируется как смысложизненный кризис, имеющий иную психологическую природу и феноменологию.

Исследование идентичности в парадигме нарративной психологии осуществляется через призму процесса создания личностью связного жизненного повествования. Идентичность конституируется в актах самоинтерпретации и самоистолкования, когда индивид вербализует и структурирует собственную историю. Подобное самоповествование, реконструирующее поведенческие паттерны и ключевые поступки индивида, выполняет несколько важных функций. Оно позволяет вычленивать из потока жизненного цикла значимые обстоятельства, эксплицитировать их субъективную важность и осуществить их оценочную категоризацию, определяя те или иные события и периоды в качестве позитивных или негативных для траектории личностного развития.

Интеракционистский подход в изучении идентичности

Проблема генезиса и структуры идентичности занимает центральное место в исследованиях представителей символического интеракционизма (Дж. Мид [128], Ч. Кули [103], Г. Блумер [24] и др.). Основная гипотеза этого научного направления состоит в том, что идентичность формируется в процессе социальной интеракции, а ее ключевым индикатором является способность индивида

конструировать собственное жизненное пространство и осуществлять в его рамках рефлексивную самоидентификацию.

Чарльз Хортон Кули разработал теоретическую концепцию, согласно которой формирование Я-концепции индивида является не интроспективным, а социально обусловленным процессом. В рамках его подхода представление личности о себе возникает в результате непрерывного процесса рефлексии, направленного на интерпретацию восприятия индивида значимыми другими. Ключевым элементом данной теории, получившей название «Теория зеркального Я», является механизм «обратной связи». Согласно Ч. Кули, именно реакции и оценки со стороны других людей, выступающих в роли своеобразного социального зеркала, служат для индивида первичным источником данных для самопознания и самооценки. Таким образом, структура «Я» не является врожденной, а конституируется через совокупность «Я-чувств», которые развиваются и корректируются в ходе интеракций внутри социальной группы [103].

В результате этого процесса социального взаимодействия у индивида формируется комплексное представление о себе – так называемое «зеркальное Я». Ч. Кули постулировал, что данная структура состоит из трех взаимосвязанных компонентов [103]:

1. Восприятие индивидом того, как он выглядит в представлении других людей.
2. Интерпретация им реакций и оценочных суждений, которые эти другие демонстрируют в ответ на его социальную презентацию.
3. Формирование ответной эмоционально-оценочной реакции (такой как гордость, стыд или обида) на эту воспринимаемую оценку, которая и закрепляется в структуре самоотношения.

В рамках концепции Чарльза Кули, формирование «Я-концепции» индивида детерминировано, прежде всего, влиянием первичных групп. К числу таких относятся семья, ближайшее социальное окружение, а также иные объеди-

нения, основанные на неформальных, непосредственных и эмоционально насыщенных контактах. Именно в рамках этих групп происходит первичная социализация личности, в процессе которой индивид не просто усваивает базовые социальные нормы и ценности, но и формирует представления о самом себе и своей позиции в структуре общества [103].

Дальнейшее развитие данной идеи позволяет утверждать, что каждая социальная группа предлагает своим членам специфическую систему значений, уникальный символический универсум. Этот мир общих смыслов не является статичным; он постоянно реконструируется и модифицируется в процессе коммуникации и совместной деятельности участников группы. Таким образом, группа выступает не пассивным фоном, а активным со-творцом реальности в сознании индивида. В данном контексте социальная идентичность трактуется как неотъемлемый компонент общей «Я-концепции». Она возникает как результат рефлексивного осознания личностью своей принадлежности к определенным социальным общностям. Эта идентичность формируется через интернализацию тех самых групповых значений и миров, которые продуцируются и трансформируются в ходе социального взаимодействия. Следовательно, «Я-концепция» предстает сложным конструктом, возникающим на стыке интересубъективных процессов, происходящих внутри значимых для индивида групп, и его личного осмысления своей групповой принадлежности.

Концепция «зеркального Я», первоначально предложенная Ч. Кули, получила свое дальнейшее теоретическое развитие в трудах Дж. Г. Мида [128]. Центральное место в его работах занимает понятие «обобщенного другого», под которым понимается интегрированная репрезентация коллективных установок, ценностных ориентаций и поведенческих стандартов референтной группы. Усвоение индивидом позиции этого «обобщенного другого» является, по Дж. Миду, ключевым механизмом формирования личностного «Я-образа» в процессе социальной интеракции. В контексте проблематики соотношения социальной детерминации и автономии индивида Дж. Мид проводит дихотомию между

осознаваемой и неосознаваемой идентичностью. Неосознаваемая идентичность базируется на интернализированных социальных конструктах, которые усваиваются и функционируют на бессознательном уровне, определяя поведение и самоощущение индивида без его рефлексивного контроля. В противоположность этому, осознаваемая идентичность возникает в результате рефлексивной активности, когда личность начинает целенаправленно анализировать собственные поступки, мотивы и представления о себе.

Таким образом, идентичность у Дж. Мида предстает не как статичное образование, а как динамическая способность индивида осмысливать себя и свое окружение в качестве целостной системы. Осознаваемая идентичность связана с трансформацией когнитивных процессов и зарождением рефлексии, тогда как неосознаваемая обусловлена некритическим принятием нормативных паттернов и практик социальных групп, к которым принадлежит индивид [128].

Согласно теории Дж. Мида, идентичность личности конституируется в процессе социального взаимодействия (интеракции) посредством диалектики двух аспектов «самости» – «I» и «me». Данная диалектика конкретизирует механизм, в котором совмещаются процессы самодетерминации индивида и его социальной детерминации. Таким образом, идентичность понимается как комплексная способность, обеспечивающая интеграцию представлений о себе и о социальной реальности в единое целое. Из этого следует, что структурная организация идентичности носит системный характер, где определяющую роль играют не столько отдельные элементы, сколько устойчивые связи между ними, а также их интеграция в общую структуру [128].

В рамках теоретической парадигмы структурного символического интеракционизма Шелдон Струкер предлагает анализировать феномен социальной идентичности через призму структурного распределения социальных ролей [272]. С его точки зрения, идентичность не является врожденной или раз и навсегда заданной, а конструируется в процессе социального взаимодействия, где

ключевым элементом выступает принятие и исполнение индивидом определенных ролей.

Для описания механизма этого конструирования Ш. Струкер разрабатывает трехфакторную модель, постулирующую, что становление идентичности осуществляется через последовательную реализацию трех ключевых процессов. Во-первых, это процесс выбора, при котором индивид совершает первоначальное самоопределение в рамках доступных социальных позиций. Во-вторых, процесс поиска, подразумевающий активные действия по освоению и закреплению выбранной роли. И, в-третьих, процесс пересмотра, который позволяет адаптировать или кардинально изменить первоначальный выбор под влиянием нового опыта или изменившихся обстоятельств. Центральным тезисом данной модели является подчеркивание динамического аспекта идентичности, ее постоянной подверженности трансформации и переопределению. Ш. Струкер в рамках своего подхода не придает значения персональной либо социальной идентичности, однако указывает на социальный ракурс идентичности [272].

Ш. Струкер выдвигает теоретическое положение, согласно которому человеческое социальное поведение может быть концептуализировано как сложная последовательность социально сконструированных процессов. Ключевым аспектом данной концепции является то, что эти процессы, будучи в ряде случаев принудительными по своей природе, тем не менее, не являются абсолютно детерминированными. Напротив, они изначально содержат в себе потенциал для агентности индивидов, что находит выражение в таких фундаментальных возможностях, как осознанный отказ от следования установленным паттернам, отклонение от предписанных норм и их последующая модификация. Таким образом, с точки зрения автора, подобный взгляд на социальную реальность представляется полностью логичным, поскольку он признает диалектическое взаимодействие между структурными ограничениями и человеческой способностью к их трансформации [272].

Этим объясняется процессуальность Я. С другой стороны, он придерживается мнения о том, что Я представляет собой структуру, в рамках которой осуществляется воздействие на убеждения других личностей. По мнению Ш. Струкера, структурные черты индивида проявляются в частичных идентичностях и передают понимание людьми своего участия в общественной интеракции. С его точки зрения, идентичность представляет собой интериоризированную роль, интерпретируемую согласно социальным предпочтениями личности [272].

Формирование идентичности представляет собой социально детерминированный процесс, протекающий в рамках группового взаимодействия. Личность обретает и конструирует собственное «Я» через усвоение и выражение социальных ролей, предлагаемых различными общностями (такими как профессиональные коллективы, учебные группы или общественные организации). В ходе социальной интеракции происходит либо критическая концептуализация себя, либо некритическая интериоризация внешне заданных поведенческих моделей. Таким образом, возникающая идентичность не только является продуктом социальных отношений, но и сама становится ключевым фактором, детерминирующим дальнейшее социальное поведение индивида. Это поведение осуществляется таким образом, что оно соответствует индивидуальной идентичности, включающей в себя организованную иерархию возможностей ответа в различных социальных ситуациях.

В работах П. Рикера идентичность рассматривается в качестве «нарративной идентичности». Нарратив в качестве подлинной истории рассматривается во время чтения, которое константно корректирует предыдущий истинный нарратив [155].

В контексте теоретической парадигмы символического интеракционизма социальная идентичность конституируется посредством ряда фундаментальных положений:

– идентичность трактуется не как статичный атрибут, а как динамическое образование, формирующееся в процессе социального взаимодействия (интеракции). Она представляет собой синтез личностных характеристик и социальных детерминант, возникающий в результате интернализации индивидом социальных ролей в ходе коммуникации с другими акторами;

– важнейшей характеристикой структуры идентичности является ее имманентная диалектическая противоречивость. С одной стороны, субъект демонстрирует устремленность к автономии и уникальности, а с другой – испытывает перманентную потребность в социальном признании и принадлежности к референтной группе. Данная антиномия между индивидуальным и коллективным началами составляет центральное напряжение в процессе становления идентичности;

– для нивелирования этого противоречия и поддержания целостности «Я» индивид прибегает к использованию специфических психотехник и стратегий самопрезентации. Эти механизмы позволяют осуществлять ситуативный баланс между различными модусами идентичности (личностной и социальной) и адаптировать их к требованиям конкретного контекста взаимодействия. Следовательно, поддержание идентичности – это не пассивный процесс, а активная работа, требующая от личности постоянных усилий по согласованию внутреннего самоощущения с внешними социальными ожиданиями:

– в теоретическом плане соотношение личностной и социальной идентичностей часто концептуализируется как бинарная оппозиция, полюса которой формируются под влиянием двух ключевых факторов: непосредственной интеракции и усвоения сложной системы вербальных и невербальных символов, составляющих основу коммуникации;

- методологический аппарат исследования идентичности в рамках данного подхода закономерно включает процедуры анализа самоописаний и личных нарративов. Это обусловлено тезисом о том, что идентичность не столько предза-

дана, сколько актуализируется и осознается рефлексивно именно в процессе взаимодействия. Таким образом, рефлексия, понимаемая как способность к осмыслению и интерпретации результатов собственных социальных действий, отводится в качестве ведущего механизма в генезисе и трансформации идентичности.

Бихевиористский подход к изучению идентичности

В рамках бихевиористской парадигмы анализ идентичности концентрируется на процессах ее трансформации, которые рассматриваются сквозь призму динамики межгрупповых отношений. основополагающий вклад в разработку данной проблематики внес М. Шериф, чьи исследования заложили фундамент для научного понимания феноменов группового и межгруппового взаимодействия. Сформулированный М. Шерифом концептуальный подход предполагает, что идентичность возникает как когнитивный результат осознания индивидом своей принадлежности к определенной социальной группе [270].

В данном контексте поведение личности, выступающей в качестве репрезентанта конкретной общности, детерминировано не столько индивидуальными предпочтениями, сколько комплексом внутригрупповых нормативных предписаний, ценностных ориентаций и поведенческих процедур. Ключевым элементом, регулирующим эту деятельность, являются социальные маркеры – внешние, символические или поведенческие атрибуты членства в группе. Эти маркеры, наряду с индивидуальными характеристиками, выходят на первый план в процессе социального взаимодействия, выполняя функцию идентификации и дифференциации «своих» и «чужих» [270].

М. Шериф, Д. Кемпбелл и их коллеги осуществили эмпирическую проверку гипотез, используя в качестве методологической основы бихевиористскую парадигму «стимул-реакция» [224, 270]. Согласно предложенной ими исследовательской модели, в роли стимула выступало непосредственное взаимодействие индивидов внутри группы, тогда как реакцией на него являлось формирование

специфических межличностных отношений. В эксперименте от участников требовалось осуществление рефлексивного выбора по отношению к своему социальному окружению и идентификация с тем сообществом, к которому они ощущали свою принадлежность. При этом мотивационная составляющая и причины, лежащие в основе данного выбора, не являлись предметом специального изучения. Основной фокус внимания был сосредоточен на анализе ценностных ориентаций, поведенческих установок и нормативных моделей, присущих конкретной группе. Следствием такой интенсификации групповых характеристик становилось значительное усиление уровня внутригрупповой солидарности и сплоченности в условиях конфликтного взаимодействия с внешними агентами. Участники экспериментального процесса не только демонстрировали готовность к самоотжествлению с другими членами группы, но и проявляли способность к разделению общей точки зрения, а также к активной вербальной и поведенческой демонстрации своей групповой принадлежности.

С точки зрения М. Шерифа, феномен социальной идентичности трактуется как когнитивный результат отождествления индивидом себя с определенной социальной общностью. Ключевым условием для возникновения данного процесса выступают реальные межгрупповые интеракции. М. Шериф полагал, что межгрупповое поведение как самостоятельный психологический феномен возникает в ситуации, когда индивиды, принадлежа к одной группе, вступают во взаимодействие с другой группой или ее представителями (индивидуально или коллективно), осознанно оперируя при этом своими групповыми идентичностями [270].

Важно подчеркнуть, что в концепции М. Шерифа социальная идентичность занимает доминирующую позицию, находясь в оппозиции к идентичности личностной, которой отводится подчиненная роль. Проведенные им исследования заложили фундамент для последующего углубленного анализа природы межгрупповых конфликтов, детерминированных влиянием ряда внешних факто-

ров. К числу таких факторов относятся: количественный состав группы, ограниченность и доступность ресурсов, а также специфика групповых целей (их совместимость или конфликтность).

Из этого следует, что М. Шериф и его коллеги доказали, что личности в принципе не интересно, как формируется личностная история. Включенная в отдельные межгрупповые интеракции, она перенимает отдельное групповое членство и проявляет активность согласно групповым нормам, важную роль в поведении имеют социальные, а не личностные маркеры.

Согласно концепции М. Шерифа, ключевым условием для формирования идентичности служит принадлежность индивида к определенной социальной группе. Он пришел к заключению, что доминирующую роль в этом процессе играют не личностные характеристики, а факторы социального происхождения. Методологическое преимущество подхода М. Шерифа заключается в его опоре на экспериментальные данные. В отличие от методов, основанных исключительно на субъективных самоотчетах и самоописаниях респондентов, его теория была верифицирована в ходе моделирования контролируемых ситуаций, таких как конфликт или соревнование, что обеспечило эмпирическую обоснованность полученным выводам [270].

Д. Кэмпбелл, развивая научный подход М. Шерифа, утверждал, что конкурентный характер межгрупповых отношений порождается реально существующим конфликтом интересов, который сохраняет свою значимость вне зависимости от момента его актуализации – в прошлом, настоящем или будущем [224].

В своей исследовательской модели, направленной на изучение путей разрешения таких конфликтов и роли групповой идентичности, Д. Кэмпбелл использовал уровень конфликтности в качестве независимой переменной. Ее влияние распространялось на ряд зависимых переменных, характеризующих внутригрупповые процессы. К этим переменным относятся динамика сплоченности, проявления солидарности и конформизма, уровень враждебности, а также изменения в прочности межгрупповых границ [224].

В рамках научного подхода, разработанного Д. Кемпбеллом, трансформация параметров групповой идентичности рассматривается как процесс, детерминированный комплексом взаимосвязанных факторов. Согласно данной концепции, ключевыми детерминантами выступают следующие аспекты [224]:

1. Характер аффективных связей: Речь идет о специфике эмоциональных отношений, которые складываются как между индивидами внутри группы (интрагрупповые связи), так и на уровне восприятия другой группы в целом (интергрупповые отношения). Эти отношения, будь то солидарность, симпатия или, напротив, враждебность и неприятие, формируют эмоциональный фон для самоопределения группы.

2. Стратегии ресурсной конкуренции: Существенное влияние оказывают модели и методы конкурентного взаимодействия, которые группы используют в борьбе за ограниченные материальные или символические ресурсы, необходимые для их функционирования и воспроизводства.

3. Когнитивное восприятие интересов: Важнейшую роль играет степень и характер осмысления участниками конфликта как собственных групповых интересов, так и интересов противостоящей стороны. Это понимание формирует когнитивную основу для определения границ «своих» и «чужих».

Эмпирические исследования, основанные на данной теоретической модели, демонстрируют, что актуализация межгруппового конфликта приводит к интенсификации процессов идентификации среди членов группы, способствуя росту внутренней сплоченности. В противоположность этому, в условиях, требующих межгрупповой кооперации и совместной деятельности, наблюдается тенденция к формированию более интегрированной и рефлексивной формы групповой идентичности, которая осознается ее носителями в более четких и единых категориях [293].

Анализ вклада представителей бихевиористского подхода в исследование социальной идентичности позволяет выделить ряд фундаментальных положений, акцентирующих роль внешних, объективных факторов в ее формировании и функционировании.

1. Конфликтная природа идентичности. Бихевиористы постулируют, что социальная идентичность является не психологическим конструктом, а продуктом реальных межгрупповых отношений. Центральным механизмом ее кристаллизации выступает межгрупповой конфликт.

2. Объективная основа конкуренции. В качестве источника конфликта выступает конкурентная борьба за дефицитные ресурсы (материальные блага, власть, статус), а не аффективные состояния или личностные диспозиции членов групп. Из этого следует вывод, что именно конкуренция служит катализатором, который усиливает групповую идентификацию и повышает ее осознанность для индивидов, четче обозначая дихотомию «Мы-Они».

3. Коллективный уровень анализа. Важным методологическим принципом является рассмотрение межгруппового поведения и социальной идентичности как коллективных феноменов. Они не сводятся к простой сумме сходных индивидуальных действий или психологических черт, а возникают на уровне группы как целостной системы.

4. Кооперация как альтернативный путь. В противоположность конфликту, взаимодействие, построенное на принципах кооперации и сотрудничества, ослабляет тенденцию к сильной идентификации с первоначальной группой. Вместо этого создаются условия для возникновения более общей, инклюзивной идентичности, которая объединяет ранее конкурировавшие группы.

1.1.2. Идентичность в отечественной психологической науке

В рамках отечественной психологической науки проблема идентичности разрабатывалась через призму смежных, но фундаментальных категорий – само-

сознания и самоотношения. Несмотря на то, что понятие «идентичность» как самостоятельный конструкт не сразу заняло центральное место в исследовательском поле, его концептуальные основания были заложены в трудах российских психологов, фокусирувавшихся на изучении структуры и генезиса самосознания личности. Г.М. Андреева отмечает, что, предпосылки изучения идентичности в отечественной психологической науке появились относительно недавно – в конце 50-х годов XX в., а отдельные самостоятельные теории социальной идентичности сложились к середине 70-х гг. XX века [8].

В психологической науке существуют различные подходы к рассмотрению особенностей взаимоотношения человека с миром: познавательный, деятельностный и отношенческий. В рамках отношенческого подхода рассматриваются особенности взаимодействия человека с другими людьми. Одним из основателей рассмотрения личности с позиции субъектно-деятельностного подхода был С.Л. Рубинштейн [157]. Согласно концепции С.Л. Рубинштейна, принцип деятельности тесно связан с принципом субъектности. Деятельность можно рассматривать как одну из проявлений активности субъекта и его взаимодействия с окружающей реальностью. С.Л. Рубинштейн утверждал, что активность субъекта выражается в формах самодетерминации, самопричинения и самодеятельности, и через эти формы отражается сущностная характеристика субъекта. Очевидно, что характеристика субъекта включает как когнитивные, так и деятельностные аспекты психологии человека. Субъект становится основой взаимосвязи между сознанием и деятельностью. С.Л. Рубинштейн уделял особое внимание тому, что «самосознание – не изначальная данность, присущая человеку, а продукт развития» [157, с. 640].

В рамках отечественной психологической школы А.В. Брушлинским и С.Л. Рубинштейном был разработан фундаментальный подход, центральным элементом которого выступает исследование внутренних источников активности, имманентно присущих самому человеку [33,157]. Согласно данной концепции, личность предстает не пассивным продуктом обстоятельств, но активным

субъектом, который не просто отражает окружающую действительность, а целенаправленно созидает новые формы бытия. Этот процесс предполагает непрерывное преобразование объективной реальности через призму индивидуального сознания, в ходе которого внешнее, объективное, становится содержанием внутреннего, субъективного мира.

Сущность данного подхода заключается в положении о том, что индивид обладает врожденной потребностью и способностью к переустройству бытия в соответствии с системой сложившихся у него личностных смыслов. Таким образом, преобразуя внешний мир, человек как бы «опредмечивает» себя в нем, в результате чего элементы объективного и субъективного начинают выступать в качестве прямого продолжения его личности, существенно расширяя ее границы. В этом контексте пространства бытия индивида не являются чем-то внешним по отношению к нему, а представляют собой неотъемлемый структурный компонент его личности.

В русле структурно-смысловой парадигмы, вытекающей из этих положений, идентичность интерпретируется как сложный, многокомпонентный феномен. Его сердцевину составляет способность личности к рефлексивному выделению и осознанию собственной «фигуры» – уникальной конфигурации устойчивых личностных характеристик и смысловых доминант – в многомерном и динамичном пространстве ее бытия. Важно подчеркнуть, что этот процесс не сводится к простому, зеркальному отражению. Напротив, он представляет собой акт активной, целенаправленной самоидентификации, которая достигает своей максимальной интенсивности в переживаниях индивидом себя в качестве целостного, непротиворечивого и суверенного субъекта, являющегося автором своей деятельности и жизни.

До 1990-х годов в отечественной психологии понятие идентичности не получало широкого распространения и детальной теоретической разработки. Интеграция данной категории в активный научный оборот во многом стала след-

ствием исследовательской деятельности И.С. Кона, сфокусированной на проблемах самосознания и становления личности. В рамках его концептуального подхода идентичность была определена в качестве ключевого структурного элемента «Я-системы», играющего ключевую роль в организации и интеграции личности, что позволило рассматривать ее в качестве одного из центральных образующих конструктов [93].

Существенным вкладом в развитие теории самосознания стала предложенная им трехуровневая модель, характеризующаяся тем, что каждый ее структурный уровень операционализируется через единство трех компонентов: когнитивного (рефлексивные процессы самовосприятия), аффективного (эмоционально-оценочное отношение к себе) и поведенческого (актуальные действия и стратегии, детерминированные самосознанием) [93].

В рамках отечественной психологической традиции идентичность сформировалась в качестве самостоятельного предмета научного анализа с некоторым запозданием, преимущественно в контексте разработки теорий социальных групп. Значимым вектором в этом процессе стало утверждение Р.Л. Кричевского о методологической необходимости рассматривать процессы становления идентичности в неразрывной связи с анализом социального окружения индивида [100].

Существенный вклад в разработку данной проблематики внесла Г.М. Андреева, углубившая понимание специфики влияния групповых феноменов и эффектов на конституирование идентичности [8]. Л.Б. Шнейдер осуществила комплексный анализ данного конструкта, детально описав ключевые механизмы, детерминирующие факторы, а также динамику трансформации различных форм идентичности – личностной, гендерной и профессиональной – обусловленную групповой принадлежностью индивида [207].

Значительный вклад в развитие теории идентичности внесен работами Е.П. Белинской и О.А. Тихомандрицкой, которые предложили рассматривать

данную категорию в неразрывной связи с сопряженными психологическими конструктами. Их концептуальный подход основывается на положении о том, что термины «идентичность», «Я-концепция», «Я-образ» и «Самость» обладают значительным смысловым пересечением и могут трактоваться как синонимичные в контексте анализа интегральных структур личности [17,18,182].

В разработанной ими архитектонике идентичность структурируется на два взаимодополняющих компонента. С одной стороны, она включает личностную идентичность, воплощающую комплекс индивидуальных, уникальных черт человека. С другой стороны, в ее состав входит социальная идентичность, формирующаяся через осознание своей принадлежности к различным социальным группам и категориям. Подобное структурное деление подчеркивает двойственную природу идентичности, которая одновременно является продуктом как уникального личного опыта, так и результатом интериоризации социальных связей [18,182].

В.В. Столин предлагал рассматривать самосознание на трех уровнях: организменном, индивидуальном и личностном [175]. И.И. Чеснокова в своих работах детализирует архитектонику самосознания, выделяя в его структуре три фундаментальных и неразрывно связанных блока. Первый блок – самопознание (когнитивный компонент) – представляет собой рефлексивную деятельность, направленную на постижение своих личностных качеств, способностей, мотивов и формирование целостного представления о себе. Второй блок – самоотношение (аффективный компонент) – отражает глобальное, обобщенное переживание индивидом собственной ценности, проявляющееся в таких феноменах, как самоуважение, самопринятие или, напротив, самообвинение. Третий блок – саморегуляция (поведенческий компонент) – является практическим инструментом, позволяющим личности направлять и контролировать свои действия, поведение и психические состояния для достижения поставленных задач и соответствия внутренним стандартам. Важнейшим аспектом данной модели является подчер-

кивание постоянного динамического взаимодействия между этими компонентами, где, например, результаты самопознания влияют на самоотношение, а последнее, в свою очередь, определяет стратегии саморегуляции [201].

По мнению М.С. Гусельцевой в субъектно-бытийном подходе реализуется уникальная взаимозависимая система индивидуальных феноменов внутреннего устройства личности и ее состояний, а также поведенческо-ориентированные парадигмы и явления [53].

В рамках теоретического подхода, разработанного Е.Т. Соколовой, самоидентичность понимается как динамическая система, обеспечивающая целостность личности [169]. Фундаментальной основой этой системы является субъективное чувство непрерывности и тождества «Я», сохраняющееся несмотря на изменения во времени и в различных социальных контекстах (пространстве). Критически важным для ее формирования является условие аутентичности, под которым подразумевается соответствие самовосприятия реальному внутреннему опыту индивида. Механизмом, конструирующим самоидентичность, выступает синтез частных, подвижных и порой конфликтующих образов «Я» в единую, логически связанную структуру. Благодаря успешной интеграции этих элементов складывается устойчивое и обобщенное личностное самоопределение, которое обретает свою завершенность и стабильность только будучи подтвержденным и легитимированным в рамках общности значимых других. Таким образом, самоидентичность у Е.Т. Соколовой предстает как продукт одновременного действия внутриличностных и интерсубъективных процессов [169].

В исследовании Н.М. Аксеновой эго-идентичность рассматривается в качестве фактора профессионального становления. Структура эго-идентичности включает в себя такие личностные признаки как: высокий уровень целостности, самоидентификация личности, присутствие структуры личностных смыслов, определяющих основную деятельность (т.е. приобретение профессиональных навыков), создание модели смысложизненных направленностей, совокупность и длительность ограниченной временной перспективы [5].

Е.Л. Солдатовой была разработана и апробирована оригинальная методика, направленная на диагностику статусов и структурных компонентов эго-идентичности личности. Данный исследовательский инструмент нашел свое первоначальное применение в изучении специфики становления идентичности в периоды нормативных кризисов развития, когда личность сталкивается с необходимостью разрешения ключевых возрастных противоречий [170].

В своих поздних работах Е.Л. Солдатова углубляет концептуальное осмысление одного из таких статусов, а именно – статуса «моратория, этот термин описывает не просто неопределенность, а сознательно выбранную или вынужденную паузу, в течение которой индивид приостанавливает активный поиск и финальный выбор личностной идентичности. Ключевой характеристикой данного состояния является отсутствие не только сформированных идентификационных паттернов, но и самой мотивационной направленности на их формирование, что проявляется в пассивности и отсутствии стремления к самоопределению и личностному развитию [170].

Л.М. Дробижева при исследовании идентичности рассматривала вопросы взаимосвязи личности и группы. При таком ракурсе исследования идентичность включает в себя самоидентификацию, представление о своей группе и групповую идентичность [61]. М.Н. Губогло рассматривает идентичность как открытую систему, включающую компоненты разных систем и предлагает понятие многоуровневой идентичности с различными вариантами идентичности (социальную, гендерную, профессиональную и т.д.) [52].

В своих исследованиях М.В. Заковоротная осуществляет комплексный анализ трансформации концепта идентичности в контексте эволюции психологического знания на различных исторических этапах. Особое внимание в ее работах уделяется диалектике индивидуального и коллективного начал в структуре идентичности. С точки зрения ученого, идентичность представляет собой не статичное образование, а динамический и многомерный процесс, детерминированный становлением личности. Исследование данного феномена, по мнению М.В.

Заковоротной, требует интегративного подхода, синтезирующего социальные, психологические, культурологические и биологические аспекты рассмотрения [71].

Согласно взглядам О. Ю. Малиновой идентичность представляет собой как категорию практики, так и категорию научного анализа [122].

Исследование Л.Н. Ивановой посвящено фундаментальному научному рассмотрению структурных компонентов и функционального назначения идентичности [76]. В рамках предложенного ею подхода осуществляется категориальный анализ, в результате которого личностная и социальная идентичность определяются в качестве самостоятельных объектов научного изыскания. Параллельно с этим исследуется вопрос о возрастной динамике и гендерной вариативности в процессе становления идентичности. Важнейшим теоретико-методологическим основанием работы выступает принцип социальной обусловленности формирования идентичности. Л.Н. Иванова последовательно доказывает, что конституирование таких структур самосознания, как Я-Образ, Я-Концепция и Самость, не может быть проанализировано вне учета влияния социума, поскольку персональное развитие индивида всегда инкорпорировано в социокультурный континуум. Отдельный раздел исследования сфокусирован на проблеме трансформации идентичности, трактуемой как нелинейный процесс, в ходе которого на разных стадиях жизненного цикла происходит возникновение и редукция тех или иных идентификационных моделей. Движущей силой этой трансформации, как полагает автор, выступает взаимодействие внешних детерминант (макросоциальные и экономические кризисы) и внутренних предикторов (индивидуальные мотивы, ценностные ориентации) [76].

Анализ научных подходов к проблеме идентичности позволяет выявить ее фундаментальную связь с социальным бытием индивида. Согласно исследованию И.Ю. Суворовой, распад социальной идентичности является следствием потери личностью интегрирующих основ ее социального существования. Речь идет о таких критически важных компонентах, как утрата значимой социальной роли,

снижение или исчезновение социального статуса, а также эрозия самоуважения и иных индивидуально-личностных характеристик, что в конечном счете приводит к кризису самоидентификации [177].

Дополнительную глубину в понимание данного конструкта вносит определение, предложенное Д.В. Колесовым. Ученый акцентирует внимание на внутреннем, психологическом аспекте идентичности, трактуя ее как глубоко личностное переживание принадлежности или единения. Это переживание может быть направлено вовне – на объединение с другими индивидами или социальными группами, либо вовнутрь – на достижение целостности с самим собой, а также может быть связано с приверженностью определенным принципам или идеям [92].

В свете указанных теоретических положений процесс становления личности в условиях мировой проблематики предстает как поиск и признание своей идентичности. Именно этот процесс лежит в основе обретения индивидом своего «полного Я», позволяя ему не только адаптироваться к изменчивым социальным условиям, но и конструировать осмысленную и связную картину собственного существования.

Как отмечает выдающийся американский футуролог А. Тоффлер, в условиях современного общества миллионы людей сталкиваются с интенсивным поиском личной идентичности. Этот процесс мотивирован стремлением обрести психологическую целостность и преодолеть внутреннее состояние хаоса и энтропии, что, в конечном счете, направлено на формирование индивидуального миропорядка и обретение утраченной гармонии [277].

В современной научной парадигме идентичность личности понимается как сложный, многокомпонентный конструкт. С одной стороны, она включает устойчивое ядро «Я», образуемое совокупностью инвариативных и осознаваемых атрибутов индивида, таких как биологический пол, возраст, телесность, этническая принадлежность, язык и профессиональный статус. С другой стороны,

идентичность охватывает вариативную составляющую «Мое», которая продуцируется ядром и включает подлежащие трансформации в процессе повседневной деятельности элементы: идеи, эмоциональные реакции, социальные отношения и материальные объекты. Таким образом, структурно идентичность репрезентирует собой уникальную для каждого субъекта совокупность «Я» + «Мое». Ряд исследователей дополняет это представление, вводя понятие самоидентичности как продукта активного, творческого осмысления личностью самой себя, что подчеркивает ее уникальность и неповторимость. Данная теоретическая концепция имеет фундаментальное значение для выработки методологических и этических оснований психологической практики. Из признания уникальности и целостности идентичности вытекает принцип безусловного и безоценочного принятия личности клиента. Этот принцип предполагает отказ от каких-либо попыток коррекции личности в соответствии с субъективными представлениями специалиста. Идентичность клиента обретает статус наивысшей ценности, что накладывает строгие ограничения не только на оценочные суждения, но и на саму возможность сравнительного анализа между индивидами. Подобное сравнение признается методологически некорректным, поскольку уникальность человеческой природы не предоставляет для него объективных оснований. В этом контексте субъективная реальность человека не подлежит оценке, но требует эмпатического понимания и принятия.

Ключевым маркером для исследования особенностей личностной идентичности в рамках данной модели выступает ее ценностно-потребностная сфера. Важно учитывать, что ее формирование и функционирование неразрывно связаны с социальным контекстом. Как отмечается в научной литературе, жизнь современного человека детерминирована социумом и опосредована системой общественных ценностей. Эти ценности транслируются через специализированные социальные институты, главная цель которых заключается во внедрении и консолидации в общественном сознании поведенческих моделей, релевантных интересам действующей власти.

Таким образом, в отечественной психологической традиции феномен идентичности сформировался как производное от глубокой теоретической и эмпирической проработки категорий самосознания и самоотношения, что задало его понимание в качестве сложного, социально детерминированного и структурно организованного образования личности.

1.1.3. Структурно-функциональный анализ идентичности

Феномен идентичности принято дифференцировать на два взаимосвязанных, но концептуально различных уровня: личностную и социальную идентичность. Личностная идентичность понимается как комплекс устойчивых характеристик, качеств и атрибутов, которые индивид признает в качестве неотъемлемых и уникальных составляющих собственного «Я». Эта совокупность внутренних репрезентаций проявляется в ответах на экзистенциальный вопрос «Кто я?», которые часто формулируются через призму индивидуальных психологических черт, таких как «я являюсь ответственным человеком», «я склонен к тревожности» или «меня характеризует любознательность». Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что даже подобные, казалось бы, сугубо личностные самоописания не свободны от социального подтекста. Они имплицитно отсылают к определенным групповым нормам, ценностям и культурным эталонам, через призму которых индивид оценивает и конституирует сам себя. Таким образом, декларация «я скучный» не столько фиксирует объективное качество, сколько свидетельствует о процессе соотнесения себя с социальными представлениями об общительности и привлекательности.

Теоретическое осмысление диалектики личностного и социального начал в структуре идентичности имеет глубокие историко-философские корни. Значительный вклад в разработку данной проблематики был внесен классиком психологии Уильямом Джеймсом, который еще в конце XIX века поставил вопрос о способности индивида к рефлексивному осмыслению своей самоидентичности, определению ее границ и положения в социуме [57]. В предложенной У.

Джеймсом дихотомической модели личность анализируется в двух неразрывных ракурсах. С одной стороны, это «I» (Личностное «Я») – сознающий, активный субъект, источник спонтанности и воли, ответственный за непрерывность потока сознания и формирование внутреннего чувства тождества. С другой стороны, это «Me» (Социальное «Я») – объективированный образ себя, складывающийся из совокупности социальных ролей, статусов и идентификаций, которые усваиваются индивидом в процессе интеракции с «другими». Согласно У. Джеймсу, эти два аспекта не существуют изолированно, но интегрируются в целостную систему – «Self» (Самость), являющуюся интегральным образованием, в котором происходит постоянное взаимодействие и взаимопроникновение уникально-личностного и социально-детерминированного. Данная концепция заложила методологический фундамент для последующих исследований, подчеркивающих, что индивидуальность формируется не в вакууме, а в контексте сложной сети социальных отношений и культурных значений [57].

Э. Эриксон в своей теории рассматривает идентичность в качестве интегративного образования, обладающего сложной многоуровневой архитектурой [236]. Методологической основой для ее изучения служит предложенная ученым трехуровневая система анализа человеческой природы. Данная система предполагает, что становление и функционирование идентичности необходимо рассматривать в трех неразрывно связанных плоскостях: как процесс, протекающий на индивидуальном (организмическом), личностном (субъектном) и социальном (интерсубъектном) уровнях [236].

Личностная идентичность представляет собой динамический, а не статичный конструкт, находящийся в состоянии непрерывной трансформации. Этот процесс развития носит нелинейный характер, включая в себя как фазы прогресса и усложнения, так и периоды регресса. Следовательно, становление идентичности следует понимать как перманентный, длящийся на протяжении всей жизни индивида процесс.

Социальная идентичность включает три основные составляющие:

- представление о мире, которое формируется ролью, выполняемой в социальной среде;
- положение личности в социальной среде;
- установленные или утвержденные социумом нормы рефлексии к происходящей действительности.

Социальная и личностная идентичность могут рассматриваться в качестве двух сторон единого социально-психологического феномена, в рамках которого происходит вовлеченность индивида в общество.

Личностная идентичность представляет собой разные статусы чередующихся общественных ролей, где каждая роль уникальна с присущей только ей ярко выраженной особенностью, включающей осознание роли, ее рост и падение, диктуемые социумом ограниченные во времени рамки, действия и последующие качества. В свою очередь каждая роль многогранна и может быть исследована в качестве самобытно-бытийного пространства личности. В этой связи наблюдается возможность отсутствия рефлексии ролей и противоречивая интеграция. Итогом может выступить конфликт ролей либо предпосылки для их поступательного расположения во времени (сначала я закончу университет, найду работу, приобрету недвижимость, а потом создам семью и др.).

Мишель Фуко полагал, что благодаря различным социальным институтам, таким как институт семьи осуществляется контроль личности социумом. Социум предлагает личности различные роли, предопределяя поведение личности, а также вызывает у нее как положительные, так и отрицательные переживания, которые вызывают комплекс неполноценности, если личность не может осуществить заданное социумом [55].

Каждый человек имеет уготованный ему «семейный» путь. В случае, если личность выбирает свой уникальный путь, общество присваивает ей ярлыки: холостяк, старая дева, разведенная/разведенный. Каждый в свое время имеет дело с обременением «семейной» сигнификации. Личность пытается пройти через осознанное принятие тех социальных ролей, дополнить свой индивидуальный

Образ-Я с помощью социальных идентичностей, без которых она не может быть полноценной.

Согласно З.И. Рябикиной личность стремится получить признание от общества за прошедшие изменения, которые она осуществляет в своем бытии. [160]. Такое представление о личности, получившей или не получившей признание, мы можем обнаружить в работах Е.В. Абаева, П.Н. Ермакова, К. Роджерса, Р.Д. Лэйнга и др. [1,68,119,156].

Собственная значимость личностной идентичности может быть достигнута благодаря процессу «подтверждающего поведения» социума. Личность стремится к похожим структурам личностных смыслов и развивает свои отношения в этих бытийных пространствах. Личность стремится удовлетворить свою потребность во внешнем подтверждении, которое выражается в объективации ее внутреннего мира. Под внешним в данном контексте понимается создание окружающего пространства, внутри которого функционирует личность со всеми ее характеристиками, реакциями, поведенческими моделями и взаимодействием с окружающими. Через это взаимодействие и сочувствие от других людей личность реализует свое бытие.

Проникновение цифровых технологий в ткань социальных отношений порождает комплекс новых вызовов для личности, что, в свою очередь, стимулирует академический дискурс вокруг проблем свободы воли, самоуправления и рефлексии. Способность к осознанному выбору и самодетерминации начинает трактоваться не только как внутренний психологический ресурс, но и как критически важный навык для адаптации в динамичной цифровой среде. В данном контексте, достижение консистентной и автономной личностной идентичности становится центральной задачей развития индивида, решение которой напрямую связано с его умением ориентироваться в информационно перенасыщенном пространстве.

В центре современного научного дискурса находится концепция динамического взаимодействия между индивидуальным и коллективным аспектами в

структуре идентичности личности. Исследовательский интерес при этом концентрируется не столько на статичном описании данных компонентов, сколько на анализе генезиса и источников их формирования. Процесс становления идентичности трактуется как продукт диалектического синтеза, возникающего в результате непрерывного и взаимодетерминирующего взаимодействия интраперсональных и экстраперсональных детерминант.

К первым относятся такие психологические конструкты, как система ценностных ориентаций, механизмы личностной рефлексии и уникальный биографический опыт индивида. Ко вторым причисляется совокупность социальных интеракций, включающая нормативные предписания, институциональные ожидания и акты публичного признания или отрицания со стороны значимых социальных групп. Принципиально важным является отказ от устаревшей дихотомической модели, противопоставляющей личностную идентичность социальной. Вместо этого они интерпретируются как комплементарные и ко-конституирующие элементы единой системы «Я». Подобная интеграция обеспечивает субъекту возможность формирования целостного и внутренне непротиворечивого самовосприятия, в рамках которого он осознает себя как автономного актора, обладающего уникальными характеристиками, и одновременно как неотъемлемую часть более широкой социальной структуры, чьи действия и самоопределение обусловлены принадлежностью к определенным общностям.

В рамках академического дискурса, посвященного исследованию феноменов индивидуальной и коллективной идентичности, наблюдается значительный концептуальный плюрализм. Многочисленные научные школы и теоретические направления предлагают разнообразные, зачастую конкурирующие подходы к определению и содержательному наполнению данных категорий, что свидетельствует об отсутствии унифицированной трактовки в современном научном знании.

Так З. Фрейд рассматривал такие факторы, оказывающие влияние на формирование групповой идентичности как исторические перспективы, единый план бытия, географическая характеристика места пребывания [193].

В работе «Идентичность: юность и кризис» Э. Эриксон предлагает такое определение – «идентичность – это тождественность человека самому себе» [211].

Значительный вклад внес Э. Гофман, предложивший типологию, включающую социальную, личную и Я-идентичность. Центральным в его концепции является термин «политика идентичности», обозначающий совокупность стратегий, с помощью которых личность целенаправленно воздействует на формирование и коррекцию собственного образа, транслируемого в социальное пространство. Для реализации данной политики, по Э. Гофману, индивид задействует ряд специфических механизмов, выполняющих защитные функции, такие как предотвращение нежелательных атрибуций, символическое вознаграждение и деидентификация [47].

В.В. Столин интерпретирует идентичность как интегративное образование, укорененное в структуре самосознания личности. С его точки зрения, самосознание представляет собой иерархическую, многоуровневую систему, ключевыми аспектами которой выступают, во-первых, осознание личностью собственной уникальности и внутреннего единства, а во-вторых, динамический процесс формирования и трансформации репрезентаций о временной протяженности собственного «Я» – прошлом, настоящем и будущем [175].

Схожей позиции придерживается И.С. Кон, который рассматривает идентичность в качестве одной из фундаментальных характеристик «Я-концепции» и «образа Я». Ученый проводит концептуальное разграничение между самосознанием и представлением о себе. Он определяет самосознание как совокупность психических процессов, обеспечивающих способность индивида осознавать себя в качестве субъекта деятельности [93]. В то же время, «образ Я», согласно позиции В.Б. Никишиной формируется как относительно автономная структура,

включающая в себя комплекс самоотношения, а также когнитивный и оценочный компоненты, направленные на осмысление и оценивание разнообразных личностных характеристик, включая физические атрибуты, в частности, телесное строение [137].

Для системного осмысления сложной природы идентичности И.С. Кон предлагает теоретическую модель, в рамках которой данный феномен дифференцируется на три ключевых типа, образующих его структурный каркас [93]:

1. Психофизиологическая идентичность – данный компонент фиксирует тождество личности самой себе на уровне единства и преемственности биологических и психических процессов, а также структурной организации индивида как целостного организма.

2. Социальная идентичность – этот тип определяется через процесс и результат отождествления индивида с определенными социальными группами, что влечет за собой осознание им соответствующей групповой принадлежности и чувства общности.

3. Личностная идентичность – понимается как интегративное единство и преемственность индивидуальной жизнедеятельности, проявляющееся в устойчивости системы целеполагания, мотивационной сферы и фундаментальных смысложизненных ориентаций личности [93].

Согласно модели, предложенной Н.В. Ковалевой, структура личностной идентичности формируется двумя ключевыми компонентами [91]. Онтологический компонент составляет её смысловое ядро и включает в себя глубинные ментальные образования: систему стереотипов, фундаментальные мировоззренческие установки, а также рефлексивное представление индивида о собственном «Я», его жизненной позиции и общем смысле существования. Фундаментальный компонент, в свою очередь, имеет выраженную прагматическую направленность, поскольку детерминирует стратегию жизненного самоопределения и кон-

кретные поведенческие сценарии в различных ситуациях, выступая в роли внутреннего регулятора, определяющего допустимые и недопустимые для личности действия.

В отличие от личностной, социальная идентичность формируется в процессе интериоризации индивидом атрибутов и характеристик значимых для него социальных групп. Она предполагает принятие и последующее воспроизводство норм, установок, взглядов, намерений, стереотипов и целевых ориентаций, которые разделяются членами данной группы и становятся важными для самого индивида как её части. В научном дискурсе такие частные формы идентичности, как политическая, гендерная, национальная и этническая, правомерно рассматривать в качестве специфических разновидностей социальной идентичности. Эти виды идентичности обладают свойством иерархической организации и динамичности. В зависимости от контекста и жизненных обстоятельств любая из них может приобретать статус доминирующей (ведущей), актуализируя при этом те убеждения и ценностные ориентации, которые были усвоены индивидом от соответствующей социальной общности [91].

Подобная динамика и переструктуризация идентификационных паттернов являются следствием внутреннего процесса упорядочивания отдельных характеристик социальной идентичности. Данный процесс обуславливается её системообразующей функцией в деятельности человека. Будучи центральным, структурирующим элементом, социальная идентичность осуществляет генерализацию и интеграцию поведенческих актов, а также определяет критерии оценок и категории, через которые индивид воспринимает и интерпретирует социальную реальность. Таким образом, она выступает в качестве комплексного фильтра и организационного принципа, опосредующего всю систему взаимодействия личности с обществом.

Особый интерес представляет такая форма социальной идентичности как этничность – отождествление себя с отдельной культурной традицией либо куль-

турной группой. Этническая идентичность представляет собой устойчивый конструкт, обеспечивающий личности безопасность от неопределенности и имеющим непосредственное отношение к социализации и присвоению культурного опыта. Этно-культурная идентичность рассматривается с разных точек зрения: с учетом места рождения, языка, характеристик внешности (цвет кожи, разрез глаз и т.п.).

Групповая (коллективная) идентичность представляет собой комплексный феномен, определяемый как система когнитивных, нормативных и аффективных связей индивида с более широким социальным окружением – будь то общество в целом, конкретная социальная практика или институт. Изначально ее формирование может инициироваться под воздействием внешних структур, оказывающих давление на индивида, однако конечная конфигурация этой идентичности является продуктом активного взаимодействия между внешними ожиданиями и внутренней рецепцией самого субъекта. Свое объективированное выражение коллективные идентичности находят в разнообразных культурных формах, к числу которых относятся: антропонимы и этнонимы, нарративные конструкции, символические репертуары, специфические лингвистические стили, ритуальные практики и элементы костюма [42].

Индивидуальная идентичность, в свою очередь, характеризуется рядом специфических атрибутов и процессов:

1. Ее становление и развитие носит нелинейный характер и сопряжено с преодолением нормативных кризисов. Данный процесс предполагает не постепенную модификацию, а качественную трансформацию, заключающуюся в деконструкции прежней личностной структуры и последующем формировании новой, более интегрированной.

2. Феномен личностной идентичности представляет собой сложную, многоуровневую структуру, в основе которой лежат два взаимосвязанных и фундаментальных компонента. С одной стороны, это социальная идентичность, кото-

рая определяется теми социальными группами, в которые включен человек (этнические, культурные, профессиональные и т.д.) и усвоения присущих им норм, ценностей и ролей. С другой стороны, структура идентичности включает личностную (персональную) идентичность, которая базируется на уникальном, рефлексивном опыте, личных чертах, убеждениях и автобиографических нарративах, подчеркивающих автономию и индивидуальность человека. В данном контексте формирование целостного Я-концепции предстает не как статичное состояние, а как непрерывный и динамический процесс. Сущность этого процесса заключается в достижении субъективного чувства внутренней согласованности и последовательной интеграции между коллективным, социально детерминированным аспектом и индивидуальным, личностным началом.

3. Важнейшим условием существования идентичности является ее самоидентичность (тождество личности самой себе), что подразумевает внутреннюю целостность, непрерывность «Я» во временной перспективе, несмотря на происходящие изменения.

4. Идентичность не является сугубо внутренним конструктом; она получает свое подтверждение и завершение через процедуру социального признания. Последнее понимается как интерсубъективный процесс, в ходе которого значимые другие (референтные группы и отдельные индивиды) принимают и подтверждают предъявляемую личностью идентичность, тем самым легитимируя ее.

5. Формирование и поддержание идентичности носят интенциональный характер. Личность проявляет активную, целенаправленную деятельность по обретению, конструированию и последующей защите своей идентичности, что свидетельствует о ее агентных свойствах в этом процессе.

Основополагающий принцип структурного разделения идентичности на сознательную и бессознательную составляющие находит свои теоретические истоки в психоаналитической концепции Зигмунда Фрейда, постулировавшего дихотомию психики на сознательное и бессознательное. В рамках данного подхода процесс формирования целостной идентичности интерпретируется как результат

«работы сознания», направленной на интеграцию и осмысление тех аспектов личности, которые имеют латентный, скрытый характер [10].

Эту фундаментальную идею дихотомической природы идентичности развивает в своей теории Джордж Мид [260]. Он также выделяет два её типа: неосознаваемую и осознаваемую идентичность. С точки зрения Дж. Мида, эти типы представляют собой логически и генетически взаимосвязанные уровни в развитии личности. Генезис идентичности, согласно его взглядам, осуществляется через переход от некритичного усвоения и принятия личностью социальных нормативов, ролей и поведенческих паттернов («обобщенного другого») к рефлексивному и осознанному конструированию отношения к себе и собственным действиям. Таким образом, неосознаваемая идентичность трактуется как совокупность интериоризированных социальных убеждений и установок, усвоенных без предварительного критического анализа. В свою очередь, осознаваемая идентичность возникает исключительно в процессе рефлексивного анализа и оценки этих усвоенных структур [260].

Аналогичный структурный принцип, предполагающий наличие различных модальностей или статусов идентичности, прослеживается в эпигенетической концепции Эрика Эриксона, а также в получившей широкое распространение эмпирической модели Джеймса Марсия, в которой выделяется четыре статуса идентичности (диффузия, мораторий, предрешенность, достижение) на основе критериев кризиса и обязательств [211, 256].

В научной литературе часто проводится разграничение между социальной и личностной идентичностью как ключевыми составляющими единицами. Социальная идентичность формируется в процессе интеракции с социальными объектами и группами и отражает принадлежность индивида к ним. Личностная идентичность, напротив, связана с уникальным набором индивидуальных характеристик и смыслов, присущих конкретному человеку. При этом личностная идентичность не существует изолированно, а выполняет интегрирующую функцию,

осуществляя синтез и осмысление всего спектра социальных ролей и позиций, которые индивид аккумулирует в течение жизни.

Характер формирования и существования идентичности личности детерминирован ее способностью к трансформации в ответ на внешние вызовы или, напротив, способностью сохранять устойчивость, достигнутую на предыдущих этапах развития. Данный дуализм находит свое отражение в дихотомии объектной и субъектной (нарративной) идентичности. В рамках научной дискуссии о природе субъектной идентичности существуют две конкурирующие позиции. С одной стороны, она понимается как способность индивида сохранять континуальность и целостность своего «Я» вопреки изменяющимся условиям внешней среды. С другой стороны, рядом исследователей субъектная идентичность трактуется как динамический, непрерывно эволюционирующий нарратив, который трансформируется параллельно с жизненным опытом и личностными изменениями индивида [268].

Согласно концепции Г. Брейкуэлла, личностная и социальная идентичности не представляют собой обособленные компоненты или статичные аспекты единой структуры. Ученый рассматривает их как различные фазы или точки в рамках единого, динамичного процесса развития идентичности индивида [222].

Иную, более детализированную типологию предлагает И. Гоффман, который дифференцирует три формы идентичности: социальную, личностную и Я-идентичность [238]. Особый интерес в его теории представляет разграничение между актуальной (реально существующей) и виртуальной (приписываемой обществом) социальной идентичностью. Процесс целенаправленного управления впечатлением, которое индивид производит на окружающих, и контроля над информацией о себе И. Гоффман определяет как «политику идентичности». Практическая реализация данной политики, по его мнению, обеспечивается специфическими интеракционными техниками. Среди них выделяются [238]:

– техника избегания, заключающаяся в изоляции от лиц, способных распространять или распространять компрометирующую информацию о субъекте;

- техника компенсаций, направленная на целенаправленное искажение или фальсификацию сведений о себе с целью формирования желаемого образа;
- техника деидентификации, подразумевающая модификацию признаков виртуальной идентичности в выгодном для индивида направлении [238].

Попытку теоретического преодоления дуализма личностного и социального измерения идентичности предпринял Ю. Хабермас [195]. Он предлагает рассматривать ее структуру через призму модели двух пересекающихся координатных осей. Вертикальная ось в данной модели олицетворяет личностную идентичность, укорененную в уникальной биографии индивида и его стремлении к автономии. Горизонтальная ось символизирует социальную идентичность, отражающую требования ролевых ожиданий и необходимость соответствия нормам различных социальных групп. В точке пересечения этих измерений, по Ю. Хабермасу, формируется Я-идентичность, возникающая в результате интеграции и синтеза двух указанных компонентов [195].

Согласно концепции А. Ватермана, структура идентичности может быть представлена в виде двух компонентов: процессуального и содержательного [280]. Первый компонент описывает активную, деятельностную сторону формирования идентичности, а именно те когнитивные и рефлексивные инструменты, благодаря которым личность осуществляет идентификацию, критическое осмысление и селекцию значимых ценностей, целей и установок. Второй компонент, содержательный, является прямым следствием этого процесса и представляет собой комплекс конечных продуктов – тех самых избранных ориентаций, которые в результате рефлексивного выбора конституируют ядро личностной идентичности индивида [280].

В современной психологической науке методологически оправданным и эвристически значимым является четкое концептуальное разграничение категорий «групповая идентичность» и «социальная идентичность». Необходимость

такой дифференциации обусловлена комплексом критериальных различий, лежащих в плоскости референтных оснований, механизмов генезиса и функциональной динамики данных феноменов.

1. Референция и уровень абстракции. Первое и фундаментальное различие заключается в референте и масштабе идентификационных процессов. Социальная идентичность представляет собой результат процесса самокатегоризации индивида в рамках макросоциальных, зачастую деперсонифицированных структур. Она конституируется через отнесение себя к широким социальным общностям, таким как профессиональное сообщество, этнос, гражданская нация или гендерная группа. В противоположность этому, групповая идентичность формируется на основе непосредственного или опосредованного членства в конкретной, структурно оформленной группе с четкими границами и прямым межличностным взаимодействием. Ее референтами выступают, например, учебный коллектив, рабочая команда или спортивное объединение.

2. Генезис и поддерживающие механизмы. Второй аспект дифференциации касается психологических механизмов, лежащих в основе формирования и поддержания этих видов идентичности. Социальная идентичность продуцируется и репродуцируется преимущественно в дискурсе межгрупповых отношений, где центральную роль играет механизм социального сравнения. В рамках этого процесса осуществляется противопоставление ингруппы («мы») аутгруппе («они») с целью установления или поддержания позитивной отличительности собственной социальной категории, что является краеугольным камнем теории социальной идентичности. Групповая идентичность, в свою очередь, укоренена в системе внутригрупповых процессов. Ее формирование связано с интрагрупповым сравнением, в ходе которого индивид соотносит личные качества, установки и поведение с нормами, ценностями и прототипическими характеристиками, репрезентирующими эталонного члена группы, например, стремясь к персонификации с образом эффективного руководителя или лидера.

3. Уровень стабильности и характер взаимосвязи. Третий критерий относится к степени устойчивости и контекстуальной зависимости рассматриваемых конструктов. Социальная идентичность, будучи основанной на интернализированных и зачастую интериоризированных в структуру личности социальных категориях, демонстрирует относительно высокую стабильность и резистентность к ситуативным изменениям внешней среды. Напротив, групповая идентичность характеризуется большей лабильностью и подверженностью трансформациям, детерминированным динамикой внутригрупповых процессов – сменой ролей, норм, целей или состава группы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на концептуальную дистинктивность, эти уровни идентичности не являются изолированными; они пребывают в состоянии тесной диалектической взаимосвязи и постоянного взаимодействия. Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о том, что консолидация и интенсивность групповой идентичности могут существенно ослабевать в условиях, когда члены одной малой группы являются носителями дивергентной или конфликтующей социальной идентичности, что создает внутренние напряжения и препятствует формированию сплоченного «МЫ».

Таким образом, операционализация различий между групповой и социальной идентичностью не только обеспечивает терминологическую четкость, но и открывает возможности для более релевантного моделирования сложной архитектуры Я-концепции индивида в системе социальных отношений.

Существует теоретическая и практическая потребность в разграничении групповой и организационной идентичности, что проистекает из фундаментальных различий между феноменами «группы» и «организации».

Во-первых, организации и группы существенно различаются по масштабу и структурной сложности. Организация представляет собой макроуровневую социальную систему, которая, как правило, состоит из множества формализованных подгрупп (отделов, департаментов, подразделений), интегрированных в

иерархическую структуру. Группа же, особенно малая, является элементом такой структуры и характеризуется меньшими размерами и более простым строением.

Во-вторых, принципиальная разница заключается в характере взаимодействий и межличностных отношений. В рамках организации взаимодействие между сотрудниками в значительной степени регламентировано формальными нормами, должностными инструкциями, предписаниями и распоряжениями. Отношения «начальник-подчиненный» носят институционализированный характер. В то время как в малой группе, даже входящей в организацию, наряду с формальными, могут интенсивно развиваться неформальные, личностно окрашенные связи.

В-третьих, важным дифференцирующим признаком является иерархия целей. Деятельность организации консолидирована вокруг достижения единой глобальной цели или миссии, которая является системообразующей. Действия же отдельных сотрудников и малых групп внутри организации направлены на решение более частных, оперативных задач, которые являются подцелями по отношению к общей миссии и согласуются с ней в рамках организационной стратегии. Таким образом, организационная идентичность связана с отождествлением себя с масштабными целями и ценностями всей корпоративной системы, в то время как групповая идентичность фокусируется на целях и ценностях непосредственного круга взаимодействия.

Структура идентичности включает идентичности, данные от рождения, а также те, которые образуются в процессе социальной интеракции.

Согласно концепции Г. Брейкуэлла, личностная идентичность представляет собой динамическую систему, формируемую в результате взаимодействия четырех ключевых структурных элементов. Данная модель подчеркивает процессуальный и многокомпонентный характер идентичности, которая не является статичным образованием, а пребывает в постоянном развитии [222].

Структурными элементами, образующими эту систему, выступают [222]:

1. Биологический организм. Данный элемент служит материальным субстратом идентичности. Г. Брейкуэлл указывает, что идентичность не является сугубо социальным или психологическим конструктом, но возникает и развивается в результате непрерывного взаимодействия биологической основы индивида с окружающим его социальным контекстом. Таким образом, физиологические и генетические предпосылки рассматриваются как неотъемлемая детерминанта личностного становления.

2. Содержательное измерение. Этот компонент включает в себя всю совокупность дескрипторов, которые индивид использует для интроспективного описания и самоопределения. В это измерение входят социальные роли, групповая принадлежность, личностные черты, устойчивые мотивы, доминирующие эмоции и сложившиеся установки. Иными словами, это содержательное наполнение идентичности, ее эмпирически наблюдаемая часть.

3. Ценностное измерение. Помимо описательного аспекта, идентичность обладает оценочной составляющей. Данное измерение отражает способность индивида к аксиологической оценке – присвоению положительной или отрицательной значимости различным принципам, социальным ситуациям, другим людям, а также самому себе. Ценности выступают в роли внутренних ориентиров, организующих поведение и придающих смысл личному опыту.

4. Временное измерение. Ключевым условием развития идентичности является ее временная протяженность. Г. Брейкуэлл акцентирует, что становление идентичности происходит не в объективном хронологическом времени, а в контексте субъективно переживаемого времени личности. Это предполагает непрерывную интеграцию прошлого опыта, настоящих переживаний и будущих ожиданий в целостную личностную историю [222].

Э. Эриксон в своей теории выделяет трехуровневую модель структуры идентичности. Первый, индивидуальный (или соматический) уровень, представляет собой базовое основание идентичности, формируемое через осознание че-

ловеком своей целостности и протяженности во времени. Следующий, личностный уровень, характеризует самовосприятие индивида как автономной единицы, обладающей уникальным набором психологических качеств. Завершает структуру социальный уровень, который подразумевает достижение внутреннего единства с обществом через усвоение его ценностей, норм и ролевых предписаний [211].

В отечественной психологической науке эмпирические исследования структуры идентичности осуществлялись в основном при рассмотрении профессиональной и этнической идентичностей.

Согласно теоретической модели стилей идентичности, предложенной М. Берзонским, формирование личностной идентичности не является спонтанным процессом, а регулируется избираемыми индивидом социально-когнитивными стратегиями [220]. Эти стратегии, по сути, представляют собой устойчивые паттерны, определяющие то, как человек подходит к сбору и оценке информации о себе и своем месте в социуме, а также к разрешению внутри- и межличностных конфликтов, связанных с самоопределением.

В зависимости от избранного стиля, поведение индивида может варьироваться от систематического и глубокого исследования до сознательного или бессознательного избегания. Для систематизации данного многообразия поведенческих проявлений М. Берзонский выделяет три дискретных стилевых типа: информационный, предполагающий активный поиск и анализ данных; нормативный, ориентированный на следование внешним авторитетам и устоявшимся нормам; и диффузно-избегающий, характеризующийся отсутствием четкой направленности и стремлением отложить решения, касающиеся идентичности. Изучение доминирующего стиля идентичности предоставляет исследователю диагностический инструмент для оценки того, в какой степени индивид при решении жизненно важных вопросов руководствуется собственными целенаправленными усилиями и анализом релевантных данных, склонен ли он к конформному принятию социально одобряемых норм и директивам авторитетных фигур или же

прибегает к прокрастинации и избеганию проблемного поля, связанного с идентичностью [220].

Эмпирические исследования М. Берзонского, проведенные на подростковой и молодежной выборке, выявили специфические поведенческие паттерны, ассоциированные с каждым из стилей. Подростки, демонстрирующие информационный стиль, описываются как саморефлексирующие личности, вовлеченные в активный и осознанный поиск информации, которую они впоследствии подвергают тщательной и независимой оценке. В противоположность им, индивиды с нормативной ориентацией проявляют тенденцию к автоматическому, нерелексивному принятию решений, опираясь преимущественно на мнение значимых других и руководствуясь мотивацией соответствовать их ожиданиям. Наименее адаптивным оказался диффузно-избегающий стиль, носители которого демонстрировали значительное отставание в процессе становления идентичности вследствие устойчивой стратегии уклонения от решения связанных с ним задач [220].

Проведенный анализ теоретических положений позволяет идентифицировать и систематизировать ряд ключевых функций, присущих социальной идентичности. Данные функции выступают системообразующими элементами, определяющими ее роль в структуре личности и ее взаимодействии с социумом.

1. Ориентационная функция. Данная функция заключается в обеспечении индивида системой координат для самоопределения в социальном пространстве. Благодаря ей личность получает возможность определить свое положение относительно различных социальных групп, категорий и статусов, что способствует формированию ясного представления о своем месте в обществе.

2. Структурирующая функция. Социальная идентичность вносит упорядоченность и предсказуемость в восприятие индивидом окружающей социальной действительности. Она обеспечивает когнитивную определенность, создавая устойчивые схемы категоризации, которые позволяют упрощать и систематизи-

ровать сложный социальный мир. При этом данная функция поддерживает динамический баланс между детерминизмом (обусловленностью групповыми нормами) и необходимой долей неопределенности, обеспечивающей гибкость поведения.

3. Целеполагающая (адаптивная) функция. Эта функция непосредственно связана с регуляцией социального поведения. Социальная идентичность служит основой для выработки моделей и стратегий поведения, адекватных ситуации и групповым ожиданиям. Через призму принадлежности к определенным общностям индивид не только адаптируется к социальной среде, но и формулирует для себя конкретные цели и векторы активности, согласованные с групповыми ценностями.

4. Экзистенциальная функция. Наиболее глубокая функция социальной идентичности связана с экзистенциальными аспектами человеческого бытия. Она предоставляет личности чувство устойчивости и непрерывности своего «Я» во времени, способствуя осмысленному прогнозированию будущего. Кроме того, через соотнесение себя с широкими социальными и духовными общностями индивид обретает доступ к коллективному смысловому и ценностному опыту, что составляет основу его личного мировоззрения и духовной практики.

В рамках основных подходов исследованию идентичности ее функции рассматриваются следующим образом:

- в психоанализе это «адаптация в самом широком смысле этого слова»;
- в символическом интеракционизме – «основа для организации и выбора направления поведения»;
- в бихевиоризме – «регуляция межгрупповых и межличностных отношений».

Таким образом, идентичность предстает как многогранный психологический конструкт, выполняющий комплекс взаимосвязанных функций, направленных на ориентацию, структурирование, адаптацию и экзистенциальное самоопределение личности в социуме.

1.2. Особенности мужской и женской личностной идентичности в условиях брачных отношений

В институциональном измерении брак представляет собой форму гражданского самоопределения, выступая механизмом структурной интеграции индивида в социум через конкретизацию его социального статуса и нормативное закрепление новой роли. На уровне межличностной динамики функционирование супружеской пары порождает феномен глубокой взаимной сопричастности, который выполняет идентификационную функцию. В рамках диадического взаимодействия происходит активное структурирование и кристаллизация самоидентификации партнеров, обретающей более четкие и рефлексивные очертания. Важнейшим аспектом брачных отношений является также их стабилизирующий потенциал. Супружеский союз создает уникальную психологическую среду, отличающуюся высокой степенью надежности и эмоциональной поддержки, что является необходимым ресурсом для обеспечения устойчивого субъективного благополучия каждого из партнеров.

Важно также отметить, что брачное партнерство представляется актуальным для каждого человека в отдельности и для общества в целом. Можно предположить, что брак выступает эксплицированным выражением ограничения свободы и существенно возлагает бремя ответственности. Подобные ситуативные и ограниченные обстоятельства относятся к сложному контексту процессов развития личности.

1.2.1. Психологические особенности женской идентичности

Социальная идентичность женщины до и после рождения ребенка обладает своими характеристиками, а также имеет прямое отношение к форме подготовки к материнству будущей матери. Ситуация беременности и рождения ребенка способствует процессу изменения и развитию социальной идентичности женщины. Именно при таком раскладе феномен материнства выступает в каче-

стве социальной ситуации по причине того, что происходят процессы трансформации, которые взаимосвязаны с последующим наступающим кризисом. Материнство представляет собой несколько аспектов: охватывает часть личностной сферы женщины, является предпосылкой для кризиса трансформации, предлагает возможность индивидуального роста, а также рассматривается в качестве новшества самосознания женщины [39].

Женщины, живущие в «гражданском браке», в большей степени сосредоточены на упрочении своих финансовых благ и экспансии возможностей в других их сферах жизни, в то время как отношения с партнером и супружеская преданность представляются им менее важными. Женщины, живущие в официально зарегистрированном браке, больше сосредоточены на уважении и взаимопонимании между супругами [79].

Материнская идентичность представляет собой психологический феномен женщины, включающий в сознании женщины ее взгляды на материнство и отношение к себе, как к личности, которая в состоянии дать жизнь новому человеку, несет ответственность за его воспитание и предоставляет защиту ему [9,48,72,73,127].

Родительство способствует важным изменениям в самосознании взрослой личности. В рамках обретения новой социальной роли индивид приобретает большие возможности для формирования своей идентичности. Принятие на себя роли родителя («Я-мать», «Я-отец») связано с рождением ребенка, но не обязательно находит свое отражение. Так, например, у некоторых женщин беременность не оказала влияние на изменения идентичности [72,73]. Определенное значение здесь имеют такие параметры, как преобладание женской идентичности, проявленность феминных характеристик у женщин, маркеры ценностно-смысловой ориентации. Ценностное отношение к ребенку оказывает влияние на формирование материнской идентичности, в случае наличия ценностных разногласий материнская идентичность проявляется в более меньшей мере.

Материнство и материнское подробно исследовались в работе Р.К. Махмутовой [125]. Б. Бернс в монографии «Разные лики материнства» обосновывает методологическую важность исследования феномена материнства для глубокого понимания процессов детского развития. Исходя из общепризнанного в современной психологии тезиса о критическом влиянии раннего возрастного периода на последующую жизнь человека, автор доказывает, что игнорирование социокультурных и психологических конструктов, связанных с фигурой матери, приводит к существенному упрощению научных моделей. Таким образом, Б. Бернс приходит к выводу, что комплексное изучение материнства является не просто желательным, но и строго обязательным компонентом в системе наук о человеке, стремящихся к созданию целостной картины его развития [219].

В современной психологической науке материнство как комплексный феномен изучается в рамках ряда теоретических подходов, среди которых значительное место занимает концепция, предложенная Г.Г. Филипповой [191]. Данная теория базируется на принципиально важном методологическом основании – анализе материнства в контексте субъектности обоих участников диадического взаимодействия. Это предполагает рассмотрение не только матери как активного субъекта воспитательной деятельности, но и ребенка как субъекта, оказывающего существенное влияние на динамику и содержание данной деятельности. Структурно-содержательная организация материнства в концепции Г.Г. Филипповой репрезентирована через систему трех взаимосвязанных модулей. Потребностно-эмоциональный модуль характеризует формирование и актуализацию специфического комплекса потребностей, направленных на установление и поддержание тесного эмоционального контакта с ребенком, обеспечение его безопасности и реализацию поведения служения. Операциональный модуль охватывает практический компонент материнской деятельности, включающий совокупность навыков и приемов по уходу за ребенком, а также индивидуально-своеобразные, стилевые особенности коммуникации с ним. Ценностно-смысловой модуль представляет собой высший уровень организации материнской сферы,

поскольку именно в его рамках происходит осознание и интернализация ценности ребенка как такового, а также формирование личностного смысла состояния «быть матерью» [191].

Ключевым положением концепции является тезис о том, что материнская сфера в своем развитии не сводится к реализации эволюционно запрограммированных поведенческих паттернов. Ее становление и трансформация детерминированы прежде всего процессами, протекающими в рамках ценностно-смыслового модуля, который обладает высокой степенью социальной и культурной обусловленности. В связи с этим Г.Г. Филиппова вводит понятие конкретно-культурной модели материнства, понимаемой как социально сконструированный комплекс норм, ценностей и практик, регламентирующих материнское поведение в данном обществе. Эта модель выступает в качестве критически важного фактора, опосредующего развитие личности ребенка и способствующего формированию у него индивидуально-культурного варианта, то есть такого психологического склада, который соответствует конкретным историческим и культурным условиям его существования [191].

В рамках перинатальной психологии изучается феноменология материнства и ее этапы развития. Смысловая сфера и изменение внутреннего мира женщины выступают в качестве ключевых эвристических характеристик материнства. Особо подчеркивается феномен «внутренней работы», где процесс материнства является составной частью матери и реализуется в структуре материнско-детских взаимоотношений.

С.А. Минюрова высказала предположение о том, что предложили, что концептуальное переживание материнства представляет собой фундаментальное изменение в области самосознания женщины, включая идентификацию с родительской ролью [130]. Материнство способствует взаимному проникновению ее личных жизненных целей и целей развития ребенка, с точки зрения женского развития. Этот процесс включает новые, ранее не изученные чувства и переживания,

которые находят отражение во внутреннем психологическом пространстве женщины и не поддается управлению с ее стороны. Женщина, взаимодействуя с ребенком, приобретает новые качества понимания и осмысления своих и его переживаний.

Самосознание женщины проявляется через создание уникальной внутренней активности смыслов, выражающейся в интегрированном диалоге с ребенком. Концептуальное переживание материнства служит формой формирования смысловых систем, передающих чувства материнского взаимодействия с ребенком, а также чувства самобытности в самореализации.

Особенности семейной идентичности женщин из неполных семей основываются на следующих характеристиках:

- процесс идентификации семьи, прежде всего, себя с ребенком с возможным расширением ее состава;
- уверенная самодетерминация в семейной иерархии при пассивном положении в системе интеракции;
- высокий уровень эмоциональной вовлеченности себя и низкий, вплоть до отрицания вовлеченности супруга;
- понимание своей семье в качестве дружной, милой во взаимодействии и скромной в своем выражении группы, себя в качестве внимательного, дружелюбного, амбициозного члена семьи [112,113,2114,115,116,117,118].

В заключение следует подчеркнуть, что материнство является целостной и самостоятельной реальностью, обладающей сложноорганизованной структурой и множественными путями реализации. Его многогранность, выраженная в культурных и индивидуальных моделях, актуализирует потребность в дальнейших фундаментальных и прикладных изысканиях.

Теоретическое осмысление данной проблематики видится в разработке инновационной модели материнской сферы, которая бы учитывала диалектическое единство потребностной сферы матери и особенностей психоэмоционального

развития ребенка. В рамках этого подхода предполагается осуществление следующих научно-практических шагов: разработка метода для анализа индивидуально-типологических особенностей материнской идентичности, исследование детерминант, лежащих в основе отклоняющихся форм материнства, а также формирование адекватного инструментария для их своевременной коррекции и профилактики.

1.2.2. Психологические особенности мужской идентичности

Важную роль в формировании и укреплении личности современного человека играют биологические и исторические факторы. Это относится и к этапам приобретения отцовской роли конкретным мужчиной. Биологические и социальные аспекты взаимосвязаны, хотя, в соответствии с мнением И.С. Кона биологические функции определяют психофизиологическую готовность к отцовству, а социальные регулируют ее реализацию [93].

Сфера научного познания, ориентированная на изучение родительства, в текущий период переживает этап активного развития, что выражается в систематическом приращении фундаментальных и прикладных знаний. Исследовательский интерес структурирован вокруг ряда ключевых тематических кластеров, обеспечивающих целостное понимание феномена. Данные кластеры включают:

1. Исследования отцовства: в рамках данного кластера анализируется детерминация мотивационно-ценностных аспектов родительства у мужчин характером их взаимодействия с ребенком, а также исследуются условия и факторы формирования психологической готовности к отцовству у юношей, закладываемые в родительской семье.

2. Анализ межпоколенной передачи моделей поведения: Этот блок направлен на выявление механизмов влияния усвоенных в детстве образов родителей, в том числе конфликтующих между собой, на формирование установок и поведенческих паттернов в супружеских отношениях.

3. Изучение детского благополучия в различных семейных контекстах: Центральным объектом данного направления является эмоциональное состояние и развитие ребенка, с особым вниманием к специфике социализации в неполных семьях и к общим закономерностям детско-родительских отношений.

4. Рассмотрение депривационных явлений: Актуальным направлением является изучение патеральной депривации, причем в фокусе анализа находятся не только ее прямые последствия, но и особенности, обусловленные субъективным семейным восприятием данного феномена.

Однако, феномен отцовства остается недостаточно изученным, оставляя открытыми ряд вопросов: причины и следствия формирования отцовства, этапы этого процесса, ключевые признаки готовности к отцовству, а также формы проявления «отцовства» в современном мире.

Образ отца играет особую роль в развитии ребенка и формировании личностной идентичности. Отец положительно влияет на решение внутренних дисгармоний, проявляющихся на различных этапах развития личности, а также на формирование личностной идентичности, полоролевой идентификации, способствует направлению жизненного пути и моральных ценностей, побуждает ребенка к достижению успеха и использованию творческих предпосылок, оказывает влияние на самовосприятие и выстраиванию личных границ [74].

В современном обществе родительская и сексуальная сферы четко разграничены. Благодаря достижениям медицины и науки, эти области взрослой жизни теперь можно осознанно отделить, более осмысленно относиться к родительству. Отчетливо проявляется тренд к позднему родительству, что свидетельствует о том, что родительство – это не только удовлетворение сексуальных потребностей, но и стремление продолжить род.

В рамках комплексного исследования отцовства и воздействия социальных отношений на формирование института отцовства предполагается выделение трех основных этапов в онтогенезе этой системы:

- 1) формирование представлений об отцовстве до беременности партнерши - теоретический этап;
- 2) изменение форм поведения в период беременности партнерши;
- 3) появление чувства принадлежности к отцовству после рождения ребенка.

Можно утверждать, что формирование представлений об отцовстве оказывается под влиянием не только семейной обстановки, но и социокультурного контекста, окружающего ребенка. Следует отметить, что в патриархальном обществе ценность отцовства выражается в уважении к старшим и важности нового поколения. Средства массовой информации, как основные детерминанты, формируют стереотипы «правильной» жизни, достижений и ценностных ориентаций, подчеркивая важность близких отношений как основы «идеальной» семьи и необходимости рождения детей. Общепринятые представления об отцовстве обретают стабильную форму к 18-23 годам.

Согласно социальным нормам, определяющим мужскую роль, отцовская роль была систематически изучена и детально описана. Эти нормы включают в себя статусные, эмоциональные и физические аспекты, такие как норма обеспечения семьи и заработка денег. Ожидания в отношении статуса могут привести к тому, что мужчина полностью посвящает себя работе, что, в свою очередь, может снизить уровень взаимодействия с детьми.

Социальные нормы, регулирующие проявления маскулинности, зачастую базируются на принципах антиженственности, предписывая мужчинам демонстрировать физическую и эмоциональную твердость. В этом контексте экспрессивное поведение, включая вербальное и невербальное выражение чувств, делегируется женской гендерной роли. Указанные нормативные установки порождают феномен, известный как «эмоциональный разрыв» у мужчин, который с особой остротой проявляется в сфере отцовства. Поскольку отцам в массовом сознании приписывается роль безусловного лидера и опоры, необходимость в эмпатийном и открытом общении с детьми может вызывать у них значительный

внутренний дискомфорт и когнитивный диссонанс. В результате, стремясь соответствовать доминирующему стереотипу, значительное число отцов прибегают к стратегии подавления эмоций, что не только обедняет их собственный опыт родительства, но и лишает детей важного аспекта эмоционального воспитания. В настоящее время отцовская роль подвергается изменениям и приобретает более гибкие формы. Вводятся новые термины, такие как «новый отец», а также концепции «продуктивного» или «ответственного» отцовства. Современные мужчины все более стремятся к созданию семьи, и это стремление становится важнее профессиональной карьеры и личных амбиций. Осуществляется изучение стилей понимания отцовства, придавая отцовской роли более сложные и разнообразные черты.

Мужчины, склонные к «гражданскому браку», выбирают такую модель брака по причине удовлетворения своих сексуальных потребностей с условием сохранения важной для них свободы активности. Для мужчин, состоящих в официально зарегистрированном браке, представляется важным наличие и воспитание детей.

Эмпирические данные свидетельствуют о наличии существенных различий в процессах идентификации и личностного развития между мужчинами-отцами и мужчинами без детей соответствующей возрастной когорты. У первых переход к отцовству сопряжен с комплексной психологической трансформацией, которая характеризуется тремя взаимосвязанными компонентами. Во-первых, это активное усвоение и интериоризация новых социальных ролей и функций. Во-вторых, формирование устойчивой личностной позиции, основанной на признании и добросовестном выполнении возникающих обязательств. И, в-третьих, запуск интенсивного внутреннего процесса рефлексии и самопознания, в рамках которого происходит переосмысление собственного «Я» и кристаллизация новой, родительской составляющей идентичности. Таким образом, отцовство выступает мощным катализатором личностного созревания, что находит

свое выражение в более высокой степени психологической зрелости мужчин, воспитывающих детей.

Исследование в области отцовской родительской идентичности мужчины установило, что для отцов первостепенной приходится роль добытчика семьи – мужская гендерная роль. Она также находит свое отражение в самоидентификации отца в процессе ухода за ребенком при анализе различных оценок его идентичности жены.

Необходимо отметить, что формирование института отцовства представляет собой сложный многоплановый процесс, охватывающий различные этапы: биологические, социальные, семейные и личностные. Три этапа формирования отцовства, выделенные ранее, позволяют рассматривать этот процесс как последовательное становление и эволюцию роли отца. Каждый из этих этапов имеет свои особенности и требует соответствующей подготовки и адаптации мужчины к новым обязанностям и ожиданиям. Исследования в области отцовства представляют значимую тему для современной психологии, и дальнейшие исследования онтогенеза этого явления будут способствовать расширению знаний о роли отцовства в жизни современных мужчин.

1.2.3. Трансформация личностной идентичности в условиях брачных отношений

В условиях транзитивного общества институт семьи представляет собой ключевую доминанту в современных психологических исследованиях. Институт семьи рассматривается как один из феноменов «психологического убежища», обладающего функцией подтверждения и поддержки, где личность обретает свою самобытность и находит опору.

Супружеством называют союз двух людей (в традиционном понимании – мужчины и женщины), основанный на совокупности бытовых и правовых отношений. Супружество регулируется обществом, которое определяет взаимные

права и обязанности супругов. Синонимами супружества являются понятия «брак» и «брачный союз».

В отличие от сожительства, супружество предполагает прохождение юридически регламентированной процедуры заключения брака, после которой мужчина и женщина вступают в определенные права друг относительно друга. Внутри различных религий также существуют брачные ритуалы, символизирующие конец холостой жизни и начало семейной.

Рассмотрим характеристики супружества в качестве объекта психологического исследования. По определению О.А. Карабановой, семьей называют форму организации личного быта, малую группу, члены которой объединены супружескими и родственными связями и исполняют по отношению друг ко другу определенные роли и функции [81]. Структура семьи может быть самой различной и определяется количеством членов семьи и спецификой их взаимоотношений. Минимальный состав семьи – два человека: или супруги, или родитель и ребенок. Кроме того, на одной территории с супругами и детьми могут проживать их собственные родители (бабушки и дедушки), а также кровные или некровные родственники (например, мачеха, отчим, свекровь и др.).

Как отмечает О.А. Карабанова, крайне важным с практической точки зрения является исследование кризисных периодов в жизни семьи (как нормативных, так и ненормативных), возможностей и стратегий для их эффективного преодоления, позволяющего всей семейной системе перейти на более высокий уровень функционирования [81].

Семейная структура основана на исполнении супругами определенных семейных ролей. Семейная роль – это особая социальная роль, предполагающая, что исполняющий ее индивид будет действовать нормативным образом в соответствии с ожиданиями окружающих и актуальной ситуацией. Принятие той или иной семейной роли подразумевает, что данный член семьи является ответственным за обеспечение одной или нескольких семейных функций. Соотношение

прав и обязанностей, гибкость или ригидность роли определяются социокультурным контекстом жизнедеятельности семьи и собственными представлениями ее членов. Примерами семейных ролей являются: «добытчик» («кормилец»), «хозяйка» или «хозяин», «воспитатель детей», «сексуальный партнер», «семейный психотерапевт», «несущий ответственность за поддержание родственных связей», «организатор досуга и развлечений», «организатор семейной субкультуры» и др.

Данные роли связаны с исполнением определенных семейных функций. По Э.Г. Эйдемиллеру, функцией семьи называют форму ее жизнедеятельности, которая связана с удовлетворением потребностей членов семьи. К основным семейным функциям относятся: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, сексуально-эротическая, функция культурного общения, функция первичного социального контроля, функция материального обеспечения [210].

Таким образом, типологизация семейной структуры представляет собой достаточно сложную задачу. Весьма условно могут быть выделены такие типы распределения семейных ролей, как традиционный (мужчина ответственен за материальное обеспечение и принятие решений, женщина - за ведение хозяйства и воспитание детей), антитрадиционный (роль «добытчицы» принимает жена, роль «хозяина» - муж), равноправный (главные семейные функции распределены между супругами относительно равномерно).

Данные «чистые» типы в настоящее время встречаются достаточно редко в силу слома традиционной модели семьи и отсутствия устоявшегося понимания, какой может быть «идеальная» современная семья. Сложившаяся ситуация обладает и положительными, и отрицательными сторонами. Так, сейчас молодожены вправе самостоятельно решать, какой будет структура их семьи; свобода в выстраивании ролевой иерархии позволяет учесть индивидуальные особенности каждого. Однако эта же свобода рождает неопределенность, при которой может наблюдаться столкновение несовпадающих представлений о должном поведении внутри семьи. Тем не менее, при наличии стремления к кооперации, с опорой

на взаимные чувства и общие жизненные ценности, супруги вполне могут прийти к взаимопониманию и выстраиванию непротиворечивой семейной структуры.

Таким образом, залогом доброжелательных отношений и комфортной обстановки в супружеской паре является принятие мужем и женой определенных ролей, четкое представление о данных ролях, основанное на наличии доступного образца, а также субъективное принятие собственной роли и удовлетворенность от ее реализации, возникающая в результате осознания значимости данной роли для благополучия всей семейной системы.

Как показано в исследованиях О.С. Карымовой, Ю.С. Громовой и А.А. Кашаповой, центральным показателем данного благополучия является удовлетворенность супругов браком (эмоционально-оценочное отношение к супружеству), которая отражает то, насколько потребности человека реализуются внутри супружеской пары. В контексте данного исследования для нас значимо, что на удовлетворенность браком влияют этап жизнедеятельности семьи и наличие детей [85,86].

Что касается влияния этапа жизнедеятельности семьи на удовлетворенность браком, то в период прохождения первой стадии семейной жизни отношения между супругами, как правило, являются достаточно напряженными в силу столкновения различных моделей супружеской жизни. Как показывают результаты исследования М.А. Григорьевой, удовлетворенность браком в период зарождения семьи относительно низкая [49].

Примерно через 1-3 года наступает период стабилизации эмоциональной атмосферы в семье и повышения удовлетворенности супружеством. Однако, как правило, в это же время в семье появляется первый ребенок, что провоцирует очередную перестройку в едва сложившейся семейной структуре, и удовлетворенность браком может вновь снизиться. Наиболее характерно это снижение для женщин, находящихся в декретном отпуске и испытывающих дефицит самореализации вне семьи. Кроме того, как отмечает Н.А. Шугаева, между супругами

могут возникнуть противоречия, касающиеся воспитания ребенка и ухода за ним [208].

В настоящее же время наблюдается рост доли семей, откладывающих появление ребенка на несколько лет и более, что затягивает период существования бездетной семьи. Так, по данным О.В. Медведевой, около 30% юридически зарегистрированных семей остаются бездетными [126].

По данным Н.Е. Русановой, после 35-ти лет женщины часто оставляют идеологию «чайлд-фри» и обнаруживают желание стать матерью [159].

Таким образом, наблюдается тенденция к разрушению недостижимого представления об «идеальной» семье, мешавшего супругам чувствовать подлинную удовлетворенность браком и семейной жизнью в силу многочисленных ролевых обязательств, накладываемых на них обществом. Супруги могут обратиться за помощью в решении имеющихся проблем, причем существуют самые разнообразные форматы оказания данной помощи (родительские клубы и встречи, психологическое консультирование, индивидуальная или групповая психотерапия и др.).

Важно подчеркнуть, что, по мнению Н.А. Ситниковой и С.В. Гузениной, хотя бездетная семья не выполняет репродуктивную функцию, она повышает уровень социальной адаптивности супругов, поскольку позволяет им удовлетворить иные значимые потребности (в любви и привязанности, регулярных сексуальных отношениях, эмоциональной поддержке, совместном проведении досуга и др.) [167]. Другими словами, бездетные семьи не должны рассматриваться исключительно в негативном ключе – они являются такими же ячейками общества, как и семьи с детьми. По нашему мнению, позитивный взгляд на супружеские пары, не имеющие детей, – это основа научного изучения данного явления, целью которого должно стать не «переубеждение» бездетных супругов, а их всесторонняя психологическая поддержка.

Как указывает Н.А. Камнева, сама мотивация вступления людей в брак может быть продиктована внешними (при этом не всегда осознаваемыми) мотивами:

ощущение одиночества, вступление в брак по чувству обязанности или сострадания, стремление уйти от влияния родителей, следование семейной традиции под воздействием родителей, стремление к повышению социального статуса, поиск материального благосостояния, случайные обстоятельства и другие факторы [80].

Супружество выступает в качестве основы для создания семьи – формы организации личного быта, малой группы, члены которой объединены супружескими и родственными связями и исполняют по отношению друг ко другу определенные роли и функции. Вступление в брак предполагает формирование новой системы ценностей, ролей и функций, что становится основой для выстраивания супружеских отношений. В традиционной семейной психологии бездетные семьи рассматриваются как аналог зарождающейся семьи. Однако в настоящее время наблюдается распространение различных форм бездетных семей: существуют семьи, сознательно откладывающие появление ребенка на несколько лет и более; пары, бездетные по медицинским причинам; а также супруги, отказавшиеся от рождения детей («чайлдфри»). Данные супружеские пары, длительно живущие вместе, не могут быть отнесены к той же категории, что и молодые семьи, только что оформившие брак, поскольку их отношения перешли на иной уровень развития, нежели у молодоженов. При этом в современной отечественной литературе практически отсутствуют данные об исследованиях, которые освещали бы описанную проблему и приводили результаты сравнения супружеских отношений в бездетных семьях и семьях с детьми с позиции психологической науки.

Проблема влияния рождения ребенка на отношения в супружеской паре рассматривается в научной литературе преимущественно в контексте характеристики этапов жизнедеятельности семейной системы. Как было отмечено выше, рождение первого ребенка является фактором серьезной перестройки структуры семьи, поскольку его появление актуализирует новые функции и делает второстепенными (или невозможными) некоторые привычные роли. Именно первенец

в наибольшей степени влияет на семью, хотя и каждый из последующих детей определенно меняет устоявшийся уклад жизни. В связи с этим рождение первого ребенка формально знаменует собой переход от первой стадии семейной жизни (стадии зарождения семьи) ко второй – стадии семьи с детьми.

Наиболее значимыми факторами, провоцирующими трудности во взаимоотношениях мужа и жены в данный период, являются:

– необходимость постоянного ухода за ребенком и связанный с этим дефицит личного времени для каждого из них, а также времени для общения между супругами. Между тем, как указывает Ж. Станишевская, коммуникация супругов является значимой предпосылкой их удовлетворенности семейной жизнью [173]. По результатам исследования Т.Л. Крюковой, при неудовлетворении потребности в общении у супругов появляется чувство одиночества, которое тяжело переживается и с трудом осознается [101];

– принятие непривычных ролей матери и отца, исполнение которых погружает супругов в неопределенность на фоне повышенного уровня ответственности. Как отмечает Г.Н. Томгорова, представление о родительских ролях у многих современных людей неадекватно и размыто в силу отсутствия перед глазами образцов данных ролей (это связано, в частности, с распространением неполных семей) [184]. С.И. Некрасов и Э.М. Луценко, полагают, что наиболее размытым является представление о роли отца, чьи функции при воспитании ребенка неочевидны для большинства вступающих в брак [134];

– эмоциональное и физическое напряжение, вплоть до истощения и выгорания. Проблема родительского выгорания только начинает разрабатываться в нашей стране, однако ее значимость сложно переоценить. Уже сейчас признано, что исполнение родительской роли способно вызывать не меньшее истощение, чем профессиональная деятельность, а последствия выгорания родителя могут быть катастрофичными и для самой личности, и для ее партнера, и, особенно, для детей;

– обострение проблем в отношениях с родительскими семьями, представители которых могут иметь свой взгляд на воспитание ребенка и ухода за ним, а также более или менее выраженное стремление к участию в жизни молодой семьи;

– дефицит межличностного взаимодействия, особенно остро ощущаемый женщинами, сменившими социальный статус и вынужденными оставить работу и иные формы социальной активности ради ухода за ребенком [89,94];

– наличие нерешенных проблем в супружеских отношениях, которые до появления детей замалчивались или отрицались. Как указывает Э.Г. Эйдемиллер, подобное часто наблюдается в дисфункциональных семьях, не имеющих ресурса для эффективного совладания с типичными и/или ненормативными семейными трудностями [210].

Таким образом, специалисты указывают на существование множества факторов, которые могут обострить супружеские отношения после появления ребенка. Однако, в случае функциональной семьи, данные трудности преодолеваются, семейная структура адаптивно перестраивается, и уже на втором году жизни ребенка супружеские отношения вновь становятся относительно стабильными и ресурсными для мужа и жены. Для дисфункциональных семей появление детей может стать триггером распада брака. Помимо перечисленных специалистов, о кризисном характере периода появления детей говорят и такие исследователи, как С.П. Акутина и С.А. Макеева [6], Е.В. Баранова [15], М.В. Данилова и В.В. Трофимова [54] и др.

Следует отметить, что исследований по проблеме изменения ценностей в связи с появлением в семье детей проведено крайне мало. Существуют отдельные публикации, касающиеся ценностей женщины-матери. Так, по результатам исследования Н.К. Грицкевич для женщины, имеющей ребенка, наиболее значимыми являются ценности семьи и здоровья ее близких, тогда как бездетные женщины демонстрируют значительно более высокую вариативность ценностных ориентаций [50]. О повышении ценности семьи и здоровья для женщин, ставших

матерями, говорит и Е.В. Германова [44]. При этом нами не обнаружено данных о том, как изменяются ценности мужчины после появления ребенка, а также о согласованности ценностных ориентаций супругов, ставших родителями.

Что касается семей, не имеющих детей, то, по нашему мнению, необоснованно сводить закономерности их жизнедеятельности к понятию «зарождающаяся семья», характеризуя отношения в этих семьях как напряженные в силу необходимости достижения ценностного и ролевого единства. Многие современные семьи остаются бездетными несколько лет и более, что говорит о стабилизации семейной ролевой структуры и переходе на новый этап развития. При этом важно разделять семьи, добровольно отказавшиеся от детей, и семьи, имеющие репродуктивные проблемы. В первом случае супруги, не желающие иметь ребенка, руководствуются осознанными мотивами: нежеланием затруднять материальное положение, стремлением избежать возможных проблем или препятствий на пути к самореализации и привычной активности, страхом негативных изменений во внешнем виде (у женщины) и др.

Иная ситуация в семьях бездетных, вопреки своему желанию. При наличии проблем в сфере репродуктивного здоровья эти пары часто оказываются под угрозой распада. Как отмечает Е.С. Дьячкова, данная ситуация способствует появлению чувства вины у мужа и/или жены, возникновению тревоги и депрессии. Многочисленные медицинские процедуры, ограничения и обсуждение интимной жизни с врачами в еще большей степени затрудняют положение супругов. Между ними часто возникают конфликты, в которых звучат взаимные обвинения, нередко такие семьи приходят к разводам. Тем не менее, существуют супружеские пары, которых бесплодие сплотило, сделав их семью еще более крепкой, несмотря на отсутствие совместных детей [65].

В гуманитарных науках под ценностями понимают некие абстрактные цели (идеи, идеалы) или конкретные предметы (явления) материального мира, выражающие потребности и интересы субъекта и побуждающие общество и отдельную личность к деятельности по их достижению. Ценности формируются на

протяжении всей истории человечества в процессе обобщения типичных ситуаций и воплощения полученного опыта в форму принципов. Данные принципы, регулирующие жизнь индивида и социума, и называют ценностями. Важно, что ни один предмет и ни одна идея не являются ценными сами по себе – таковыми их делает включенность в деятельность человека.

Отметим, что, рождаясь, человек лишен представления о ценностях. Его поведение обусловлено стремлением к удовлетворению врожденных потребностей – достижению физиологического комфорта, насыщению, формированию надежной привязанности к матери или лицу, ее замещающему.

Со временем ребенок начинает осознавать, что одни поступки одобряются значимыми взрослыми, а другие порицаются. Отслеживая реакции родителей, родственников и воспитателей, ребенок формирует первичное представление о должном. В дальнейшем, по мере взросления и созревания высших отделов нервной системы, человек переходит от элементарного знания о том, что такое хорошо и плохо, к иерархической структуре осознанных и обобщенных ценностных ориентаций, которые детерминируют его поведение в повседневной жизни.

Таким образом, ценностными ориентациями называют результат преломления общечеловеческих ценностей в сознании конкретной личности. Ценностные ориентации регулируют деятельность и поведение индивида так же, как ценности регулируют деятельность общества. Они одновременно являются эталонами должного и определяют средства по достижению поставленных целей. При этом важно подчеркнуть, что ценностные ориентации не формулируются человеком самостоятельно – они «присваиваются» в процессе социализации в конкретных социокультурных условиях, и потому всегда несут на себе отпечаток того общества, в котором родился и вырос индивид.

В контексте темы нашего исследования отметим, что создание супружеской пары является важным фактором уточнения и, зачастую, изменения индивидуальной системы ценностных ориентаций. Два человека, вступающие в брак,

обладают собственными представлениями о должном, которые никогда полностью не совпадают, что приводит к необходимости актуализации собственных ценностных ориентаций и их частичного или полного пересмотра. В идеале, как отмечает Е.В. Баранова, в результате прохождения кризисного периода первых лет совместной жизни супруги формируют общее представление о семейных ценностях, жизненных целях и приемлемых способах их достижения [15], а также, по мнению Т.Г. Ветрилы, принимают ответственность друг перед другом и семьей в целом [36]. На данной основе будут в дальнейшем распределяться роли, решаться возникающие проблемы и, в общем, выбираться жизненный путь семьи.

К сожалению, данный идеальный вариант создания общей системы семейных ценностей не часто встречается в реальной жизни. Нередко молодые люди, вступающие в брак, имеют размытое представление о собственных жизненных целях, не говоря об ориентирах для совместной жизни. У многих из них, воспитанных в неполных или дисфункциональных семьях, перед глазами не было образцов для формирования адекватного представления о семейных отношениях, супружеских и родительских ролях, целях семейной жизни.

Семья, как особое пространство бытия, имеет свою установленную парадигму сферы бытия личности, которая включает в себя в своем функциональном статусе такие характеристики, как:

- модель межличностных отношений, которая определяет источник принадлежности личности к семье;
- формирование событий в совместном времени членов семьи;
- индивидуальную предметно-пространственную среду жилого помещения и т.д.

Достижение определенности отражается во взаимодействии с противоположным. Семейные отношения являются институтом для проявления мужской и

женской идентичности. Здесь зарождаются социальные роли такие как: «супруг», «супруга», «отец», «мать», четко разграничивающие мужские и женские роли.

Перспективы и значимость исследований в отношении создания и укрепления идентичности как базис для формирования семейной пары основываются на том, что семья организовывается исходя из разнообразных побуждений и причин. Становление идентичности личности основывается на подходе идентификации, т.е. метода константного отбора чего-либо – нормативных регулирований, традиционных направлений и принципов.

Одним из серьезных маркеров создания брачного союза является желание и решение человека укрепить свою стабильную личностную и социальную идентичность. Таким образом, приобретается конкретный статус. Хотя приобретение статуса не гарантирует достижение личностной идентичности. Иногда люди принимают решение вступить в брачные отношения, чтобы преодолеть внутриличностные разногласия, связанные с многообразным количеством жизненных путей, которые не изведаны.

Следует подчеркнуть, что личность всегда стремится укрепить свою идентичность. Это выражается и в новом статусе – брак, где личность получает определенность, самобытность, либо идентичность:

- укрепляется и конкретизируется (освобождение от опеки родителей, их влияния и норм в построении бытийных пространств);

- экспандируется (благодаря слиянию с пространствами, предметами, временными ресурсами, с человеком в паре, вдохновляющим на приобретение ценностей и смыслов, и, в итоге, будет развивать идентичность);

- детализируется (сбалансированные модели поведения «прорастут внутрь»);

- приобретается новое мышление и как следствие новое поведение, где будут отражены истинные потребности личности и откроются скрытые возможности.

Поиск укрепления своей личностной идентичности во взаимоотношениях – это органичное желание личности, которое получает свое отражение в нахождении партнера с целью в будущем заключения официального брака. В данном случае речь идет о выборе супруга, исходя из личностного, психоэмоционального, статусного, финансового и других соответствий, а также других качественных характеристик, влияющих на решение вступить в брак. Данные характеристики иерархичны, т.е. имеются более и менее значимые в процессе формирования личностной идентичности и ее самоопределения в социальной структуре общества.

Еще одним немаловажным аспектом в этой теме является разноплановый характер в отношении потребности самого брака и брачного партнера как такового. К сожалению, установлено преобладание потребности в брачном партнере, из-за чего утрачивается сама ценность брачного союза и семьи. Ценность брака теряет свое значение из-за повышенных требований к друг к другу, неудовлетворенности собой и другим, что служит причиной разводов.

На фоне разноплановых изменений родительских задач важным является цель понимания этапов формирования родительской идентичности, которые обеспечивают продуктивность осуществления родительской роли.

Родительская идентичность находит связь с различными маркерами личностной идентичности, покрывающие такие этапы формирования идентичности, как принятие и отождествление с функциями родителя, а также все этапы поиска идентичности.

Возникающая в условиях современного общества неопределенность социальных предписаний к обязательствам супруги и супруга, матери и отца подчеркивает важность исследования родительской идентичности как для женщин, так и для мужчин. Под семейной идентичностью рассматривается субъективный образ сопричастности к семейной группе, показывающий признаки этой группы и своего деятельного подхода в ней с различных исследовательских точек зрения: структурной, эмоционально-оценочной и когнитивной.

Становлению родительской идентичности способствует либо протекает в одно и то же время становление супружеской идентичности. Концепции «Я-супруг (а)» и «Я-родитель» дополняют друг друга. Родительская идентичность есть становление сознательно-преданной супружеской я -концепции, оригинально-выстроенное отношение к самому себе (без самобичевания и безуспешного причинения себе нравственных страданий), возвращение чувства ответственности, сознательное и здоровое половое отнесение, культурного кода полового поведения, направленность на традиционную консервативную семью, отрицание философии потребительского менталитета. Именно в этом аспекте проявляется отношение к деторождению в качестве данности природы, а не в качестве частицы потребительской культуры по причине улучшения своего общественного статуса. У партнеров, находящихся в незарегистрированном браке, выражены в большей степени индивидуально-ориентированные ценности, имеющие отношение к достижению личного успеха, а также независимости. Вместе с тем у партнеров, находящихся в зарегистрированном браке, выражены в большей степени ценности, направленные на счастье других, любовь и счастливую семейную жизнь, которые формируются благодаря терпению, чуткому чувству и проявлению заботы.

Независимо от пола и формы брака, молодое поколение ориентировано на модель семьи, где фундаментом являются следующие семейные ценности: надежность, преданность, наличие детей в будущем.

Выводы по Главе 1

Идентичность представляет собой сложный, исторически сформировавшийся психологический и социальный феномен, выполняющий ряд ключевых функций. К их числу относится дифференциация индивида от других (личностная идентичность), его отождествление с определенными социальными общностями (социальная идентичность) и обеспечение целостности и преемственности

«Я» во времени. Данный феномен обладает сложной архитектурой и складывается из трех взаимосвязанных компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого.

В современной научной парадигме структура идентичности концептуализируется как многоуровневое образование, центральными элементами которого выступают личностный и социальный уровни, каждый из которых характеризуется собственными структурными и функциональными особенностями.

На когнитивном уровне данное различие проявляется в механизмах самокатегоризации. При формировании личностной идентичности индивид осуществляет процесс саморефлексии, апеллируя к системе уникальных дескрипторов, которые определяют его как отдельную, отличную от других сущность. К этим дескрипторам относятся физические характеристики, психологические черты, морально-этические принципы, способности и устойчивые поведенческие паттерны. В противоположность этому, социальная идентичность формируется посредством отнесения себя к определенным социальным категориям. Когнитивный компонент здесь репрезентируется через осознание своей принадлежности к широким социальным группам, таким как национальная или религиозная общность, профессиональное сообщество, гендерная или возрастная когорта, что подчеркивает коллективное, а не индивидуальное начало.

На аффективном уровне наблюдается схожее структурное разграничение. В рамках личностной идентичности аффективный компонент находит выражение в комплексной системе самооценки, которая представляет собой оценочное суждение индивида о самом себе, своих качествах и компетенциях. Данная оценка может варьироваться в широком диапазоне от позитивной (высокая самооценка) до негативной (заниженная самооценка). Что касается социальной идентичности, то ее аффективная составляющая детерминирована процессами межгруппового взаимодействия, центральным из которых является социальное сравнение. В соответствии с теорией социальной идентичности (Г. Тэшфел, Дж.

Тернер), индивид стремится к достижению и поддержанию позитивной социальной идентичности, что достигается путем формирования благоприятного образа собственной группы («ин-группы») и ее дифференциации от внешних групп («аут-групп»). Этот биполярный процесс – позитивная оценка «мы» в противовес «они» – служит фундаментом для формирования групповой солидарности, внутригруппового фаворитизма и, в определенных условиях, межгрупповой дискриминации. Поведенческий аспект социальной идентичности, находит выражение в действиях, соответствующих нормам, ценностям и логике тех групп или организаций, к которым индивид себя причисляет. Таким образом, и личностная, и социальная идентичности, будучи взаимосвязанными, реализуются через специфические когнитивные механизмы (самокатегоризация) и порождают различные аффективные следствия (самооценка и социальное сравнение соответственно), что и составляет основу их функционального и структурного своеобразия.

В структуре личностной идентичности центральное место занимает самоотношение, которое выполняет интегрирующую функцию, объединяя различные аспекты «Я-концепции» и выступая индикатором уровня ее сформированности. Самоотношение, в свою очередь, также обладает когнитивной, аффективной и конативной составляющими, которые находятся в динамической взаимосвязи с результативностью деятельности индивида.

Социальная идентичность обладает сложной внутренней архитектурой, ключевыми элементами которой выступают групповая и организационная идентичность. Эти компоненты отражают разные уровни и контексты самоотождествления индивида с социальными общностями.

С одной стороны, групповая идентичность представляет собой результат психологической интеграции личности в относительно небольшую социальную группу. Ее основой служат непосредственные контакты, личные взаимоотношения и разделяемое чувство общности, формирующее у индивида восприятие себя как неотъемлемой части конкретного коллектива.

С другой стороны, организационная идентичность определяет степень связи индивида с крупной, структурированной и иерархической системой – организацией. Этот вид идентичности подразумевает не столько эмоциональную привязанность, сколько когнитивное и ценностное принятие индивидом формальных целей, норм и культурных моделей организации, что приводит к отождествлению личных успехов с успехами всей корпорации.

Формирование идентичности является продуктом активной, предметной деятельности индивида в социальном мире. При этом наблюдается взаимовлияние: характеристики идентичности (такие как ясность, устойчивость, позитивность) оказывают значимое воздействие на эффективность деятельности, а сама деятельность и ее результаты, в свою очередь, выступают важным фактором развития и трансформации идентичности. Таким образом, устанавливается реципрокная связь между эффективностью деятельности и ключевыми параметрами идентичности.

Современные междисциплинарные исследования идентичности концентрируются на анализе сложного взаимодействия между персональным, уникальным началом и социально сконструированными аспектами «Я». Указанные аспекты не только экстернализируются в поведении и социальных практиках, но и сами детерминируются двумя фундаментальными факторами: во-первых, давлением социальных структур и институтов, и во-вторых, внутренней работой сознания, связанной с рефлексией и усвоением ценностных ориентаций.

Эволюция научных представлений об идентичности свидетельствует о переходе от ее понимания как конечного, стабильного конструкта к интерпретации в качестве процессуального и текучего феномена. Таким образом, на первый план выходит не столько содержательное наполнение идентичности, сколько сама процессуальность ее становления, что подчеркивает ее имманентную «незавершенность» и открытость перманентной трансформации в течение жизни

индивида. Идентичность, с точки зрения субъектно-бытийного подхода, представляет собой осознание личностью своего положения в бытийных пространствах, и ощущение себя как субъекта этих бытийных пространств.

Семья признается в научном дискурсе фундаментальным социальным институтом, выполняющим ключевую функцию в процессе формирования и консолидации личностной идентичности индивида. Будучи первичной и наиболее влиятельной средой социализации, она предоставляет уникальное пространство для становления и последующего поддержания целостного самоощущения личности. Именно в рамках семейной структуры и системы межличностных отношений создаются необходимые условия для актуализации, проявления и конструктивного самовыражения гендерных аспектов идентичности – мужской и женской.

В современной психологической науке получила широкое распространение типология, выделяющая три ключевых статуса эго-идентичности: предрешенный (или статус псевдоидентичности), диффузный (характеризующийся размытостью и неопределенностью) и автономный (рассматриваемый как достигнутая, зрелая идентичность). Дифференциация данных статусов осуществляется на основе анализа специфических маркеров, среди которых центральное место занимают такие психологические феномены, как когнитивная и поведенческая фиксация, экзистенциальное сомнение и способность к личностной автономии. Согласно концепции динамики эго-идентичности, разработанной Е.Л. Солдатовой, процесс становления личности характеризуется нелинейностью и предполагает закономерные трансформации при переходе индивида от одного статуса к другому. Важнейшими индикаторами, позволяющими диагностировать особенности личностной идентичности субъектов, находящихся как на добрачной стадии отношений, так и в рамках брачной диады, выступают системы их общих и специфически семейных ценностей.

В контексте данного исследования под личностной идентификацией понимается комплексный внутриличностный процесс, сущность которого заключается в осознанном или неосознанном отождествлении индивидом себя со своим брачным партнером. Данный процесс проявляет себя в ожидании и восприятии взаимной общности базовых ценностных ориентаций, сходного понимания супружеских ролей и идентичных стратегий выстраивания брачных отношений. Для респондентов, имеющих детей, это понятие приобретает дополнительное, родительское измерение. В их случае личностная идентификация включает в себя не только ожидание единства в супружеской сфере, но и предполагает совпадение взглядов, принципов и практик в реализации родительских функций, то есть подразумевает единое направление в выстраивании системы взаимодействия «родитель-ребенок».

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

2.1. Организация исследования

Вступая в брачный союз, человек проявляет свою гражданскую позицию. Отношения между мужем и женой подчеркивают чувство сопричастности между супругами, придают больше определенности и ясности чувству личностной идентичности, а также поддерживают уровень субъективного благополучия.

Однако, совершенно очевидно, что проблема трансформации идентичности супругов в семье с различным статусом имеет определенную специфику, что и определило цель исследования.

Цель исследования – изучить особенности личностной идентичности родителей в условиях разного семейного статуса.

Объект исследования – семейные пары с детьми и без детей.

Предмет исследования – личностная идентичность.

Гипотезы исследования.

1. Наличие или отсутствие детей в браке может влиять на личностную идентичность супругов, которая выступает как интегрированный конструкт, включающий такие составляющие как ценностные ориентации, семейные ценности, удовлетворенность браком.

2. В зависимости от наличия или отсутствия детей в браке личностная идентичность может различаться по особенностям эго-идентичности, а также специфике реализации ролевых позиций и уровня притязаний в семейном взаимодействии.

3. Наличие или отсутствие детей может влиять на особенности семейных ценностей супругов как личностных приоритетов, убеждений как устойчивых ценностно-смысловых образований.

Задачи исследования.

1. Провести анализ научной литературы для установления определения и содержания понятия личностной идентичности. Дать определение феномену личностной идентичности, который будет включать в себя такие характеристики, как: ценностные ориентации, семейные ценности, эго-идентичность, удовлетворенность браком.

2. Разработать и обосновать концептуальный, понятийный и методологический подход к теоретическому и эмпирическому исследованию особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей.

3. Разработать методически обоснованную программу эмпирического исследования особенностей личностной идентичности супругов с различным семейным статусом.

4. Составить комплекс психодиагностических методов и методик, адекватных целям и задачам эмпирического исследования.

5. Провести эмпирическое исследование особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей, а также общих и семейных ценностей как индикаторов личностной идентичности.

6. Провести качественный и количественный анализ полученных эмпирических данных.

Этапы исследования:

Первый этап (2020-2021 гг.) включал разработку программы исследования особенностей личностной идентичности супругов, имеющих и не имеющих детей и обоснование выбора методов исследования.

На втором этапе (2021-2022 гг.) было проведено эмпирическое исследование супругов, состоящих в официальном браке, как имеющих детей, так и не имеющих детей.

На третьем этапе (2022-2024 гг.) производилась математическая обработка полученных эмпирических данных, качественный анализ, систематизация, обобщение и описание полученных результатов.

Эмпирическая выборка исследования. Всего в исследовании приняло участие 200 человек; 100 мужчин и 100 женщин, в возрасте от 25-ти до 40-ка лет со стажем семейной жизни от 3-х до 7 лет. Из них 50 супружеских пар имели детей и 50 супружеских пар детей не имели.

Для анализа особенностей личностной идентичности супругов с различным семейным статусом выборка была разделена на следующие подгруппы:

1. Мужчины с детьми и мужчины без детей.
2. Женщины с детьми и женщины без детей.
3. Супружеские пары, имеющие детей.
4. Супружеские пары без детей.

2.2. Методология и методы исследования

Авторская анкета

Для изучения особенностей исследуемой выборки нами была разработана авторская анкета, которая содержит 8 пунктов, направленных на рассмотрение различных психолого-демографических аспектов семьи. В анкету также включены вопросы, направленные на получение согласия респондентов на участие в исследовании. Текст анкеты представлен в Приложении 1.

Методика Ш. Шварца Опросник ценностей [82]

Методика Ш. Шварца направлена на выявление ценностей, имеющих для респондента наибольшее значение. Для этого участники исследования должны ответить на вопрос: «Какие ценности считаются мной ключевыми принципами в жизни, а какие менее важны?».

Для этого респондентам предлагается два списка ценностей, которые они должны проанжировать, используя оценочную шкалу, где возможны значения от -1 до 7. Большее число соответствует более значимой ценности как руководящему принципу жизни, в то время как меньшее значение указывает на менее важные ценности. При оценке следует руководствоваться следующими значениями:

«-1» – ценности, противоположны принципам респондента;

«0» – ценность не имеет значения и не служит руководящим принципом в жизни;

«1,2,3,4,5» – ценность значима;

«6» – ценность очень значима. Ценности высшей значимости, обычно много их не бывает.

В рамках применяемой методологии процедура оценивания ценностей осуществляется в несколько последовательных этапов. Первоначально респондентам предлагается ознакомиться с предоставленным перечнем ценностных ориентаций и идентифицировать среди них ту, которая имеет для них наивысшую личную значимость. Данная ценность маркируется максимально возможным баллом по используемой шкале, а именно – «7». На следующем этапе участники исследования должны определить ценностную позицию, которая в наибольшей степени противоречит их собственным убеждениям и принципам, и присвоить ей минимальную оценку «-1». В случае, если ни одна из предложенных ценностей не воспринимается респондентом как антагонистичная, инструкция допускает выбор наименее значимой или индифферентной позиции с последующей ее оценкой нейтральными или низкими баллами – «0» или «1», в зависимости от степени ее субъективной важности. Завершающей фазой процедуры является оценивание всех оставшихся ценностей из списка, которое должно отражать их место в индивидуальной иерархии респондента относительно двух ранее определенных полярных ориентиров.

Опросник А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке» [144]

Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке», разработанная А.Н. Волковой, представляет собой стандартизированный психодиагностический инструмент, предназначенный для комплексного изучения представлений супругов о функционировании семейной системы. В основе методики лежит тео-

ретическое положение о том, что ключевые функции семьи являются непосредственной проекцией системы семейных ценностей индивида. Таким образом, опросник позволяет реконструировать иерархию значимости этих ценностей для каждого из респондентов.

Помимо анализа ценностных ориентаций, данный инструмент предоставляет возможность диагностики ролевых ожиданий и притязаний партнеров, то есть их представлений о предпочтительном распределении обязанностей и моделей поведения в структуре брачных отношений. Сравнительный анализ ответов супругов по указанным параметрам позволяет выявить степень конгруэнтности или рассогласованности их ценностных установок, что является критически важным предиктором семейного благополучия.

Структурно методика включает 36 утверждений, которые респонденты оценивают по 4-балльной шкале Ликертовского типа, выражающей степень своего согласия или несогласия. Для обеспечения большей валидности и учета гендерной специфики восприятия семейных ролей, стимульный материал представлен в двух независимых версиях – для мужчин и для женщин.

Семейные ценности операционализированы в методике через систему из семи ключевых шкал:

1. Интимно-сексуальная шкала: оценивает значимость гармоничных межполовых отношений.
2. Шкала личностной идентификации с супругом: отражает потребность в общности интересов, взглядов и ценностей.
3. Хозяйственно-бытовая шкала: измеряет установки в отношении организации домашнего уклада и бытового обслуживания.
4. Родительско-воспитательная шкала: определяет значимость реализации родительской функции и единства подходов к воспитанию.
5. Шкала социальной активности: характеризует ориентацию на профессиональную и общественную деятельность вне семьи.

6. Эмоционально-психотерапевтическая шкала: оценивает потребность в эмоциональной поддержке, взаимопонимании и психологической безопасности в браке.

7. Шкала внешней привлекательности: отражает значимость поддержания и оценки физического облика партнера.

Интерпретация результатов осуществляется на основе суммарных показателей по каждой шкале, которые классифицируются по трем уровням выраженности:

Низкий уровень: 0-3 балла, что свидетельствует о недостаточной значимости данной сферы семейных отношений для респондента.

Средний уровень: 4-6 баллов, отражает умеренную значимость ценностной ориентации.

Высокий уровень: 7-9 баллов, указывает на доминирующую роль данной ценности в системе представлений индивида о браке.

**Методика Е.Л. Солдатовой
«Исследование структуры эго-идентичности. СЭИ-тест» [170]**

Целью методики Е.Л. Солдатовой «Исследование структуры эго-идентичности. СЭИ-тест» является диагностика структуры эго-идентичности у респондентов обоих полов. Методика позволяет определить преобладающий статус эго-идентичности: автономный, диффузный или предрешенный. В качестве стимульного материала используются «тройки» утверждений, из которых респонденту необходимо выбрать наиболее релевантное. Обработка результатов осуществляется по семи шкалам, каждая из которых снабжена нормативными данными и интерпретационными критериями.

1) Шкала под названием «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития» предназначена для оценки отношения личности к выбору и принятию решений.

2) «Самодостаточность» или «сила эго» отражают способность человека быть независимым и полагаться на себя.

3) «Осознанность жизненного пути» способствует формированию у индивида представления о перманентном характере личностного развития

4) Шкала «эмоциональной зрелости» оценивает способность человека принимать и доверять своим сильным эмоциям

5) Принятие настоящего отражает степень осознания и позитивной оценки текущих событий и переживаний.

6) Осознанность собственных ценностей позволяет провести самоанализ и оценить соответствие между личной системой ценностей и поставленными целями.

7) Шкала «Соответствие себе» предназначена для оценки отношения индивида к себе как к уникальной и интегрированной системе.

Методика диагностики удовлетворенности браком (авторы: В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) [174]

Тест-опросник является специализированным психодиагностическим инструментом, разработанным коллективом отечественных исследователей – В.В. Столиным, Т.Л. Романовой и Г.П. Бутенко – для измерения уровня субъективной удовлетворенности индивидов брачными отношениями. Основное назначение методики заключается в количественной оценке восприятия супругами различных сторон совместной жизни. Опросник представляет собой одномерную шкалу, состоящую из 24 пунктов, каждый из которых затрагивает ключевые аспекты супружеского взаимодействия, такие как взаимопонимание, общность интересов, эмоциональная близость, поведенческие паттерны и разрешение конфликтов.

Процедура проведения предполагает, что респондент выражает степень своего согласия с каждым утверждением, выбирая один из трех предложенных вариантов ответа: «верно», «трудно сказать» или «неверно». Для последующего количественного анализа ответы кодируются в дихотомизированной системе: позитивному ответу («верно») присваивается 2 балла, неопределенному («трудно сказать») – 1 балл, а негативному («неверно») – 0 баллов.

Интегральный показатель удовлетворенности браком вычисляется путем простого суммирования всех баллов, полученных за ответы на 24 утверждения. Максимально возможный результат составляет 48 баллов, что отражает наивысший уровень удовлетворенности.

Для содержательной интерпретации сырого балла предусмотрена его классификация по семи категориям, образующим континуум от абсолютно неблагоприятного до абсолютно благополучного брака. Данные оценочные категории со следующими диапазонами баллов позволяют дифференцировать результаты:

- Абсолютно неблагоприятные брачные отношения (0-16 баллов).
- Неблагополучные отношения (17-22 балла).
- Отношения, характеризующиеся как скорее неблагоприятные (23-26 баллов).
- Переходные (или амбивалентные) отношения (27-28 баллов).
- Отношения, оцениваемые как скорее благополучные (29-32 балла).
- Благополучные отношения (33-38 баллов).
- Абсолютно благополучные отношения (39-48 баллов).

Выводы по Главе 2

Данное эмпирическое исследование особенностей личностной идентичности родителей в контексте различного семейного статуса было реализовано в рамках четкого теоретико-методологического обоснования. Его проведение обеспечивалось репрезентативным составом выборки, последовательной реализацией исследовательского плана, соответствующего поставленным гипотезам, цели и задачам, а также применением валидного диагностического инструментария.

Актуальность исследования была обусловлена феноменом кризиса идентичности у современного человека. В этой связи теоретический анализ, направленный на выявление концептуальных положений о природе идентичности и

условий ее формирования в различных жизненных контекстах, определил необходимость проведения специализированной эмпирической проверки.

Для решения исследовательских задач была разработана и внедрена трех-этапная программа:

1. Теоретико-организационный этап: На данном этапе был определен предмет, объект, цель, задачи и гипотезы исследования. Были сформулированы критерии отбора респондентов, что позволило сформировать четыре группы респондентов: супружеские пары с детьми и без детей, а также мужчины и женщины, имеющие и не имеющие детей. Кроме того, на этом этапе осуществлялся анализ психологических подходов к изучению идентичности.

2. Диагностический этап: В рамках этого этапа было проведено эмпирическое изучение ключевых параметров, включая личные и семейные ценности, ролевые ожидания и притязания в браке, структуру идентичности и удовлетворенность браком. Полученные данные подверглись статистической обработке с последующей интерпретацией.

3. Заключительный этап: На завершающей стадии произведена систематизация эмпирических данных, их визуализация в форме таблиц и графиков, а также сформулированы основные выводы и заключение.

Верификация гипотез обеспечивалась комплексом апробированных методик: опросник Ш. Шварца (ценностные ориентации), методика А.Н. Волковой (ролевые ожидания и притязания в браке), тест Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) для анализа структуры эго-идентичности и опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой и Г.П. Бутенко.

Разработанная программа и методический комплекс заложили методологический фундамент исследования, определив его внутреннюю логику, принципы и конкретные процедуры сбора и анализа данных.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗНОГО СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

3.1. Особенности личностной идентичности в семьях с детьми

В современной семье центральной характеристикой качества супружеских отношений является удовлетворенность браком. В своей работе В.В. Столин, Т.Л. Романова и Г.П. Бутенко утверждают, что эмоциональная связь, включающая любовь и привязанность, является ключевым элементом, поддерживающим брак. Они полагают, что субъективное ощущение удовлетворенности или неудовлетворенности браком представляет собой скорее общее эмоциональное состояние, нежели результат логического анализа успешности брака по отдельным критериям. В результате проведенного исследования в супружеских парах с детьми по методике В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко нами были получены следующие результаты [Таблица 1].

Таблица 1

**Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком
в семьях с детьми**

№ п/п	Степень удовлетворенности браком	Мужчины с детьми в браке		Женщины с детьми в браке	
		п	%	п	%
1.	абсолютная удовлетворенность браком	10	20	13	26
2.	просто благополучные	19	38	14	28
3.	скорее благополучные	10	20	12	24
4.	переходные	3	6	3	6
5.	скорее неблагоприятные отношения	5	10	4	8
6.	неблагополучные	1	2	4	8
7.	абсолютно неблагоприятные	2	4	0	0

Рисунок 1. Оценка степени удовлетворенности браком мужчинами из семей с детьми

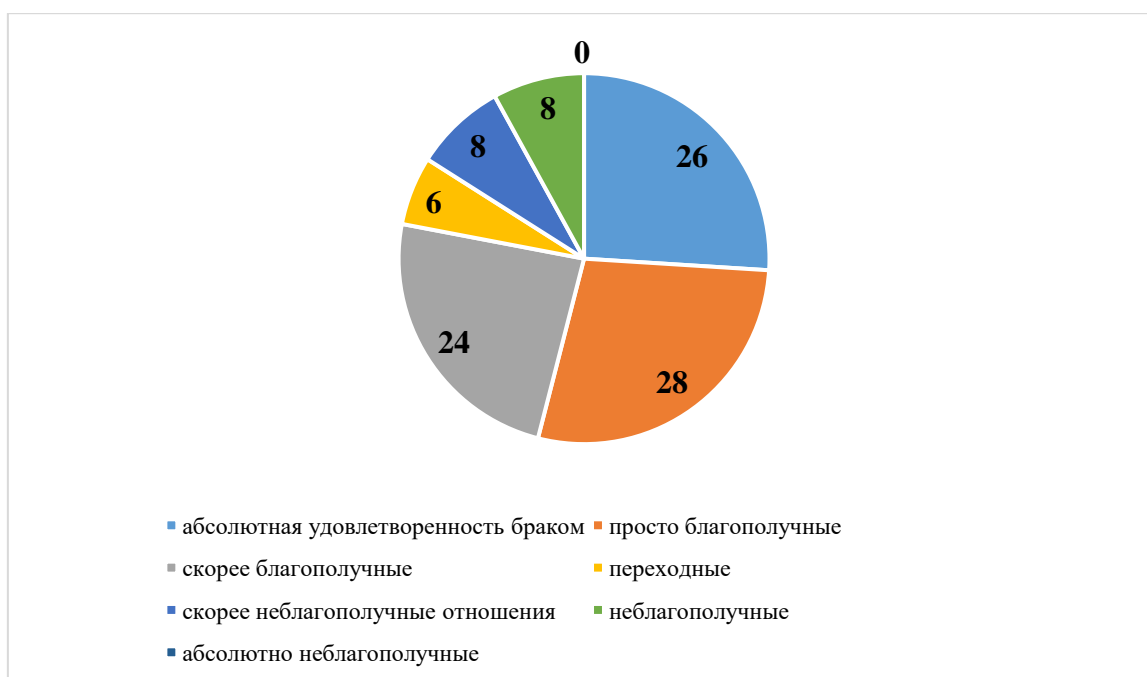

Рисунок 2. Оценка степени удовлетворенности браком женщинами из семей с детьми

Как видно из Таблицы 1 и Рисунков 1 и 2, степень удовлетворенности браком у мужчин и женщин из семей с детьми очень высока и составляет 78% всей выборки и только 22% супругов оценивают отношения как неблагоприятные. В Таблице 2 представлен анализ статистической достоверности различий средних

значений по опроснику удовлетворенности браком у супругов из семей с детьми по критерию U Манна-Уитни. Значимых различий по степени удовлетворенности браком у мужчин и женщин из семей с детьми не выявлено.

Таблица 2

Средние значения по опроснику удовлетворенности браком

	Среднее значение		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Женщины с детьми в браке		
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,26	33,64	1235,000	0,917
Удовлетворенность браком (средний балл)	5,32	5,40	1205,000	0,748

С целью получения общей оценки благополучия отношений в супружеских парах была использована методика А.Н. Волковой «Рольевые ожидания и притязания в браке». Указанная методика предназначена для диагностики представлений супругов о значимости широкого спектра компонентов семейной жизни, охватывающих как приватную сферу (сексуальные отношения, личностная общность), так и социально-бытовую (родительство, профессиональные интересы, хозяйственно-бытовые вопросы, морально-эмоциональная поддержка, внешняя привлекательность). Анализ результатов позволяет количественно определить иерархию семейных ценностей, отражающую приоритеты пары в реализации фундаментальных функций института семьи. Результаты, полученные по данной методике, представлены на Рисунке 3 и Рисунке 4.

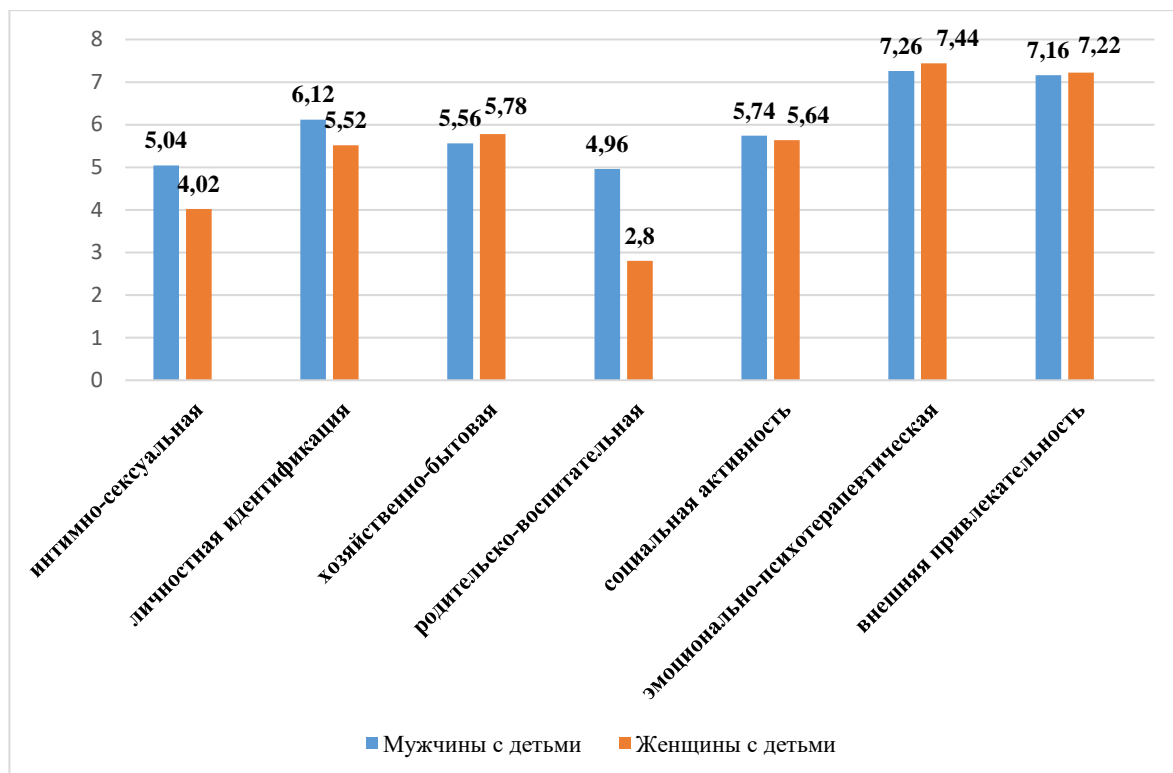

Рисунок 3. Ролевые ожидания супругов из семей с детьми

Наибольшие ролевые ожидания супругов связаны с такими критериями как «моральная и эмоциональная поддержка» и «внешняя привлекательность». Необходимо также отметить, что мужчины из семей с детьми ответственность за воспитание детей в большей степени возлагают на женщин, в то время как женщины в меньшей степени ожидают такой поддержки от мужей.

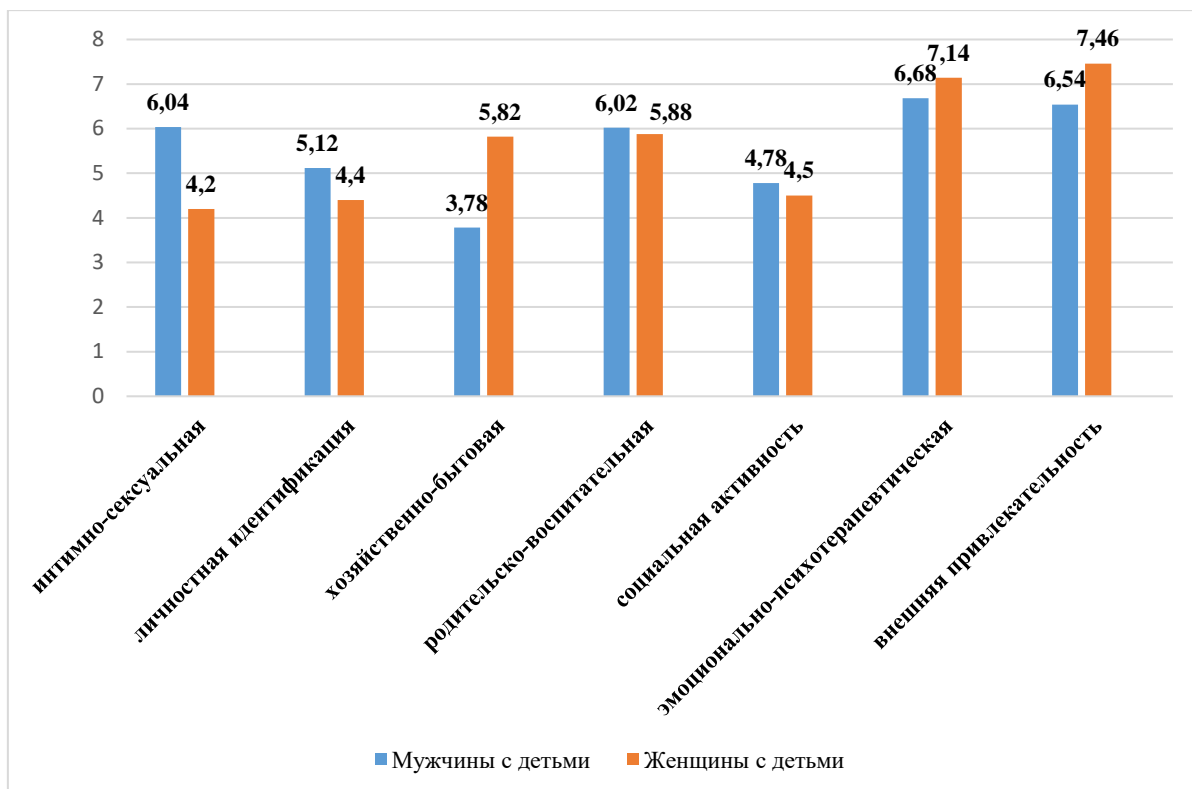

Рисунок 4. Ролевые притязания в браке супругов из семей с детьми

Как видно из Рисунка 4, ролевые притязания супругов с детьми совпадают с их ролевыми ожиданиями и касаются таких показателей как «моральная и эмоциональная поддержка» и «внешняя привлекательность».

Необходимо отметить, что у супругов с детьми на уровне ролевых ожиданий отмечаются повышенные значения по таким шкалам семейных ценностей как «эмоционально-психотерапевтическая» и шкала «внешней привлекательности». У мужчин с детьми отмечаются более высокие значения по такой шкале семейных ценностей как «социальная активность», в то время как у женщин с детьми отмечаются более высокие показатели по «родительско-воспитательной» шкале. В качестве наименее значимых мужчины отмечают «родительско-воспитательную» ценность, а женщины - «социальную активность».

Для женщин с детьми характерны более высокие значения по таким шкалам семейных ценностей как «внешняя привлекательность» и «эмоционально-психотерапевтическая». Это свидетельствует о том, что женщины с детьми при-

дают большое значение своему внешнему виду и родительству. Для них организация быта в браке имеет большее значение, чем для мужчин той же категории. Стоит отметить, что сексуальные отношения остаются важным аспектом семейного счастья для мужчин и они рассматривают сексуальную гармонию как важный элемент удовлетворения в браке. Анализ ролевых ожиданий мужчин с детьми и женщин с детьми показал наличие высоких значений на уровне «ролевых ожиданий» и «ролевых притязаний» в таких шкалах как «эмоционально-психотерапевтическая», «внешняя привлекательность» и «хозяйственно-бытовая». Анализ статистически значимых различий по результатам методики Ролевые ожидания и притязания А.Н. Волковой представлен в Таблице 3.

Таблица 3

Результаты анализа статистически значимых различий по результатам методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой

Шкалы	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Женщины с детьми в браке		
1 - интимно-сексуальная	5,04	4,02	848,000	0,004
2 - личностная идентификация	6,12	5,52	1041,000	0,140
3 - хозяйственно-бытовая	4,67	5,78	580,500	0,001*
4 - родительско-воспитательная	5,51	6,04	803,500	0,002
5 - социальная активность	5,26	5,09	1151,500	0,494
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,91	7,29	1096,000	0,285
7 - внешняя привлекательность	6,85	7,34	1098,500	0,292
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	5,56	5,74	1096,500	0,277
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	4,96	6,20	523,000	0,001*
5 - социальная активность - ОЖ	5,74	5,64	1156,500	0,511
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,26	7,44	1144,000	0,444
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	7,16	7,22	1237,500	0,930
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	3,78	5,82	423,000	0,001*
4 - родительско-воспитательная - ПР	6,02	5,88	1235,500	0,908
5 - социальная активность - ПР	4,78	4,50	1200,000	0,700
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,68	7,14	1129,000	0,391
7 - внешняя привлекательность - ПР	6,54	7,46	1024,000	0,098

Условные обозначения: ОЖ – ролевые ожидания в браке; ПР – ролевые притязания в браке

Статистически значимые различия между супругами из семей с детьми выявлены по таким критериям как: «интимно-сексуальная сфера» ($U_{\text{эмп.}}=848$ для $p \leq 0,05$), «ролевые ожидания в отношении реализации родительско-воспитательной функции» ($U_{\text{эмп.}}=580,5$ для $p \leq 0,01$), «ролевые притязания в хозяйственной бытовой сфере» ($U_{\text{эмп.}}=423$ для $p \leq 0,01$). Женщины в браке с детьми ожидают от супругов большей вовлеченности в процесс воспитания детей и ожидают большей помощи в хозяйственно-бытовой сфере.

Нами был проведен корреляционный анализ взаимосвязей между показателями удовлетворенности браком и показателями ролевых ожиданий и притязаний у супругов, имеющих детей. В выборке жен выявились 2 значимые корреляционные связи между показателем «удовлетворенность браком» и «хозяйственно-бытовой сферой семьи» ($r=0,290$ при $p < 0,05$) и показателем «родительско-воспитательная функция» ($r=0,372$ при $p < 0,05$). В выборке мужей также выявлены 2 значимые корреляционные связи: положительная между показателем «удовлетворенность браком» и показателем «родительско-воспитательная функция» ($r=0,400$ при $p < 0,05$) и отрицательная между показателем «удовлетворенность браком» и показателем «ролевые ожидания внешней привлекательности» ($r = -0,358$ при $p < 0,05$).

В результате корреляционного анализа выборки супругов, имеющих детей, были выявлены две положительные корреляционные связи между показателем «удовлетворенность браком» и показателем «родительско-воспитательная функция» ($r=0,359$ при $p < 0,05$) и показателем «эмоционально-психотерапевтическая функция семьи» ($r=0,259$ при $p < 0,05$). Женщины с детьми ориентированы на поддержание своей привлекательности и стремятся сохранять модный облик даже в присутствии детей, что требует дополнительного ухода за собой. Они также выражают активные ожидания относительно родительской роли своего супруга. Анализ взглядов мужчин с детьми и женщин с детьми на важность различных аспектов семейной жизни позволяет сделать вывод о схожих ролевых ожиданиях и притязаниях у респондентов этой категории.

Можно сделать обоснованный вывод о том, что для супругов, имеющих детей, удовлетворенность браком в первую очередь связана с реализацией родительско-воспитательной функции семьи. Также большое значение для супругов имеет реализация в семье эмоционально-терапевтической функции.

При этом для жен большее значение имеет поддержка мужа в хозяйственно-бытовой сфере, а удовлетворенность браком у мужей не связана с внешней привлекательностью, т.е. чем выше удовлетворенность браком, тем меньшее значение мужчины придают внешности (как собственной, так и супруги). Гармоничные отношения между супругами подразумевают присутствие совместных ценностей у субъектов в семье. Единство их ценностных ориентаций предполагает зарождение в полной мере традиционной семьи. Структура ценностных ориентаций играет значительную роль в формировании личностной идентичности субъектов внутри семейного контекста. Нами были рассмотрены показатели базовых ценностей у супругов с детьми. Результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Показатели базовых ценностей по методике Ш. Шварца у супругов с детьми

Показатель	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Женщины с детьми в браке		
Убежденность-Конформность	3,64	3,28	1029,000	0,127
Убежденность-Традиции	2,97	2,58	1020,000	0,112
Убежденность-Доброта	4,00	3,69	1059,000	0,187
Убежденность-Универсализм	3,79	3,71	1130,500	0,407
Убежденность-Самостоятельность	4,19	3,86	954,000	0,041*
Убежденность-Стимуляция	2,77	2,55	1099,500	0,299
Убежденность-Гедонизм	3,13	3,03	1228,500	0,882
Убежденность-Достижения	4,35	3,97	990,000	0,072
Убежденность-Власть	2,93	2,41	971,000	0,054
Убежденность-Безопасность	4,77	4,46	1004,000	0,090
Поведение-Конформность	1,83	1,80	1237,500	0,930
Поведение-Традиции	1,40	1,40	1247,500	0,986
Поведение-Доброта	1,67	1,80	1161,500	0,535
Поведение-Универсализм	1,66	1,73	1194,000	0,697
Поведение-Самостоятельность	2,05	1,96	1140,500	0,446
Поведение-Стимуляция	0,99	0,85	1147,500	0,474
Поведение-Гедонизм	0,81	0,66	1141,500	0,450
Поведение-Достижения	2,03	1,92	1124,000	0,381
Поведение-Власть	0,79	0,37	902,500	0,015*
Поведение-Безопасность	2,89	2,96	1178,000	0,614

Анализ полученных данных позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические особенности в структуре ценностных ориентаций мужчин и женщин, имеющих детей. На уровне нормативных идеалов, то есть декларируемых социально одобряемых принципов, для обеих групп респондентов характерна выраженная ориентация на три ключевые ценности: безопасность, достижения и самостоятельность. Эти ценности образуют универсальное ядро нормативных представлений исследуемой группы, что, вероятно, отражает типичные для родительства социальные роли и связанную с ними ответственность.

При более детальном рассмотрении нормативного профиля ценностей обнаруживаются определенные различия. Так, мужчины-отцы склонны в большей степени, чем женщины-матери, придавать значение ценностям власти и достижений. Несмотря на это, именно ценность власти остается наименее предпочитаемой в иерархии как у мужчин, так и у женщин, что указывает на ее относительно низкий нормативный статус в контексте семейной жизни. Ранжирование ценностей на нормативном уровне демонстрирует следующую последовательность для мужчин с детьми: после доминирующей триады (безопасность, достижения, самостоятельность) следуют ценности доброты и универсализма, затем – конформность, гедонизм и традиции. Завершают список ценности стимуляции и власти. У женщин-матерей наблюдается схожая структура, с незначительным изменением в порядке следования: после основных трех ценностей приоритет отдается универсализму и доброте, а завершает иерархию, как и у мужчин, власть, предшествуемая стимуляцией. Таким образом, можно констатировать, что дифференциация проявляется не в коренном пересмотре ценностных приоритетов, а в степени их выраженности: для мужчин-отцов в большей мере, чем для женщин, характерна ориентация на статус и управление, что подчеркивает их агентивную роль и стремление к контролю над жизненными обстоятельствами. В свою очередь, у женщин сильнее выражена ценность стимуляции, что свидетельствует об их стремлении к новизне, получению глубоких эмоциональных переживаний и разнообразию в жизни.

На уровне индивидуальных приоритетов, которые отражают личностно значимые ориентации, реализуемые в повседневном поведении, общая структура высших ценностей сохраняется. Для респондентов обоего пола наиболее значимыми вновь выступают безопасность, самостоятельность и достижения. Данное совпадение с нормативным уровнем указывает на внутреннюю согласованность ценностной системы исследуемой группы. Кроме того, индивидуальный ценностный профиль характеризуется открытостью к изменениям, склонностью к самовозвышению (саморазвитию и утверждению собственной уникальности) и самоотрансцендентности (выходу за пределы личных интересов), при одновременной меньшей выраженности ориентации на консерватизм.

Однако полного совпадения между двумя уровнями не наблюдается. Выявленные расхождения между нормативными идеалами и индивидуальными приоритетами могут быть объяснены воздействием ряда социально-психологических факторов. Ценности личности на декларативном, нормативном уровне не всегда находят прямое отражение в реальном поведении индивида вследствие группового давления, необходимости соблюдения установленных общественных норм и правил, а также влияния конкретных жизненных обстоятельств и ограничений.

Что касается различий на индивидуальном уровне, то здесь, как и на нормативном, ценность власти занимает последнюю позицию в иерархии как у мужчин, так и у женщин. При этом ценность гедонизма, понимаемая как стремление к удовольствию и наслаждению жизнью, выражена у мужчин-отцов в большей степени, чем у женщин-матерей. Это позволяет предположить, что женщины, имеющие детей, в своем реальном поведении могут в меньшей степени позволять себе следовать гедонистическим устремлениям, вероятно, в силу большей вовлеченности в повседневные родительские обязанности.

В результате анализа данных были идентифицированы доминирующие и периферийные ценностные конструкты.

1. Высокозначимые ценности. В качестве наиболее значимых жизненных ориентиров для обеих групп (мужчин и женщин с детьми) выступают:

- безопасность, понимаемая как стремление к стабильности и безопасности в широком социальном контексте;
- достижения, отражающие ориентацию на личный успех и демонстрацию компетентности в соответствии с общепринятыми социальными стандартами, что можно охарактеризовать как стратегию самовозвышения;
- самостоятельность, подразумевающая независимость суждений, свободу выбора и автономию в мыслях и действиях.

2. Наименее значимые ценности. Напротив, в аксиологическом пространстве респондентов наименьшую значимость имеют следующие ценности:

- стимуляция, выражающаяся в поиске новизны, глубоких переживаний и жизненных перемен;
- власть, связанная с доминированием над людьми и контролем над ресурсами, а также стремлением к социальному превосходству;
- традиции, предполагающие уважение, принятие и приверженность религиозным и культурным обычаям, идеям и обрядам.

Таким образом, углубленный анализ на уровне индивидуальных приоритетов подтверждает, что обобщенный портрет респондента характеризуется ориентацией на консервативные ценности стабильности и безопасности, в сочетании с ярко выраженными мотивами самостоятельности и достижения личного успеха. Данная ценностная конфигурация указывает на прагматическую жизненную позицию, где стремление к надежности и социальной определенности сосуществует с установкой на личностную автономию и самореализацию.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на общую ценностную платформу, основанную на безопасности, достижениях и самостоятельности, существуют устойчивые нюансы в ценностных профилях супругов с детьми. Эти различия проявляются в степени значимости таких ценностей, как власть, сти-

муляция и гедонизм, на обоих уровнях анализа, что отражает специфику социальных ожиданий и личностных стратегий, адаптированных к родительской роли. Для изучения особенностей эго-идентичности у супругов с детьми была использована методика Е.Л. Солдатовой Эта методика позволяет выявить статус эго-идентичности личности, включая такие категории как автономный (А), диффузный (С) и предрешенный (Ф). Полученные данные представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Структура идентичности у супругов с детьми

Статус идентичности	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Женщины с детьми в браке		
Автономный	18,80	20,74	962,500	0,047*
Диффузный	14,24	15,70	1038,000	0,143
Предрешенный	16,96	13,56	762,000	0,001*
Автономный ТС	4,82	5,72	932,500	0,027*
Диффузный ТС	3,56	3,72	1183,500	0,643
Предрешенный ТС	3,62	2,56	852,000	0,005*
Автономный СЭ	3,98	4,04	1214,500	0,803
Диффузный СЭ	2,94	3,10	1140,500	0,439
Предрешенный СЭ	3,08	2,86	1176,000	0,602
Автономный ОЖ	2,44	2,44	1240,000	0,943
Диффузный ОЖ	1,70	2,54	851,500	0,005*
Предрешенный ОЖ	2,86	2,02	727,500	0,001*
Автономный ЭЗ	3,44	3,58	1210,500	0,779
Диффузный ЭЗ	2,30	2,74	1018,000	0,100
Предрешенный ЭЗ	2,26	1,68	937,500	0,025*
Автономный ПН	1,58	1,76	1148,500	0,469
Диффузный ПН	0,88	1,44	816,000	0,002*
Предрешенный ПН	1,54	0,80	769,000	0,001*
Автономный ОЦ	1,70	2,26	907,500	0,015*
Диффузный ОЦ	1,72	0,88	750,500	0,001*
Предрешенный ОЦ	1,58	1,86	1052,000	0,158
Автономный СС	2,54	2,70	1221,000	0,838
Диффузный СС	1,80	2,18	1076,500	0,221
Предрешенный СС	2,66	2,12	959,000	0,041*

Условные обозначения: ТС – «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития»; СЭ – «Самодостаточность» или «сила эго»; ОЖ – «Осознанность жизненного пути»; ЭЗ – «Эмоциональная зрелость»; ПН – «Принятие настоящего»; ОЦ – «Осознанность собственных ценностей»; СС – «Соответствие себе»

Как видно из материалов эмпирического исследования, наиболее статистически значимые различия между мужчинами с детьми и женщинами с детьми можно отметить по следующим параметрам идентичности: шкала «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития (ТС)» в предрешенном статусе эго-идентичности. Можно отметить, что показатели по шкале «Ответственность за выбор» или «ТС» более выражены у мужчин, чем у женщин. Шкала «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в диффузном статусе эго-идентичности. Шкала «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) более значима для женщин, чем для мужчин). Шкала «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в предрешенном статусе эго-идентичности. Шкала «ОЖ» выражена в большей степени у мужчин, чем у женщин). Шкала «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) в предрешенном статусе эго-идентичности. Показатели по шкале «ЭЗ» выше у мужчин, чем у женщин. Шкала «Принятие настоящего» (ПН) в диффузном статусе эго-идентичности. Шкала «ПН» выражена в большей степени у женщин, чем у мужчин. Шкала «Принятие настоящего» (ПН) в предрешенном статусе эго-идентичности. Показатели по шкале «ПН» выражены в большей степени у мужчин, чем у женщин. Шкала теста структуры эго-идентичности «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития (ТС)» в автономном и диффузном статусах эго-идентичности проявляется в большей степени у женщин, чем у мужчин. Можно предположить, что женщины более внимательно и осознанно подходят к принятию решений относительно воспитания ребенка, а также более интенсивно переживают колебания и различные аспекты будущей ответственности за ребенка по сравнению с мужчинами. Шкала теста структуры эго-идентичности «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности проявляется в наименьшей степени у мужчин, чем у женщин. Однако, в предрешенном статусе эго-идентичности шкала «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) проявляется в большей степени у мужчин, чем у женщин.

Таким образом, для женщин с детьми характерна более выраженная уверенность в себе и в своих собственных ресурсах, находясь в достигнутом или

автономном статусе эго-идентичности, по сравнению с мужчинами. В то время как мужчины-отцы проявляют абсолютизированное значение своей независимости и уникальности в предрешенном статусе эго-идентичности, превосходящее подобные черты у женщин-матерей.

Шкала теста структуры эго-идентичности «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в автономном статусе эго-идентичности проявляется в одинаковой степени у мужчин и женщин. Можно предположить, что как мужчины, так и женщины активно размышляют о себе как о личности, об устойчивости своего развития, об ответственности за выбор своего жизненного пути, свои способности и возможности осознанного воздействия на свою жизнь.

Шкала теста структуры эго-идентичности «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности проявляется в меньшей степени у мужчин, чем у женщин. Таким образом, для женщин характерно более осознанное отношение к различным, даже сильным, эмоциональным переживаниям, по сравнению с мужчинами.

Шкала теста структуры эго-идентичности «Принятие настоящего» (ПН) в автономном статусе эго-идентичности менее выражена у мужчин по сравнению с женщинами. Следовательно, женщины более внимательны к своему текущему состоянию, осознают свою роль в контексте своего жизненного пути в большей степени, чем мужчины.

Шкала теста структуры эго-идентичности «Осознанность собственных ценностей» (ОЦ) в предрешенном статусе эго-идентичности менее выражена у мужчин по сравнению с женщинами. Таким образом, для женщин характерен более реалистичный взгляд на ценности, цели и собственные убеждения, а также гибкость в оценке своих приоритетов в большей степени, чем для мужчин.

Шкала теста структуры эго-идентичности «Соответствие себе» (СС) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности менее выражена у мужчин по сравнению с женщинами. Однако, в предрешенном статусе эго-идентичности

шкала «Соответствие себе» (СС) проявляется в большей степени у мужчин, превосходя аналогичные показания у женщин. Таким образом, мужчины более ярко демонстрируют «мужество быть собой» и соответствие своему Я, чем женщины. На общем уровне показателей статусов эго-идентичности выделяется выраженный автономный и диффузный статусы у женщин по сравнению с мужчинами. Однако, предрешенный статус эго-идентичности оказывается выше у мужчин, чем у женщин.

На уровне общих показателей статусов эго-идентичности мы обнаруживаем статистически значимые различия в предрешенном статусе эго-идентичности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что мужчины в большей степени идеализируют «будущее», отказываются от «Я-прошлого», проявляют эгоцентризм и испытывают эйфорию относительно собственных изменений по сравнению с женщинами.

3.2. Особенности личностной идентичности в семьях без детей

Нами было проведено исследование структуры личностной идентичности супругов без детей и связанных с ней параметров семейного благополучия, таких как удовлетворенность браком, ролевые ожидания и ролевые притязания в браке, а также нормативные и индивидуальные ценности. Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком в семьях без детей представлены в Таблице 6.

Таблица 6

Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком в семьях без детей

Степень удовлетворенности браком	Мужчины без детей в браке		Женщины без детей в браке	
	n	%	n	%
абсолютная удовлетворенность браком	7	14	7	14
просто благополучные	15	30	15	30
скорее благополучные	9	18	12	24
переходные	4	8	3	6
скорее неблагоприятные отношения	7	14	5	10
неблагополучные	5	10	6	12
абсолютно неблагоприятные	3	6	2	4

Рисунок 5. Оценка степени удовлетворенности браком мужчинами из семей без детей

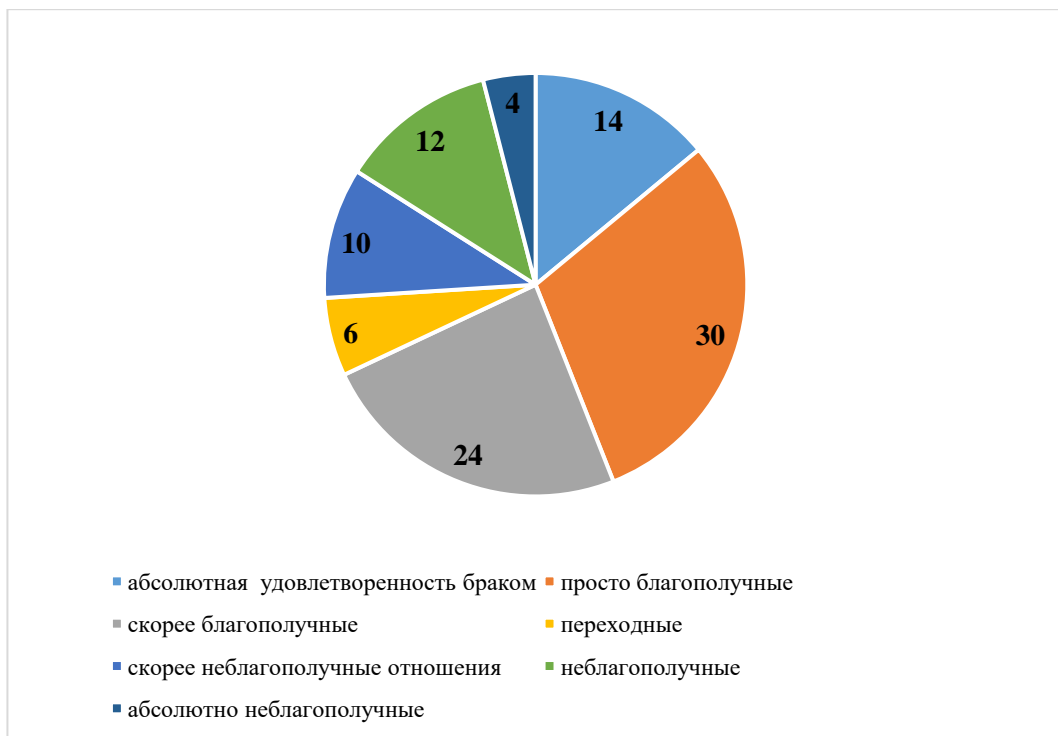

Рисунок 6. Оценка степени удовлетворенности браком женщинами из семей без детей

Как видно из Таблицы 6 и Рисунков 5 и 6 степень удовлетворенности браком у мужчин и женщин из семей без детей составляет 72% от всей выборки и 28% супругов оценивают отношения как неблагополучные.

В Таблице 7 представлен анализ статистической достоверности различий средних значений по опроснику удовлетворенности браком у супругов из семей без детей по критерию U Манна-Уитни. Значимых различий по степени удовлетворенности браком у мужчин и женщин из семей с детьми не выявлено.

Таблица 7

Средние значения по опроснику удовлетворенности браком

	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины без детей в браке	Женщины без детей в браке		
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	30,42	31,20	1208,000	0,772
Удовлетворенность браком-Шкала	4,68	4,80	1215,500	0,808

Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой была применена нами для выявления общей оценки благополучия отношений. Результаты, полученные по данной методике представлены на Рисунке 7 и Рисунке 8.

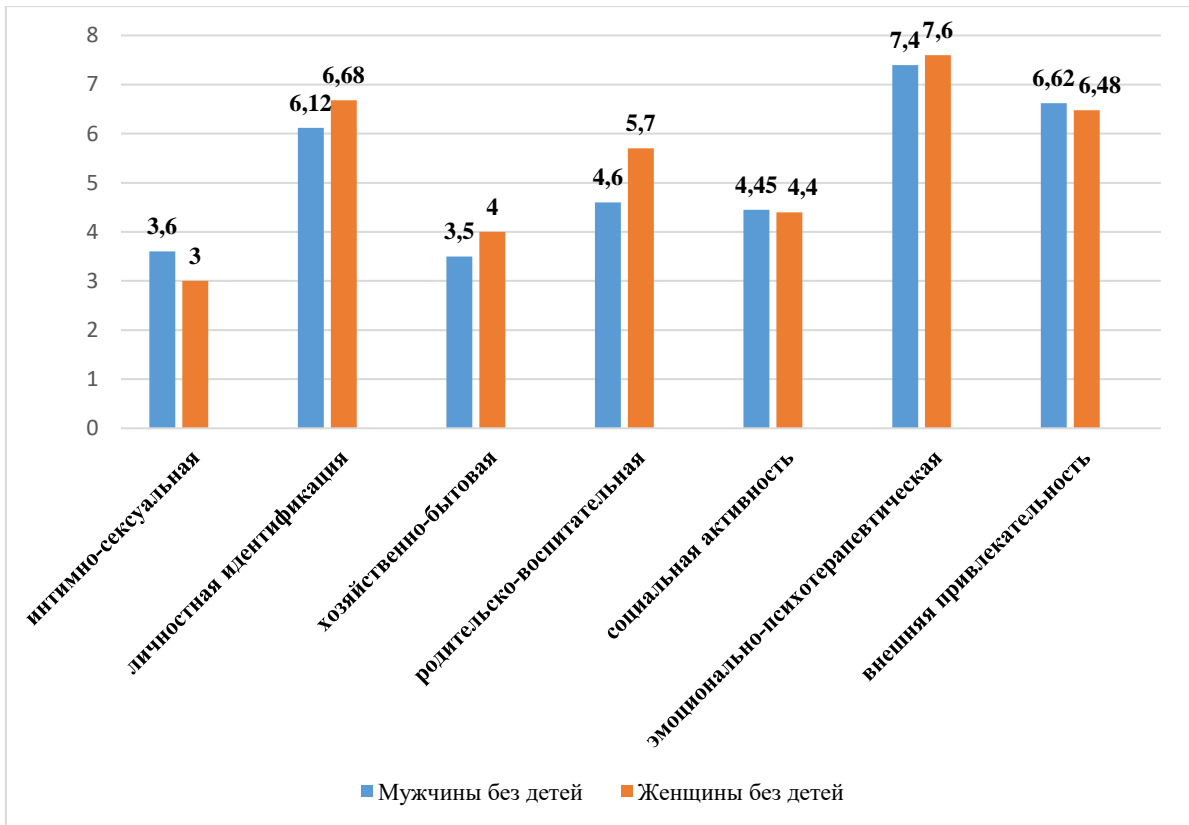

Рисунок 7. Ролевые ожидания супругов из семей без детей

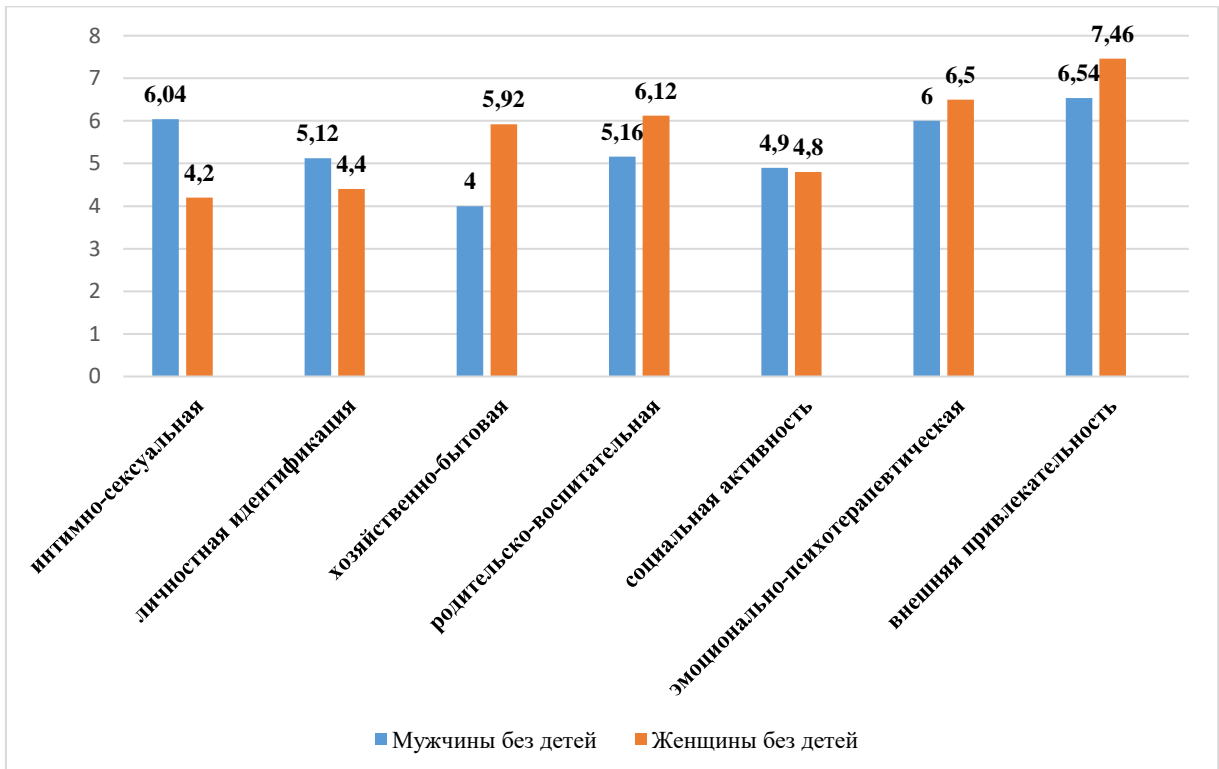

Рисунок 8. Ролевые притязания в браке супругов из семей без детей

Проведенный анализ структуры семейных ценностей в бездетных парах выявил определенную иерархию в системе их ролевых ориентаций. На уровне личных притязаний, то есть представлений индивида о собственных желаемых качествах, доминирующие позиции занимают такие аспекты, как внешняя привлекательность партнера, а также его способность выполнять эмоционально-психотерапевтическую функцию, обеспечивая психологический комфорт и поддержку.

Примечательно, что значимость родительско-воспитательной роли также демонстрирует высокие показатели, что может свидетельствовать о потенциальной ориентации на будущее родительство.

В то же время, менее выраженными в структуре притязаний оказываются ценности, связанные с социальной активностью (поддержание широких социальных контактов) и хозяйственно-бытовой организацией жизни семьи. Что касается ролевых ожиданий, то есть требований, предъявляемых к супругу, картина распределения ценностей у мужчин и женщин без детей имеет схожие черты, но с некоторыми нюансами. Здесь вновь лидируют эмоционально-психотерапевтическая функция и внешняя привлекательность.

Однако, в отличие от уровня притязаний, родительско-воспитательная и хозяйственно-бытовая шкалы получают наименьшие значения, что подчеркивает расхождение между личными устремлениями индивида и его требованиями к партнеру в контексте ведения домашнего хозяйства и реализации репродуктивных планов.

Нами был проведен анализ статистически значимых различий в ролевых ожиданиях и ролевых притязаний супругов без детей. Результаты представлены в Таблице 8.

Результаты анализа статистически значимых различий по результатам методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой у супругов без детей

Шкалы	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины без детей в браке	Женщины без детей в браке		
1 - интимно-сексуальная	3,68	3,00	995,000	0,040*
2 - личностная идентификация	6,12	6,68	1022,500	0,107
3 - хозяйственно-бытовая	3,76	5,03	564,000	0,001*
4 - родительско-воспитательная	4,92	5,94	500,500	0,001*
5 - социальная активность	4,45	4,40	1215,000	0,796
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,88	7,09	1131,500	0,411
7 - внешняя привлекательность	6,60	6,83	1157,000	0,518
3 - хозяйственно-бытовая – ОЖ	3,50	4,14	1069,500	0,181
4 - родительско-воспитательная – ОЖ	4,68	5,76	546,500	0,001*
5 - социальная активность – ОЖ	4,10	3,98	1235,500	0,914
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ОЖ	7,46	7,68	1149,500	0,473
7 - внешняя привлекательность – ОЖ	6,62	6,48	1101,500	0,298
3 - хозяйственно-бытовая – ПР	4,02	5,92	494,500	0,001*
4 - родительско-воспитательная – ПР	5,16	6,12	723,000	0,001*
5 - социальная активность – ПР	4,86	4,86	1248,000	0,988
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ПР	6,20	6,52	1096,500	0,282
7 - внешняя привлекательность – ПР	6,52	7,14	1013,000	0,093

Условные обозначения: ОЖ – ролевые ожидания в браке; ПР – ролевые притязания в браке

Как показал анализ статистически значимых различий у женщин в браке без детей значительно выше ролевые ожидания и ролевые притязания в таких сферах семейной жизни как «хозяйственно-бытовая» и «родительско-воспитательная», в то время как мужчины без детей большее значение придают интимно-сексуальной функции семьи.

Нами был проведен корреляционный анализ взаимосвязей между показателями удовлетворенности браком и показателями ролевых ожиданий и притязаний у супругов, не имеющих детей.

В выборке мужей выявились 2 значимые корреляционные связи между показателем «удовлетворенность браком» и «хозяйственно-бытовой сферой семьи» ($r=0,343$; при $p<0,05$) и показателем «эмоционально-психотерапевтическая» ($r=0,294$ при $p<0,05$).

В выборке жен значимые корреляционные связи отсутствуют. Полученные данные свидетельствуют о том, что супруги, не имеющие детей, ожидают, что их партнеры возьмут на себя роль эмоционального лидера в семье, занимаясь коррекцией психологического климата, оказывая моральную и эмоциональную поддержку и создавая «психотерапевтическую атмосферу».

Это соответствует некоторым признакам инфантильности в супружеских отношениях и может объяснить отсутствие детей. Данная позиция также согласуется с концепцией «чайлд фри», при которой супруги не готовы и не желают брать на себя ответственность за ребенка, так как сами не ощущают себя взрослыми и ожидают инициативы от своего партнера. Особенности ценностей супругов в браке представлена в Таблице 9.

Таблица 9

Показатели базовых ценностей по методике Шварца у супругов без детей

Ценности	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины без детей в браке	Женщины без детей в браке		
Убежденность-Конформность	3,88	3,86	1214,000	0,804
Убежденность-Традиции	3,17	3,34	1098,000	0,294
Убежденность-Доброта	3,99	4,03	1222,500	0,849
Убежденность-Универсализм	3,90	3,99	1166,000	0,560
Убежденность-Самостоятельность	4,59	4,42	1112,000	0,341
Убежденность-Стимуляция	3,55	3,39	1005,000	0,090
Убежденность-Гедонизм	3,99	4,06	1133,500	0,420
Убежденность-Достижения	4,45	4,28	1125,500	0,390
Убежденность-Власть	3,38	3,19	1053,000	0,173
Убежденность-Безопасность	4,80	4,78	1193,500	0,696
Поведение-Конформность	1,71	1,64	1108,500	0,319
Поведение-Традиции	1,53	1,48	1186,500	0,658
Поведение-Доброта	1,54	1,57	1229,000	0,883
Поведение-Универсализм	1,37	1,39	1230,000	0,889
Поведение-Самостоятельность	1,99	1,75	906,000	0,016*
Поведение-Стимуляция	0,83	0,73	1180,000	0,625
Поведение-Гедонизм	0,54	0,49	1205,500	0,756
Поведение-Достижения	1,81	1,74	1195,500	0,705
Поведение-Власть	0,72	0,40	972,500	0,054
Поведение-Безопасность	2,88	2,85	1212,000	0,789

Проведенный анализ ценностных ориентаций мужчин и женщин, не имеющих детей, позволил выявить как общие тенденции, так и некоторые различия

на двух уровнях: нормативных идеалов (декларируемые принципы) и индивидуальных приоритетов (регуляторы поведения).

На уровне нормативных идеалов наблюдается значительное сходство в структуре высших ценностей. И для мужчин, и для женщин данной категории наиболее значимыми являются ценности безопасности (стабильность общества и взаимоотношений), самостоятельности (свобода мысли и выбора действий) и достижений (личный успех, измеряемый в соответствии с преобладающими социальными стандартами). Однако на последующих позициях в ранжированном списке проявляются специфические акценты: у мужчин далее следуют доброта и гедонизм, тогда как у женщин – гедонизм и доброта. Универсализм, конформность и стимуляция занимают сходные ранговые места в обеих группах. Наименее значимыми для респондентов выступают ценности власти и традиций, причем у мужчин в несколько большей степени, чем у женщин, выражено отвержение власти, в то время как женщины демонстрируют относительно более высокую приверженность традициям.

На уровне индивидуальных приоритетов также фиксируется доминирование триады «безопасность – самостоятельность – достижения». Вместе с тем здесь обнаруживаются более заметные расхождения между декларируемыми идеалами и поведенческими установками. В частности, ценность самостоятельности оказывается субъективно более значимой для мужчин, нежели для женщин. Последующие позиции в иерархии индивидуальных приоритетов занимают такие ценности, как конформность, доброта, традиции, универсализм и стимуляция. При этом ценность власти, будучи минимально значимой на нормативном уровне, на уровне индивидуальных приоритетов выражена сильнее у мужчин, что, вероятно, отражает их социально обусловленную ориентацию на статус и контроль. Ценность гедонизма занимает предпоследнее место в списке у женщин, что указывает на ее низкую актуальность в реальной практике.

Обобщая структуру ценностей, можно констатировать, что респонденты в целом ориентированы на открытость изменениям, самотрансценденцию (выход

за пределы узкоэгоистических интересов) и самовозвышение (стремление к личным достижениям), в то время как консерватизм как ценность выражен в меньшей степени.

Выявленное несовпадение некоторых ценностей на двух исследуемых уровнях является закономерным. Личностные ценности, будучи по своей природе нормативными образованиями, не всегда напрямую транслируются в поведение индивида. На их реализацию оказывает существенное влияние комплекс внешних факторов, включая групповое давление, необходимость соблюдения установленных социальных норм и конкретные контекстуальные обстоятельства. Таким образом, расхождение между идеалами и практическими приоритетами служит индикатором воздействия социальной среды на индивидуальное ценностно-мотивационное поле. Особенности структуры идентичности супругов без детей представлены в Таблице 10.

Таблица 10

Структура идентичности у супругов без детей

Статус идентичности	Средние значения		U _{мп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины без детей в браке	Женщины без детей в браке		
1	2	3	4	5
Автономный	17,78	17,88	1238,500	0,937
Диффузный	15,12	16,56	1000,500	0,084
Предрешенный	17,10	15,56	1041,000	0,148
Автономный ТС	4,28	4,82	982,500	0,061
Диффузный ТС	4,24	4,42	1229,500	0,885
Предрешенный ТС	3,48	2,76	884,500	0,010*
Автономный СЭ	3,60	3,70	1239,000	0,938
Диффузный СЭ	3,02	3,38	1083,000	0,240
Предрешенный СЭ	3,38	2,92	1039,000	0,138
Автономный ОЖ	2,60	2,10	967,500	0,045*
Диффузный ОЖ	1,88	2,36	1020,000	0,103
Предрешенный ОЖ	2,52	2,54	1231,000	0,894
Автономный ЭЗ	2,94	3,16	1151,000	0,473
Диффузный ЭЗ	2,48	2,76	1089,500	0,257
Предрешенный ЭЗ	2,58	2,08	983,500	0,059
Автономный ПН	1,44	1,54	1189,000	0,653
Диффузный ПН	1,26	1,38	1142,000	0,431
Предрешенный ПН	1,30	1,08	1016,000	0,085
Автономный ОЦ	1,66	1,84	1120,500	0,353

Продолжение Таблицы 10

1	2	3	4	5
Диффузный ОЦ	1,22	1,36	1176,000	0,584
Предрешенный ОЦ	2,12	1,80	1011,500	0,085
Автономный СС	2,74	2,40	1028,500	0,116
Диффузный СС	1,84	1,94	1190,500	0,671
Предрешенный СС	2,42	2,66	1037,500	0,131

Условные обозначения: ТС – «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития»; СЭ – «Самодостаточность» или «сила эго»; ОЖ – «Осознанность жизненного пути»; ЭЗ – «Эмоциональная зрелость»; ПН – «Принятие настоящего»; ОЦ – «Осознанность собственных ценностей»; СС – «Соответствие себе»

Можно отметить, что шкала «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития (ТС)» в автономном и диффузном статусах эго-идентичности менее выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами без детей. Можно предположить, что до появления детей женщины более внимательно и осознанно относятся к принятию решения о рождении ребенка и испытывают больше колебаний и переживаний относительно будущей ответственности за ребенка, чем мужчины.

Шкала «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности также менее выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами без детей. Однако, в предрешенном статусе эго-идентичности шкала «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) более выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами без детей. Можно предположить, что до появления детей женщины больше верят в себя и свои собственные ресурсы, находясь в достигнутом или автономном статусе эго-идентичности, чем мужчины. Однако, мужчины до появления детей абсолютизируют ценность своей независимости и уникальности в предрешенном статусе эго-идентичности, в отличие от женщин.

Шкала «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в диффузном и предрешенном статусах эго-идентичности менее выражена у мужчин по сравнению с женщинами. Предположительно женщины без детей более глубоко размышляют о

своей личности, непрерывности развития, ответственности за выбор своего жизненного пути, своих способностях и возможностях осознанного влияния на свою жизнь по сравнению с мужчинами без детей.

Шкала «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности также менее выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами без детей. Однако шкала «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) в предрешенном статусе эго-идентичности более выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами без детей. Таким образом, для женщин без детей более характерно осознание и принятие различных, даже очень сильных эмоциональных переживаний, чем для мужчин без детей.

Шкала «Принятие настоящего» (ПН) в автономном и диффузном статусах эго-идентичности также менее выражена у мужчин без детей.

Наиболее статистически значимые различия между мужчинами без детей и женщинами без детей можно отметить по следующим параметрам идентичности:

– шкала «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития (ТС)» в предрешенном более выражена у мужчин без детей по сравнению с женщинами;

– шкала «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в автономном статусе эго-идентичности более значима для мужчин без детей по сравнению с женщинами. Мужчины без детей в большей степени признают ответственность за принятие решений и осознанность своего жизненного пути по сравнению с женщинами без детей.

Проанализировав особенности эго-идентичности мужчин и женщин, находящихся в браке без детей, мы можем отметить, что общий показатель автономного статуса эго-идентичности у мужчин и женщин без детей практически не различается. Диффузный статус эго-идентичности более выражен у женщин по сравнению с мужчинами, однако предрешенный статус эго-идентичности более выражен у мужчин.

3.3. Сравнительный анализ личностной идентичности субъектов в семьях разного статуса

Залогом доброжелательных отношений и комфортной обстановки в супружеской паре является принятие мужем и женой определенных ролей, четкое представление о данной ролях, основанное на наличии доступного образца, а также субъективное принятие собственной роли и удовлетворенность от ее реализации, возникающая в результате осознания значимости данной роли для благополучия всей семейной системы Центральным показателем данного благополучия является удовлетворенность супругов браком (эмоционально-оценочное отношение к супружеству), которая отражает то, насколько потребности человека реализуются внутри супружеской пары. Нами был проведен анализ степени удовлетворенности браком у мужчин и женщин с детьми и без детей. Результаты представлены в Таблицах 11, 12.

Таблица 11

Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком мужчинами с детьми и без детей

Степень удовлетворенности браком	Мужчины с детьми в браке		Мужчины без детей в браке	
	п	%	п	%
абсолютная удовлетворенность браком	10	20	7	14
просто благополучные	19	38	15	30
скорее благополучные	10	20	9	18
переходные	3	6	4	8
скорее неблагоприятные отношения	5	10	7	14
неблагополучные	1	2	5	10
абсолютно неблагоприятные	2	4	3	6

Как видно из Таблицы 11 только 16% мужчин из семей с детьми оценивают свои отношения в браке как неблагоприятные, в то время как среди мужчин в браке без детей этот показатель составляет 30%. Таким образом мы можем сделать вывод о том, что мужчины в семьях без детей гораздо менее удовлетворены отношениями в браке.

**Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком
женщинами с детьми и без детей**

Степень удовлетворенности браком	Женщины с детьми в браке		Женщины без детей в браке	
	п	%	п	%
абсолютная удовлетворенность браком	13	26	7	14
просто благополучные	14	28	15	30
скорее благополучные	12	24	12	24
переходные	3	6	3	6
скорее неблагоприятные отношения	4	8	5	10
неблагополучные	4	8	6	12
абсолютно неблагоприятные	0	0	2	4

Как видно из таблицы 12 только 16% женщин из семей с детьми оценивают свои отношения в браке как неблагоприятные, в то время как среди женщин в браке без детей этот показатель составляет 24%. Таким образом мы можем сделать вывод о том, что женщины в семьях без детей гораздо менее удовлетворены отношениями в браке. Результаты эмпирического исследования удовлетворенности браком в супружеских парах с детьми и без детей представлен на Рисунке 9.

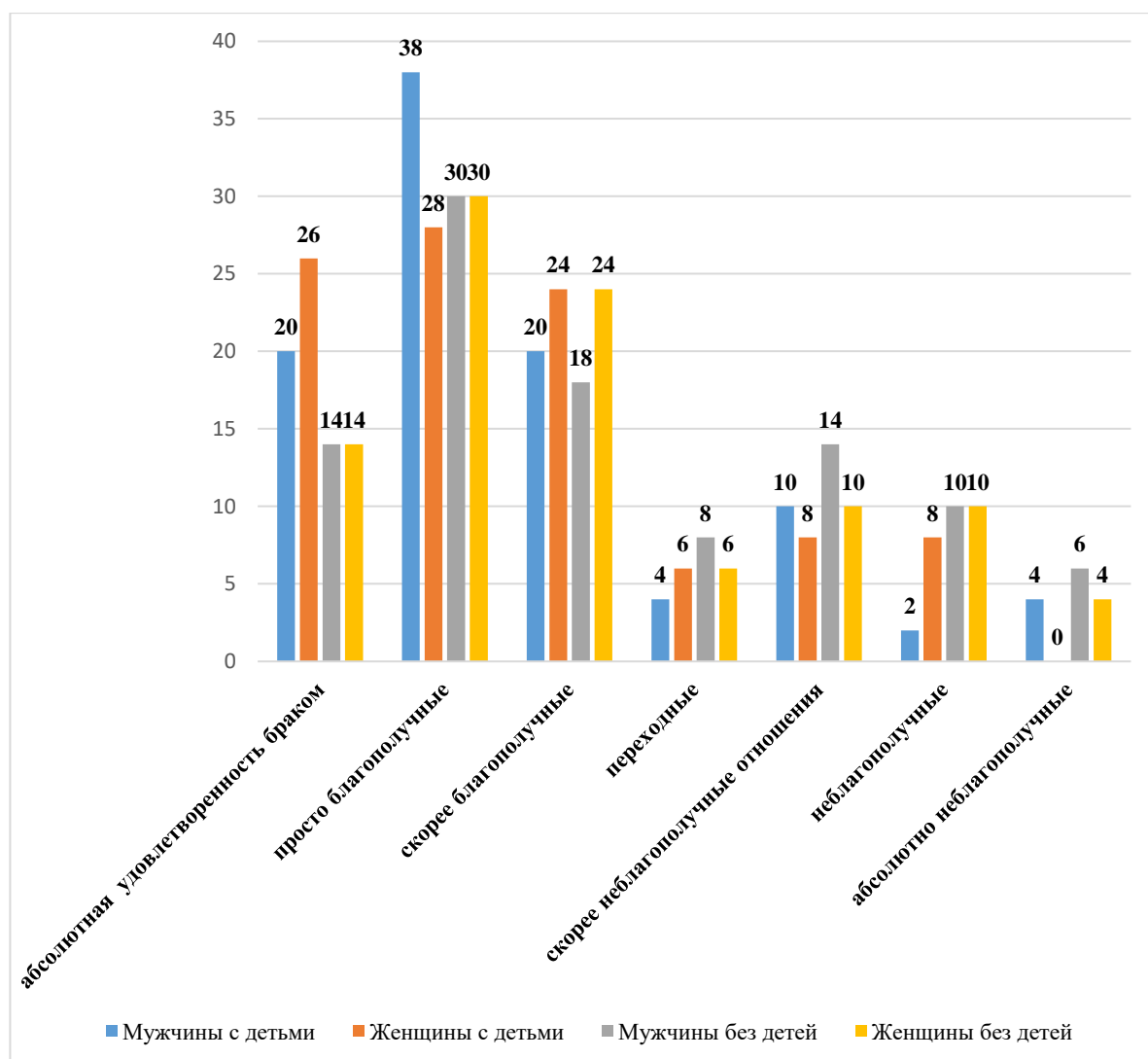

Рисунок 9. Оценка степени удовлетворенности браком супругами с детьми и супругами без детей

Можно отметить, что у супругов с детьми очень высокий уровень удовлетворенности браком (84%), в то время как у супругов без детей степень удовлетворенности браком ниже (72%).

В Таблицах 13-15 представлен анализ статистической достоверности различий средних значений по опроснику удовлетворенности браком у супругов из семей с детьми по критерию U Манна-Уитни. Если значимых различий по степени удовлетворенности браком отдельно по выборкам мужчин и женщин из семей с детьми и семей без детей не выявлено, то при анализе удовлетворенности браком семейных пар выявились различия между семьями с детьми и семьями без

детей. У семей с детьми удовлетворенность браком выше на статистически значимом уровне.

Таблица 13

Средние значения по опроснику удовлетворенности браком мужчинами с детьми и без детей

	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Мужчины без детей в браке		
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,26	30,42	998,500	0,082
Удовлетворенность браком-Шкала	5,32	4,68	996,500	0,072

Таблица 14

Средние значения по опроснику удовлетворенности браком женщинами с детьми и без детей

	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Женщины с детьми в браке	Женщины без детей в браке		
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,64	31,20	1038,000	0,143
Удовлетворенность браком-Шкала	5,40	4,80	988,500	0,064

Таблица 15

Средние значения по опроснику удовлетворенности браком супругами с детьми и супругами без детей

	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Пары с детьми в браке	Пары без детей в браке		
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,45	30,81	4064,500	0,022*
Удовлетворенность браком-Шкала	5,36	4,74	3970,500	0,010*

Нами был проведен анализ ролевых ожиданий и притязаний в браке супругов с детьми и без детей, полученные данные представлены в Таблице 16.

Результаты анализа статистически значимых различий по методике «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой у мужчин

Шкалы	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Мужчины без детей в браке		
1 - интимно-сексуальная	5,04	3,68	717,500	0,001*
2 - личностная идентификация	6,12	6,12	1227,500	0,873
3 - хозяйственно-бытовая	4,67	3,76	692,500	0,001*
4 - родительско-воспитательная	5,51	4,92	902,000	0,015*
5 - социальная активность	5,26	4,45	903,000	0,015*
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,91	6,88	1236,500	0,925
7 - внешняя привлекательность	6,85	6,60	1083,500	0,248
3 - хозяйственно-бытовая – ОЖ	5,56	3,50	483,000	0,001*
4 - родительско-воспитательная – ОЖ	4,96	4,68	1092,500	0,250
5 - социальная активность – ОЖ	5,74	4,10	598,000	0,001*
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ОЖ	7,26	7,46	1170,500	0,572
7 - внешняя привлекательность – ОЖ	7,16	6,62	1038,000	0,137
3 - хозяйственно-бытовая – ПР	3,78	4,02	1128,000	0,390
4 - родительско-воспитательная – ПР	6,02	5,16	824,500	0,002*
5 - социальная активность – ПР	4,78	4,86	1233,500	0,902
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ПР	6,68	6,20	1126,000	0,381
7 - внешняя привлекательность – ПР	6,54	6,52	1153,500	0,492

Условные обозначения: ОЖ – ролевые ожидания в браке; ПР – ролевые притязания в браке

Исследование показало, что как для мужчин, не имеющих детей, так и для тех, у кого есть дети, моральная и эмоциональная поддержка в супружеской жизни имеют высокий приоритет и их ориентация на брачный союз предполагает, что семья является своего рода психологическим убежищем. Наименьшее внимание у респондентов этой группы уделяется бытовым аспектам семейной жизни.

Сравнительный анализ семейных ценностей на уровне ролевых притязаний у мужчин без детей и мужчин с детьми также выявил различия в значениях показателей шкал семейных ценностей. Отметим, что у мужчин без детей и мужчин с детьми на уровне ролевых притязаний преобладают более высокие показате-

тели по шкалам семейных ценностей «внешняя привлекательность» и «эмоционально-психотерапевтическая» и лишь потом отмечаются такие семейные ценности как «родительско-воспитательная», «социальная активность» и «хозяйственно-бытовая».

Сравнительный анализ семейных ценностей на уровне ролевых ожиданий у мужчин без детей и мужчин с детьми также указывает на различия в значениях показателей шкал семейных ценностей: более высокие значения по шкалам семейных ценностей «эмоционально-психотерапевтическая» и «внешняя привлекательность».

Далее по степени важности следуют семейные ценности – «родительско-воспитательная» у мужчин без детей и «социальная активность» у мужчин с детьми. В качестве менее значимых отмечаются такие семейные ценности как «социальная активность» у мужчин без детей и «хозяйственно-бытовая» у мужчин с детьми.

Завершают список ранжированных семейных ценностей «хозяйственно-бытовая» ценность у мужчин без детей и «родительско-воспитательная» у мужчин с детьми.

Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у супругов из семей с детьми по критерию U Манна-Уитни, что у мужчин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у мужчин без детей по таким показателям как:

- родительско-воспитательная функция;
- социальная активность;
- хозяйственно-бытовая функция;
- интимно-сексуальная.

Статистически значимые различия по результатам методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой у женщин с детьми и женщин без детей представлен в Таблице 17.

Результаты анализа статистически значимых различий по результатам методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой у женщин с детьми и женщин без детей

Шкалы	Средние значения		U _{мп.} Манна-Уитни	p
	Женщины с детьми	Женщины без детей		
1 - интимно-сексуальная	4,02	3,00	805,000	0,001*
2 - личностная идентификация	5,52	6,68	827,000	0,003*
3 - хозяйственно-бытовая	5,78	5,03	790,000	0,001*
4 - родительско-воспитательная	6,04	5,94	1095,000	0,257
5 - социальная активность	5,09	4,40	917,000	0,020*
6 - эмоционально-психотерапевтическая	7,29	7,09	1171,000	0,584
7 - внешняя привлекательность	7,34	6,83	982,000	0,062
3 - хозяйственно-бытовая – ОЖ	5,74	4,14	748,000	0,001*
4 - родительско-воспитательная – ОЖ	6,20	5,76	950,500	0,025*
5 - социальная активность – ОЖ	5,64	3,98	555,000	0,001*
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ОЖ	7,44	7,68	1215,000	0,800
7 - внешняя привлекательность – ОЖ	7,22	6,48	867,000	0,007*
3 - хозяйственно-бытовая – ПР	5,82	5,92	1236,000	0,921
4 - родительско-воспитательная – ПР	5,88	6,12	1204,500	0,702
5 - социальная активность – ПР	4,50	4,86	1175,000	0,566
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ПР	7,14	6,52	1120,500	0,363
7 - внешняя привлекательность – ПР	7,46	7,14	1082,500	0,225

Условные обозначения: ОЖ – ролевые ожидания в браке; ПР – ролевые притязания в браке

Анализ данных, приведенных в Таблице 17 показал, что для женщин, не имеющих детей, особенно ценна взаимная поддержка со стороны супруга и супруги в семейном контексте, рассматриваемая ими как психологическое убежище. У женщины без детей и женщин с детьми ролевые притязания выглядят следующим образом: наиболее высокие оценки отмечаются по таким шкалам семейных ценностей как «внешняя привлекательность», «эмоционально-психотерапевтическая» и «родительско-воспитательная». Далее в ранжированном списке ролевых притязаний отмечаются такие семейные ценности как «хозяйственно-бытовая» и «социальная активность». На уровне ролевых ожиданий можно отметить следующие особенности женщин в браке без детей и женщин с

детьми: наиболее высокие оценки отмечаются в области таких семейных ценностей как «эмоционально-психотерапевтическая», «внешняя привлекательность» и «родительско-воспитательная». Затем по степени значимости следуют такие семейные ценности как «хозяйственно-бытовая» и «социальная активность». У женщин, не имеющих детей отмечены более высокие значения по таким шкалам как «эмоционально-психотерапевтическая», «внешняя привлекательность» и «личностная идентификация», а также статистически значимые различия в «родительско-воспитательной» и «хозяйственно-бытовой» шкалах. Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у женщин с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у женщин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у женщин без детей по таким показателям как: внешняя привлекательность; родительско-воспитательная функция; социальная активность; хозяйственно-бытовая функция; личностная идентификация; интимно-сексуальная. Можно отметить, что несмотря на то, что ролевые ожидания и ролевые притязания у женщин с детьми в основном совпадают с ролевыми ожиданиями и ролевыми притязаниями мужчин из этой подгруппы, в то же время на первом месте у женщин с детьми отмечается «внешняя привлекательность» и присутствует такой показатель как «личностная идентификация», которые не являются значимыми в аналогичной мужской выборке. Анализ статистически значимых различий ролевых ожиданий и ролевых притязаний супружеских пар с детьми и без детей представлен в Таблице 18.

Таблица 18

Результаты анализа статистически значимых различий по результатам методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой у супругов с детьми и без детей

Шкалы	Средние значения		U _{мп.} Манна- Уитни	p
	Пары с детьми	Пары без де- тей		
1	2	3	4	5
1 - интимно-сексуальная	4,53	3,34	3044,500	0,001*
2 - личностная идентификация	5,82	6,40	4213,500	0,049*
3 - хозяйственно-бытовая	5,23	4,40	3179,000	0,001*

Продолжение Таблицы 18

1	2	3	4	5
4 - родительско-воспитательная	5,78	5,43	4002,000	0,013*
5 - социальная активность	5,17	4,43	3644,000	0,001*
6 - эмоционально-психотерапевтическая	7,10	6,99	4852,500	0,717
7 - внешняя привлекательность	7,10	6,72	4135,000	0,033*
3 - хозяйственно-бытовая – ОЖ	5,65	3,82	2478,500	0,001*
4 - родительско-воспитательная – ОЖ	5,58	5,22	4159,000	0,033*
5 - социальная активность – ОЖ	5,69	4,04	2303,000	0,001*
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ОЖ	7,35	7,57	4771,500	0,562
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	7,19	6,55	3798,500	0,003*
3 - хозяйственно-бытовая – ПР	4,80	4,97	4697,000	0,453
4 - родительско-воспитательная – ПР	5,95	5,64	4165,000	0,025*
5 - социальная активность – ПР	4,64	4,86	4816,500	0,623
6 - эмоционально-психотерапевтическая – ПР	6,91	6,36	4506,000	0,218
7 - внешняя привлекательность – ПР	7,00	6,83	4457,500	0,168

Условные обозначения: ОЖ – ролевые ожидания в браке; ПР – ролевые притязания в браке

Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у супругов с детьми и супругов без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что супругов с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у супругов без детей по таким показателям как: внешняя привлекательность; личностная идентификация; родительско-воспитательная функция; социальная активность; хозяйственно-бытовая функция; интимно-сексуальная. Таким образом, рассмотрев ролевые ожидания и ролевые притязания супругов с детьми и без детей, мы можем отметить существование различий как по структуре ролевых ожиданий и притязаний у мужчин и женщин в обеих выборках, так в целом по выборкам. В выборке супругов с детьми в качестве значимых на высоком уровне отмечаются такие параметры как «личностная идентификация» и «социальная активность», которые являются низкосignимыми в выборке супругов без детей. Женщины, не имеющие детей, находясь в браке придают большее значение внешней привлекательности, личностной идентификации, а также родительству как основной семейной ценности, кроме того, высоко оценивают быт, что кардинально отличает их от мужчин, состоящих в браке и не имеющих детей. Мы можем отметить, что согласованные

семейные ценности мужчин и женщин в браке являются ключевыми для формирования устойчивых семейных отношений. Особое внимание к общим ценностям, ролевым ожиданиям и притязаниям может способствовать гармонии и укреплению брачного союза, особенно в контексте влияния наличия детей на семейную динамику.

Особенности показателей базовых ценностей по методике Шварца у мужчин с детьми и без детей представлены в Таблице 19.

Таблица 19

**Показатели базовых ценностей по методике Шварца
у мужчин с детьми и без детей**

Ценности	Средние значения		U _{мп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми	Мужчины без детей		
Убежденность-Конформность	3,64	3,88	1026,500	0,123
Убежденность-Традиции	2,97	3,17	1065,000	0,202
Убежденность-Доброта	4,00	3,99	1214,000	0,803
Убежденность-Универсализм	3,79	3,90	1062,500	0,193
Убежденность-Самостоятельность	4,19	4,59	869,000	0,009*
Убежденность-Стимуляция	2,77	3,55	728,000	0,001*
Убежденность-Гедонизм	3,13	3,99	630,500	<0,001*
Убежденность-Достижения	4,35	4,45	1068,000	0,209
Убежденность-Власть	2,93	3,38	929,500	0,027*
Убежденность-Безопасность	4,77	4,80	1177,500	0,616
Поведение-Конформность	1,83	1,71	1046,500	0,155
Поведение-Традиции	1,40	1,53	1159,000	0,525
Поведение-Доброта	1,67	1,54	1098,500	0,289
Поведение-Универсализм	1,66	1,37	915,500	0,020*
Поведение-Самостоятельность	2,05	1,99	1192,000	0,686
Поведение-Стимуляция	0,99	0,83	1072,500	0,216
Поведение-Гедонизм	0,81	0,54	1055,000	0,174
Поведение-Достижения	2,03	1,81	892,000	0,013*
Поведение-Власть	0,79	0,72	1202,000	0,739
Поведение-Безопасность	2,89	2,88	1176,500	0,607

Анализ нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у мужчин с детьми и мужчин без детей показал, что на уровне нормативных идеалов наивысшей ценностью у мужчин без детей и мужчин с детьми является «безопасность», затем отмечается ценности «самостоятельности» и «достижения». Однако у мужчин с детьми в приоритете ценности «достижения» и «самостоятельности»,

затем в ранжированном списке ценностей располагается ценность «доброта», затем ценность «универсализм», «конформность», «гедонизм» и «традиции». Список ценностей завершают ценности «власть» и «стимуляция». У мужчин без детей отмечаются такие ценности как «доброта», «гедонизм», «универсализм», «конформность», «стимуляция», список ценностей завершают ценности «власть» и «традиции». Таким образом, мы можем отметить, что на уровне нормативных идеалов как мужчины без детей, так и мужчины с детьми в равной степени фокусируются на трех основных ценностях: «безопасность», «самостоятельность» и «достижения». У мужчин с детьми в большей степени выражена ценность «стимуляция», можно предположить, что мужчины с детьми стремятся к новизне и глубоким переживаниям, связанным воспитанием детей. На уровне индивидуальных приоритетов ценности «безопасность», «самостоятельность», «достижения» являются наиболее выраженными ценностями как у мужчин, не имеющих детей, так и мужчин с детьми. Следующими в ранжированном списке индивидуальных приоритетов следуют ценности «конформность» и «доброта». Ценность «стимуляция» выражена в большей степени у мужчин с детьми, чем у мужчин без детей, а ценность «власть» завершает ранжированный список ценностей у мужчин с детьми, в то время как у мужчин без детей список ценностей завершает ценность «гедонизм». Можно предположить, что на уровне индивидуальных приоритетов как мужчины, не имеющие детей, так и мужчины-отцы почти в одинаковой степени фокусируются на трех основных ценностях: безопасность, самостоятельность и достижения. Ценность «власть» выражена в наибольшей степени у мужчин, не имеющих детей, что подчеркивает их статусность и стремление к управлению жизнью до момента наличия в семье детей. В свою очередь мужчины без детей хотели бы получать больше удовольствия от жизни, чем мужчины-отцы. Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у мужчин с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у мужчин без

детей на уровне нормативных идеалов выше значения таких ценностей как «самостоятельность», «достижения», «гедонизм», «стимуляция» и «власть». В то время как у мужчин с детьми на уровне индивидуальных приоритетов преобладают ценности «достижения» и «универсализм». Анализ статистически значимых различий в базовых ценностях женщин с детьми и без детей представлен в Таблице 20.

Таблица 20

Показатели базовых ценностей по методике Шварца у женщин с детьми и без детей

Ценности	Средние значения		U _{мп.} Манна-Уитни	p
	Женщины с детьми в браке	Женщины без детей в браке		
Убежденность-Конформность	3,28	3,86	775,500	0,001*
Убежденность-Традиции	2,58	3,34	909,500	0,001*
Убежденность-Доброта	3,69	4,03	961,500	0,046*
Убежденность-Универсализм	3,71	3,99	1012,500	0,100
Убежденность-Самостоятельность	3,86	4,42	720,500	0,001*
Убежденность-Стимуляция	2,55	3,39	578,500	0,001*
Убежденность-Гедонизм	3,03	4,06	465,000	0,001*
Убежденность-Достижения	3,97	4,28	983,000	0,065
Убежденность-Власть	2,41	3,19	654,500	0,001*
Убежденность-Безопасность	4,46	4,78	993,000	0,076
Поведение-Конформность	1,80	1,64	895,000	0,013*
Поведение-Традиции	1,40	1,48	1219,000	0,829
Поведение-Доброта	1,80	1,57	1023,500	0,113
Поведение-Универсализм	1,73	1,39	872,500	0,009*
Поведение-Самостоятельность	1,96	1,75	961,000	0,043*
Поведение-Стимуляция	0,85	0,73	1090,000	0,263
Поведение-Гедонизм	0,66	0,49	1118,500	0,359
Поведение-Достижения	1,92	1,74	1052,500	0,171
Поведение-Власть	0,37	0,40	1239,500	0,942
Поведение-Безопасность	2,96	2,85	1043,500	0,146

Анализ нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у женщин с детьми и без детей показал, что на уровне нормативных идеалов высшей ценностью у женщин, не имеющих детей, и женщин с детьми является ценность «безопасность». Далее в ранжированном списке ценностей у женщин без детей следуют ценности «самостоятельность» и «достижения». В то время как свою очередь у женщин-матерей сначала выражена ценность «достижения», а затем

ценность «самостоятельность». Следующие по значимости ценности у женщин без детей – это такие ценности как «гедонизм», «добродота», «универсализм», «конформность», «стимуляция». У женщин с детьми, следующими по значимости в ранжированном списке, выступают такие ценности как «универсализм», «добродота», «конформность», «гедонизм» и «традиции». Список ценностей у женщин без детей завершают такие ценности как «традиции» и «власть». У женщин с детьми завершает список ценностей ценности «стимуляция» и «власть». Можно отметить, что на уровне нормативных идеалов как женщины, не имеющих детей, так и женщины с детьми в одинаковой степени фокусируются на трех основных ценностях: безопасность, самостоятельность и достижения. Ценность «власть» выражена в большей степени у женщин, не имеющих детей, чем у женщин с детьми. Также у женщин, не имеющих детей, в большей степени выражена ценность стимуляция, т.е. женщины без детей, стремятся к новизне и глубоко переживают за будущее. На уровне индивидуальных приоритетов наивысшими ценностями у женщин, не имеющих детей и женщин с детьми являются ценности «безопасность», «самостоятельность», «достижения» являются. Можно отметить, что ценность «стимуляция» выражена в большей степени у женщин с детьми, чем у женщин, не имеющих детей. Ценность «власть» занимает последнее место в списке ценностей как у женщин, не имеющих детей, так и у женщин-матерей. На уровне индивидуальных приоритетов как женщины, не имеющие детей, так и женщины с детьми почти в одинаковой степени фокусируются на трех основных ценностях: «безопасность», «самостоятельность» и «достижения». Ценность власть выражена в наибольшей степени у женщин, не имеющих детей, что подчеркивает их статусность и стремление к управлению жизнью до момента наличия в семье детей. В свою очередь женщины без детей хотели бы получать больше удовольствия от жизни, чем женщины с детьми. Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у женщин с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у женщин без детей на уровне нормативных идеалов выше значения

таких ценностей как «самостоятельность», «доброта», «конформность», «стимуляция», «традиции» и «власть». В то время как у женщин с детьми на уровне индивидуальных приоритетов преобладают ценности «самостоятельность» и «универсализм». Анализ статистически значимых различий в базовых ценностях супругов с детьми и без детей представлен в Таблице 21.

Таблица 21

Показатели базовых ценностей по методике Шварца у супругов с детьми и без детей

Ценности	Средние значения		U _{мп.} Манна-Уитни	p
	Пары с детьми	Пары без детей		
Убежденность-Конформность	3,46	3,87	3632,500	0,001*
Убежденность-Традиции	2,77	3,26	3530,500	0,001*
Убежденность-Доброта	3,84	4,01	4399,500	0,141
Убежденность-Универсализм	3,75	3,94	4182,500	0,045*
Убежденность-Самостоятельность	4,03	4,51	3191,000	0,001*
Убежденность-Стимуляция	2,66	3,47	2658,000	0,001*
Убежденность-Гедонизм	3,08	4,03	2193,000	0,001*
Убежденность-Достижения	4,16	4,37	4112,000	0,030*
Убежденность-Власть	2,67	3,28	3219,000	0,001*
Убежденность-Безопасность	4,62	4,79	4354,000	0,114
Поведение-Конформность	1,81	1,67	3897,500	0,006*
Поведение-Традиции	1,40	1,50	4731,500	0,507
Поведение-Доброта	1,73	1,55	4251,500	0,063
Поведение-Универсализм	1,70	1,38	3567,500	0,001*
Поведение-Самостоятельность	2,00	1,87	4342,500	0,105
Поведение-Стимуляция	0,92	0,78	4340,000	0,103
Поведение-Гедонизм	0,74	0,52	4358,000	0,113
Поведение-Достижения	1,98	1,77	3911,500	0,007*
Поведение-Власть	0,58	0,56	4902,500	0,810
Поведение-Безопасность	2,92	2,86	4457,000	0,177

Анализ базовых ценностей супругов с детьми и без детей показал, что на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов супруги без детей фокусируются на трех ключевых ценностных ориентациях: безопасность, самостоятельность и достижения. Респонденты открыты к изменениям, у них присутствует самовозвышение и самотрансцендентность. В меньшей степени респонденты склонны к консерватизму. Некоторые ценности на двух уровнях (нормативном и индивидуальном) не совпадают, поскольку ценности личности на нормативном уровне не всегда могут реализоваться в поведении человека

из-за группового давления, соблюдения общественных норм и правил и другим причинам. На уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов ценность власть выражена в наибольшей степени у мужчин, чем у женщин, что подчеркивает их статусность и стремление к управлению жизнью. На уровне нормативных идеалов женщины обращают свое внимание на сохранение традиций, поэтому эта ценность выражена у них в наибольшей степени, чем у мужчин. На уровне индивидуальных приоритетов женщины хотели бы получать больше удовольствия от жизни, чем мужчины. На уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов мужчины с детьми и женщины с детьми фокусируются на трех ключевых ценностных ориентациях: безопасность, самостоятельность и достижения. На уровне нормативных идеалов ценность власть выражена в наибольшей степени у мужчин с детьми, чем у женщин с детьми, что подчеркивает их статусность и стремление к управлению жизнью. В свою очередь у женщин в большей степени выражена ценность стимуляция, т.е. женщины, будучи с детьми, стремятся к новизне и глубоким переживаниям. На уровне индивидуальных приоритетов женщины хотели бы получать больше удовольствия от жизни, чем мужчины. На уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов как мужчины, не имеющие детей, так и мужчины с детьми фокусируются на трех ключевых ценностных ориентациях: безопасность, самостоятельность и достижения. На уровне нормативных идеалов ценность власть выражена почти в одинаковой степени у мужчин, не имеющих детей, и мужчин-отцов. Однако, на уровне индивидуальных приоритетов ценность власть выражена в наибольшей степени у мужчин «без детей», чем у мужчин-отцов, что подчеркивает их статусность и стремление к управлению жизнью до момента наличия в семье детей. На уровне нормативных идеалов у мужчин-отцов в большей степени выражена ценность стимуляция, т.е. мужчины-отцы, будучи с детьми, стремятся к новизне и глубоким переживаниям. На уровне индивидуальных приоритетов мужчины «без детей» хотели бы получать больше удовольствия от жизни, чем мужчины-отцы. На уровне нормативных

идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов женщины, не имеющие детей, и женщины-матери фокусируются на трех ключевых ценностных ориентациях: безопасность, самостоятельность и достижения. На обоих уровнях ценность власть выражена в большей степени у женщин без детей, чем у женщин с детьми.

Сравнительный анализ ценностных профилей женщин в зависимости от наличия материнского опыта выявляет разнонаправленные тенденции на разных уровнях регуляции поведения. С одной стороны, у женщин-матерей в сфере нормативных идеалов доминирует ценность стимуляции, что отражает их стремление к поиску новизны и стремление к глубоким, интенсивным переживаниям в процессе воспитания детей. С другой стороны, в области индивидуальных приоритетов женщины без детей демонстрируют более высокую значимость гедонистических ценностей, выражая тем самым более осознанную и выраженную установку на получение удовольствия от различных аспектов жизни по сравнению с женщинами, имеющими детей. Это противоречие подчеркивает комплексный характер влияния родительского статуса на ценностно-мотивационную сферу личности.

Можно сделать вывод, что женщины, не имеющие детей, находясь в браке придают большее значение внешней привлекательности, личностной идентификации, а также родительству как основной семейной ценности, кроме того, высоко оценивают быт, что кардинально отличает их от мужчин, состоящих в браке и не имеющих детей. Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у супругов с детьми и без детей по критерию U-Манна-Уитни показал, что у супругов без детей на уровне нормативных идеалов выше значения таких ценностей как «универсализм», «самостоятельность», «доброта», «конформность», «стимуляция», «гедонизм», «традиции» и «власть». В то время как у супругов с детьми значимо выше значения на уровне индивидуальных приоритетов таких ценностей как «достижения», «конформность» и «универсализм».

Нами были исследованы особенности эго-идентичности у мужчин с детьми и без детей, включая такие категории статуса эго-идентичности как автономный, диффузный и предрешенный. Полученные данные представлены в Таблице 22.

Таблица 22

Структура идентичности у мужчин с детьми и без детей

Статус идентичности	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Мужчины с детьми в браке	Мужчины без детей в браке		
Автономный	18,80	17,78	1223,500	0,855
Диффузный	14,24	15,12	1110,000	0,333
Предрешенный	16,96	17,10	1220,000	0,836
Автономный ТС	4,82	4,28	1211,500	0,787
Диффузный ТС	3,56	4,24	973,000	0,053
Предрешенный ТС	3,62	3,48	1228,500	0,880
Автономный СЭ	3,98	3,60	1146,500	0,467
Диффузный СЭ	2,94	3,02	1165,000	0,550
Предрешенный СЭ	3,08	3,38	1104,000	0,304
Автономный ОЖ	2,44	2,60	1161,500	0,531
Диффузный ОЖ	1,70	1,88	1137,000	0,420
Предрешенный ОЖ	2,86	2,52	1034,500	0,125
Автономный ЭЗ	3,44	2,94	997,500	0,073
Диффузный ЭЗ	2,30	2,48	1167,500	0,560
Предрешенный ЭЗ	2,26	2,58	1061,500	0,181
Автономный ПН	1,58	1,44	1193,000	0,681
Диффузный ПН	0,88	1,26	951,500	0,029*
Предрешенный ПН	1,54	1,30	1109,500	0,309
Автономный ОЦ	1,70	1,66	1245,000	0,971
Диффузный ОЦ	1,72	1,22	953,500	0,033*
Предрешенный ОЦ	1,58	2,12	884,000	0,009*
Автономный СС	2,54	2,74	1146,000	0,463
Диффузный СС	1,80	1,84	1219,500	0,829
Предрешенный СС	2,66	2,42	1087,500	0,252

Условные обозначения: ТС – «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития»; СЭ – «Самодостаточность» или «сила эго»; ОЖ – «Осознанность жизненного пути»; ЭЗ – «Эмоциональная зрелость»; ПН – «Принятие настоящего»; ОЦ – «Осознанность собственных ценностей»; СС – «Соответствие себе»

Анализ особенности эго-идентичности у мужчин без детей и мужчин с детьми показал, что на уровне общих показателей статусов эго-идентичности можно отметить уменьшенный уровень автономного статуса эго-идентичности как у мужчин без детей, так и у мужчин с детьми.

В обеих подгруппах мужчин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности. Однако предрешенный статус эго-идентичности выше у мужчин без детей, чем у мужчин с детьми. Можно также отметить, что шкала «Принятие настоящего» (ПН) в автономном, диффузном и предрешенном статусах эго-идентичности имеет сходные показатели в обеих группах мужчин – пониженный уровень в автономном статусе, средний уровень в диффузном статусе и средний уровень в предрешенном статусе.

По шкале «Соответствие себе» (СС) в автономном, диффузном и предрешенном статусах эго-идентичности также отмечаются сходные показатели: пониженный уровень в автономном статусе, средний уровень в диффузном статусе и повышенный уровень в предрешенном статусе.

Шкалы структуры эго-идентичности «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ), «Осознанность жизненного пути» (ОЖ), «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) и «Осознанность собственных ценностей» (ОЦ) в предрешенном статусе эго-идентичности характеризуются повышенным уровнем у мужчин без детей и средним уровнем у мужчин с детьми.

Нами был проведен анализ особенностей эго-идентичности у женщин без детей и женщин с детьми с использованием методики Е.Л. Солдатовой. Полученные результаты представлены в Таблице 23.

Таблица 23

Структура идентичности у женщин с детьми и без детей

Статус идентичности	Средние значения		U _{эмп.} Манна-Уитни	p
	Женщины с детьми в браке	Женщины без детей в браке		
1	2	3	4	5
Автономный	20,74	17,88	1034,500	0,136
Диффузный	15,70	16,56	1139,500	0,444
Предрешенный	13,56	15,56	891,500	0,013*
Автономный ТС	5,72	4,82	1040,500	0,144
Диффузный ТС	3,72	4,42	999,500	0,080
Предрешенный ТС	2,56	2,76	1130,000	0,396
Автономный СЭ	4,04	3,70	1099,000	0,286
Диффузный СЭ	3,10	3,38	1097,000	0,280
Предрешенный СЭ	2,86	2,92	1244,500	0,969
Автономный ОЖ	2,44	2,10	1080,000	0,225
Диффузный ОЖ	2,54	2,36	1167,500	0,560

Продолжение Таблицы 23

1	2	3	4	5
Предрешенный ОЖ	2,02	2,54	997,000	0,072
Автономный ЭЗ	3,58	3,16	1038,000	0,127
Диффузный ЭЗ	2,74	2,76	1233,000	0,904
Предрешенный ЭЗ	1,68	2,08	1027,500	0,111
Автономный ПН	1,76	1,54	1138,500	0,419
Диффузный ПН	1,44	1,38	1200,500	0,719
Предрешенный ПН	0,80	1,08	1051,500	0,143
Автономный ОЦ	2,26	1,84	1006,500	0,082
Диффузный ОЦ	0,88	1,36	916,000	0,015*
Предрешенный ОЦ	1,86	1,80	1206,500	0,755
Автономный СС	2,70	2,40	1131,000	0,398
Диффузный СС	2,18	1,94	1150,000	0,479
Предрешенный СС	2,12	2,66	903,000	0,014*

Условные обозначения: ТС – «Ответственность за выбор» или «творческая сила развития»; СЭ – «Самодостаточность» или «сила эго»; ОЖ – «Осознанность жизненного пути»; ЭЗ – «Эмоциональная зрелость»; ПН – «Принятие настоящего»; ОЦ – «Осознанность собственных ценностей»; СС – «Соответствие себе»

Анализ особенности эго-идентичности у женщин без детей и женщин с детьми показал, что общие показатели статусов эго-идентичности находятся на низком уровне автономного статуса как у женщин без детей, так и у женщин с детьми. В обеих группах женщин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности, однако предрешенный статус эго-идентичности находится на более высоком уровне у женщин без детей, чем у женщин с детьми.

Необходимо отметить, что в обеих группах женщин все шкалы в автономном статусе эго-идентичности выражены на низком уровне. Шкалы теста структуры эго-идентичности «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) и «Соответствие себе» (СС) имеют одинаковую выраженность как у женщин без детей, так и у женщин с детьми. В диффузном статусе эго-идентичности «Самодостаточность» или «сила эго» (СЭ) выражена на среднем уровне, а в предрешенном статусе эго-идентичности «Соответствие себе» (СС) соответствует высокому уровню. Значения шкалы теста структуры эго-идентичности «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) в диффузном и предрешенном статусах эго-идентичности соответствует повышенному уровню как у женщин без детей, так у женщин с

детьми. Значение шкалы «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) в диффузном и пред-решенном статусах эго-идентичности находится на среднем уровне как у женщин без детей, так и у женщин с детьми.

Результаты статистического анализа ролевых ожиданий и притязаний в браке, ценностных ориентаций супругов, уровня удовлетворенности браком и структуры идентичности супругов с разным семейным статусом позволили нам предположить, что идентичность супружеских пар с детьми и без детей будет отличаться по ряду критериев. В процессе исследования личностной идентичности супругов в браке с детьми и без детей был применен метод многомерного статистического анализа данных – факторный анализ. Перед проведением факторного анализа была выполнена проверка необходимых предпосылок, направленная на выявление достаточного уровня взаимосвязей между переменными. В рамках данной проверки проанализирована корреляционная матрица, в которой должны присутствовать коэффициенты, превышающие пороговое значение 0,3. Кроме того, были оценены показатель выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (КМО), допустимый уровень которого составляет более 0,5, а также критерий сферичности Бартлетта, где требуемый уровень значимости должен быть ниже 0,05. Полученные результаты свидетельствуют о наличии в корреляционной матрице значений, превышающих 0,3; значение коэффициента КМО составило 0,5, а уровень значимости по критерию Бартлетта – менее 0,001. Таким образом, подтверждено наличие статистически значимых корреляционных связей между переменными, что позволяет обосновать применение факторного анализа.

Факторный анализ проводился методом главных компонент, предназначенным для выделения минимального числа факторов, объясняющих существенную долю общей дисперсии. Для дальнейшей интерпретации и использования результатов анализа доля объяснённой дисперсии выделенными факторами должна составлять не менее 50,1%.

Рассмотрим результаты факторной структуры подгрупп – мужчины с детьми и мужчины без детей. В ходе факторного анализа показателей удовлетворенности браком, ценностных ориентаций», семейных ценностей (с учетом ролевых ожиданий и притязаний), статусов эго-идентичности у **мужчин с детьми** было выделено 6 факторов, объясняющих 61% дисперсии.

Фактор 1. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели нормативных идеалов, таких как «Власть» (0,876), «Конформность» (0,829), «Самостоятельность» (0,828), «Достижения» (0,800), «Гедонизм» (0,776), «Доброта» (0,764), «Традиции» (0,759), «Стимуляция» (0,616), «Универсализм» (0,585), «Безопасность» (0,539) и показатели индивидуальных приоритетов, таких как «Власть» (0,606), «Самостоятельность» (0,606), «Стимуляция» (0,525).

Фактор 2. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели как внешняя привлекательность (0,755) (как на уровне притязаний (0,717), так и на уровне ожиданий (0,576)), социальная активность на уровне ролевых ожиданий (0,586), показатели индивидуальных приоритетов, таких как «Достижения» (0,629), диффузный статус идентичности (0,695), а также диффузные статусы «Самодостаточность» (0,648), «Ответственность за выбор» (0,583), «Принятие настоящего» (0,531).

Фактор 3. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели как предрешенный статус идентичности (0,891), предрешенный статус «Ответственность за выбор» (0,860), предрешенный статус «Принятие настоящего» (0,772), предрешенный статус «Эмоциональная зрелость» (0,606), а также показатели семейных ценностей – социальная активность (0,561).

Фактор 4. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели семейных ценностей как хозяйственно-бытовая (0,806) (на уровне ролевых ожиданий (0,776)), родительско-воспитательная (0,663) (как на уровне ролевых ожиданий (0,592), так и на уровне ролевых притязаний (0,518)), а также показатель статуса идентичности: автономный «Соответствие себе» (0,501).

Фактор 5. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели семейных ценностей как личностная идентификация (0,762), эмоционально-психотерапевтическая (0,730) (на уровне ролевых ожиданий (0,739)), а также показатель социальная активность (на уровне ролевых притязаний) (0,528).

Фактор 6. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели индивидуальных приоритетов такие как «Конформность» (0,719), «Безопасность» (0,615), «Универсализм» (0,549), «Доброта» (0,529).

В ходе факторного анализа показателей удовлетворенности браком, ценностных ориентаций», семейных ценностей (с учетом ролевых ожиданий и притязаний), статусов эго-идентичности у **мужчин без детей** было выделено 7 факторов, объясняющих 61% дисперсии.

Фактор 1. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели семейных ценностей как социальная активность (0,912) (как на уровне притязаний (0,861), так и на уровне ролевых ожиданий (0,692)), хозяйственно-бытовая (на уровне ролевых ожиданий (0,911)), эмоционально-психотерапевтическая (0,868), а также показатель «Безопасность» (0,512) (на уровне индивидуальных приоритетов).

Фактор 2. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели таких семейных ценностей (на уровне нормативных идеалов) как «Стимуляция» (0,854), «Доброта» (0,851), «Универсализм» (0,763), «Традиции» (0,726), «Самостоятельность» (0,720), «Власть» (0,704), «Конформность» (0,686), «Гедонизм» (0,671), «Достижения» (0,613), «Безопасность» (0,582).

Фактор 3. Структура данного фактора неполная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошел показатель статуса идентичности: автономный «Осознанность жизненного пути» (0,575).

Фактор 4. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей на уровне индивидуальных приоритетов, такие как «Самостоятельность» (0,763), «Достижения» (0,709), «Власть» (0,699), «Стимуляция» (0,682), «Гедонизм» (0,648), «Конформность» (0,580), «Универсализм» (0,539), «Доброта» (0,527).

Фактор 5. Структура данного фактора неполная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошел показатель статуса идентичности – автономный (0,639).

Фактор 6. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей, таких как хозяйственно-бытовая (0,769), внешняя привлекательность (0,667) (как на уровне ролевых ожиданий (0,661), так и на уровне ролевых притязаний (0,507).

Фактор 7. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели такой семейной ценности как родительско-воспитательная (0,785), а

также показатели статуса идентичности: автономный «Осознанность собственных ценностей» (0,586), предрешенный «Осознанность жизненного пути» (0,507).

В ходе факторного анализа показателей удовлетворенности браком, ценностных ориентаций», семейных ценностей (с учетом ролевых ожиданий и притязаний), статусов эго-идентичности у **женщин с детьми** было выделено 6 факторов, объясняющих 60,3% дисперсии.

Фактор 1. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошел показатель семейных ценностей – социальная активность (0,774), ценность на уровне индивидуальных приоритетов – «Достижения» (0,728), а также показатели статуса идентичности: диффузный (0,718), диффузный «Принятие настоящего» (0,609), диффузный (0,601), диффузный «Эмоциональная зрелость» (0,521).

Фактор 2. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели статуса идентичности: автономный (0,690), автономный «Ответственность за выбор» (0,746), автономный «Принятие настоящего» (0,623), автономный «Осознанность собственных ценностей» (0,533) и показатели семейных ценностей на уровне индивидуальных приоритетов: «Самостоятельность» (0,653), «Гедонизм» (0,577), «Универсализм» (0,560), «Стимуляция» (0,550).

Фактор 3. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей на уровне нормативных идеалов: «Достижения» (0,809), «Конформность» (0,796), «Традиции» (0,766), «Власть» (0,764), «Стимуляция» (0,754), «Доброта» (0,751), «Самостоятельность» (0,702), «Безопасность» (0,647), «Универсализм» (0,562), «Гедонизм» (0,545).

Фактор 4. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли такие показатели семейных ценностей как эмоционально-психотерапевтическая

(0,843), внешняя привлекательность (0,768) (как на уровне ролевых ожиданий (0,722), так и на уровне ролевых притязаний (0,532)), хозяйственно-бытовая (0,512).

Фактор 5. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей – родительско-воспитательная (0,824), а также ценности на уровне индивидуальных приоритетов – «Традиции» (0,560), «Конформность» (0,556), «Доброта» (0,520).

Фактор 6. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели статусов идентичности – предрешенный «Соответствие себе» (0,535), а также показатели семейных ценностей – хозяйственно-бытовая (0,529) и интимно-сексуальная (0,515).

В ходе факторного анализа показателей удовлетворенности браком, ценностных ориентаций», семейных ценностей (с учетом ролевых ожиданий и притязаний), статусов эго-идентичности у **женщин без детей** было выделено 7 факторов, объясняющих 60,8% дисперсии.

Фактор 1. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей – хозяйственно-бытовая (0,949), социальная активность (0,906) (как на уровне притязаний (0,857), так и на уровне ожиданий (0,830)), а также показатели индивидуальных приоритетов – «Достижения» (0,587) и «Безопасность» (0,568).

Фактор 2. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели нормативных идеалов – «Гедонизм» (0,816), «Традиции» (0,813), «Доброта» (0,792), Универсализм (0,769), Самостоятельность (0,768), Безопасность (0,742), «Стимуляция» (0,685), «Достижения» (0,677), «Власть» (0,628), а также такие семейные ценности как интимно-сексуальная (0,557).

Фактор 3. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели таких семейных ценностей как внешняя привлекательность (0,683) и хозяйственно-бытовая (на уровне притязаний) (0,554) и показатель статуса идентичности – диффузный «Соответствие себе» (0,594).

Фактор 4. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели семейных ценностей – родительско-воспитательная (0,761) (как на уровне притязаний (0,631), так и на уровне ролевых ожиданий (0,554)) и показатель статуса идентичности – предрешенный «Осознанность собственных ценностей» (0,658).

Фактор 5. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели статусов идентичности – предрешенный (0,698), предрешенный «Самодостаточность» (0,670).

Фактор 6. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошли показатели индивидуальных приоритетов, такие как: «Самостоятельность» (0,708), «Стимуляция» (0,664), «Доброта» (0,635), «Гедонизм» (0,586).

Фактор 7. Структура данного фактора полная, переменных, имеющих отрицательную направленность не обнаружено. В данный фактор вошел показатель статуса идентичности – диффузный «Эмоциональная зрелость» (0,566).

Выводы по Главе 3

На основании проведенного эмпирического исследования описаны структурные компоненты личностной идентичности супругов, имеющих в браке детей и супругов без детей.

В качестве факторов, оказывающих влияния на становление и трансформацию личностной идентичности супругов рассматривались такие параметры как удовлетворенность браком, семейные ценности (с учетом ролевых ожиданий и притязаний), ценностные ориентации (включая нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты).

Эмпирические гипотезы исследования верифицированы.

Выявлены различия в степени удовлетворенности браком у супругов с детьми и супругов без детей: если у семей с детьми количество супругов, не удовлетворенных браком, составляет всего 16%, то у супругов без детей количество женщин, неудовлетворенных браком составляет 24%, а мужчин – 30%. Выявлены статистически достоверные различия между средними показателями удовлетворенности браком у супругов с детьми и без детей (U Манна-Уитни 4064,500, при $p \leq 0,022$). Удовлетворенность браком выше у супругов с детьми.

Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у супругов из семей с детьми по критерию U Манна-Уитни показал, что у мужчин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у мужчин без детей по таким показателям как:

- родительско-воспитательная функция;
- социальная активность;
- хозяйственно-бытовая функция;
- интимно-сексуальная.

Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у женщин с детьми и без детей по

критерию U Манна-Уитни показал, что у женщин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у женщин без детей по таким показателям как:

- внешняя привлекательность;
- родительско-воспитательная функция;
- социальная активность;
- хозяйственно-бытовая функция;
- личностная идентификация;
- интимно-сексуальная.

Можно отметить, что несмотря на то, что ролевые ожидания и ролевые притязания у женщин с детьми в основном совпадают с ролевыми ожиданиями и ролевыми притязаниями мужчин из этой подгруппы, в то же время на первом месте у женщин с детьми отмечается «внешняя привлекательность» и присутствует такой показатель как «личностная идентификация», которые не являются значимыми в аналогичной мужской выборке.

Анализ статистической достоверности различий средних значений ролевых ожиданий и ролевых притязаний в браке у супругов с детьми и супругов без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что супругов с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у супругов без детей по таким показателям как:

1. Внешняя привлекательность;
2. Личностная идентификация;
3. Родительско-воспитательная функция;
4. Социальная активность;
5. Хозяйственно-бытовая функция;
6. Интимно-сексуальная.

Таким образом, рассмотрев ролевые ожидания и ролевые притязания супругов с детьми и без детей, мы можем отметить существование различий как по

структуре ролевых ожиданий и притязаний у мужчин и женщин в обоих выборках, так в целом по выборкам.

Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у мужчин с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у мужчин без детей на уровне нормативных идеалов выше значения таких ценностей как «самостоятельность», «достижения», «гедонизм», «стимуляция» и «власть». В то время как у мужчин с детьми на уровне индивидуальных приоритетов преобладают ценности «достижения» и «универсализм».

Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у женщин с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у женщин без детей на уровне нормативных идеалов выше значения таких ценностей как «самостоятельность», «доброта», «конформность», «стимуляция» «традиции» и «власть». В то время как у женщин с детьми на уровне индивидуальных приоритетов преобладают ценности «самостоятельность» и «универсализм».

Анализ статистической достоверности различий средних значений нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов у супругов с детьми и без детей по критерию U Манна-Уитни показал, что у супругов без детей на уровне нормативных идеалов выше значения таких ценностей как «универсализм», «самостоятельность», «доброта», «конформность», «стимуляция», «гедонизм», «традиции» и «власть». В то время как у супругов с детьми значимо выше значения на уровне индивидуальных приоритетов таких ценностей как «достижения», «конформность» и «универсализм». Анализ особенности эго-идентичности у мужчин без детей и мужчин с детьми показал, что на уровне общих показателей статусов эго-идентичности можно отметить уменьшенный уровень автономного статуса эго-идентичности как у мужчин без детей, так и у мужчин с детьми. В обеих подгруппах мужчин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности. Однако предрешенный статус эго-идентичности выше у мужчин

без детей, чем у мужчин с детьми. Анализ особенности эго-идентичности у женщин без детей и женщин с детьми показал, что общие показатели статусов эго-идентичности находятся на низком уровне автономного статуса как у женщин без детей, так и у женщин с детьми. В обеих группах женщин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности, однако предрешенный статус эго-идентичности находится на более высоком уровне у женщин без детей, чем у женщин с детьми.

Необходимо отметить, что в обеих группах женщин все шкалы в автономном статусе эго-идентичности выражены на низком уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ полученных эмпирических данных позволил сформулировать **выводы**, подтверждающие ранее выдвинутые гипотезы:

1. Показано, что согласованность ценностных ориентаций между супругами является важным условием для устойчивых и гармоничных семейных отношений. Наличие детей усиливает значимость общих ценностей, ролевых ожиданий и притязаний, делая их ключевым элементом позитивного семейного взаимодействия и удовлетворенности браком.

При этом были выявлены как общие тенденции, так и специфические особенности в структуре ценностных ориентаций мужчин и женщин, имеющих детей. На уровне нормативных идеалов (декларируемых социально одобряемых принципов), для обеих групп респондентов характерна выраженная ориентация на три ключевые ценности: «безопасность», «достижения» и «самостоятельность». Эти ценности образуют универсальное ядро нормативных представлений исследуемой группы, что, вероятно, отражает типичные для родительства социальные роли и связанную с ними ответственность.

2. Установлено, что в выборке жен выявились 2 значимые корреляционные связи между показателем «удовлетворенность браком» и «хозяйственно-бытовая сфера» семьи ($r=0,290$ при $p<0,05$) и показателем «родительско-воспитательная функция» ($r=0,372$ при $p<0,05$). В выборке мужей также выявлены 2 значимые корреляционные связи: положительная между показателем «удовлетворенность браком» и показателем «родительско-воспитательная функция» ($r=0,400$ при $p<0,05$), и отрицательная между показателем «удовлетворенность браком» и показателем ролевых ожиданий «внешняя привлекательность» ($r= -0,358$ при $p<0,05$).

3. Выявлено, что у мужчин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у мужчин без детей по таким показателям как: «родительско-воспитательная функция», «социальная активность», «хозяйственно-бытовая функция», «интимно-сексуальная функция».

У женщин с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у женщин без детей по таким показателям как: «внешняя привлекательность», «родительско-воспитательная функция», «социальная активность», «хозяйственно-бытовая функция», «личностная идентификация», «интимно-сексуальная функция».

Ролевые ожидания и ролевые притязания у женщин с детьми в основном совпадают с ролевыми ожиданиями и ролевыми притязаниями мужчин из этой подгруппы, однако на первом месте у женщин с детьми отмечается «внешняя привлекательность» и присутствует такой показатель как «личностная идентификация», которые не являются значимыми в аналогичной мужской выборке.

У супругов с детьми ролевые ожидания и ролевые притязания выше, чем у супругов без детей по таким показателям как: «внешняя привлекательность», «личностная идентификация», «родительско-воспитательная функция», «социальная активность», «хозяйственно-бытовая функция», «интимно-сексуальная функция».

3. Анализ особенности эго-идентичности у мужчин без детей и мужчин с детьми показал, что на уровне общих показателей статусов эго-идентичности можно отметить уменьшенный уровень автономного статуса эго-идентичности как у мужчин без детей, так и у мужчин с детьми. В обеих подгруппах мужчин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности. Однако предрешенный статус эго-идентичности выше у мужчин без детей, чем у мужчин с детьми. Анализ особенности эго-идентичности у женщин без детей и женщин с детьми показал, что общие показатели статусов эго-идентичности находятся на низком уровне автономного статуса как у женщин без детей, так и у женщин с детьми. В обеих группах женщин отмечается средний уровень диффузного статуса эго-идентичности, однако предрешенный статус эго-идентичности находится на более высоком уровне у женщин без детей, чем у женщин с детьми.

Полученные результаты могут быть применены в различных сферах психологической практики: в семейной психологии при изучении эмоциональных и

функциональных аспектов взаимоотношений членов семьи; в психологии профессиональной деятельности при изучении психологических процессов, связанных с трудовой деятельностью; в социальной психологии при изучении поведения и деятельности людей в социальных группах.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы исследования. Полученные выводы создают возможность для проведения дальнейших теоретических и эмпирических междисциплинарных исследований как фундаментального, так и прикладного характера в области семейной психологии, возрастной психологии, педагогики и других дисциплин. Они также предоставляют новые подходы к организационным методам решения проблем формирования личной идентичности субъектов в браке с детьми и без детей, а также в области психологии – стратегии по активации субъективных ресурсов личности.

Перспективными направлениями психологических исследований изучения особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей являются: дальнейшее совершенствование комплексного подхода для изучения особенностей личностной идентичности супругов имеющих и не имеющих детей; разработка психодиагностического инструментария для оценки особенностей личностной идентичности субъектов в браке, независимо от наличия или отсутствия детей; расширение научно-практических исследований, связанных с анализом особенностей личностной идентичности супругов, имеющих и не имеющих детей, включая разработку индивидуальных дорожных карт для достижения личностной идентичности; изучение вклада различных факторов в процесс достижения данного состояния личностной идентичности. В прикладном аспекте полученные результаты, характеризующие особенности личностной идентичности супругов с детьми и без детей, свидетельствуют о необходимости разработки адресно-ориентированных рекомендаций для этих двух различных групп респондентов: использование методов инициации по формированию ценностных ориентаций с пролонгацией приоритетных жизненных целей семьи, с

простраиванием позитивных коммуникативных стратегий, направленных на взаимное понимание, эмпатию, эмоциональное принятие друг друга, взаимопомощь и взаимоподдержку.

Для гармонизации отношений в семьях в процессе проведения семейных тренингов необходимо использовать различные техники по уменьшению автономного статуса эго-идентичности (как интенции отчуждения от системы единых, разделяемых всеми членами семьи ценностей), особое внимание должно быть направлено на работу с мужчинами, у которых есть дети. При работе с показателями по предрешенному эго-статусу, должны применяться техники, повышающие уровень позитивного самопринятия и готовности к самопозиционированию своих ролевых ожиданий в семейном взаимодействии (особое внимание должно быть уделено женщинам без детей).

В процессе психологического сопровождения необходимо учитывать, что автономная идентичность, предполагает отличительные, присущие только одной личности, ценностные ориентации, семейные ценности, нахождение личности в благополучном браке, а также высокий уровень взаимодействия в системе «родитель-ребенок». Индивиды с автономной идентичностью при наличии проблем самостоятельно занимаются поиском решения проблем и принятием таких решений. Личности с автономной идентичностью имеют собственные планы на будущее. Эти планы при необходимости могут быть изменены по причине того, что с точки зрения личностей с автономной идентичностью, будущее направлено на самореализацию, а не на достижение идеалов, сформулированных обществом.

Особое внимание в процессе работы с семьями разного статуса необходимо уделить предрешенной идентичности, которая предполагает такой статус, при котором индивидуальный личный поиск ценностных ориентаций, семейных ценностей, достижения определенного уровня брака и взаимодействия в системе «родитель-ребенок», не был осуществлен, а внешние обстоятельства оказали влияние на те или иные решения. Лица с предрешенным статусом отличаются зара-

нее предложенными целями, нормами поведения и идеалами, в наименьшей степени характеризующимися изменениями, планами на будущее, сформированными родителями либо другими, оказывающими влияние на личность, людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаева, Е. В. Психологическая поддержка личности на начальном этапе профессионализации: на этапе вхождения в вузовское пространство : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Е. В. Абаева. – Краснодар, 2003. – 21 с.
2. Абульханова, К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избранные психологические труды / К. А. Абульханова. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
3. Азарова, Е. А. Особенности представлений о семье девушек-студенток с разным типом гендерной идентичности / Е. А. Азарова, Г. Н. Жулина, Е. В. Зинченко // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2016. – Т. 132, № 2. – С. 210–215.
4. Аистов, А. В. Семейный статус и удовлетворенность жизнью / А. В. Аистов, Л. А. Леонова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18, № 6. – С. 5-9.
5. Аксенова, Н. М. Личностные характеристики эго-идентичности как фактор профессионального самоопределения студентов в вузе : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.07 / Н. М. Аксенова. – Кемерово, 2004. – 137 с.
6. Акутина, С. П. Проблемы молодых семей / С. П. Акутина, С. А. Макеева // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2016. – № 1 (58). – С. 93–97.
7. Аликин, И. А. Семейная идентичность заключенных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения: общее и типическое / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко, Е. А. Новикова // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – 2012. – № 4. – С. 64–72.

8. Андреева, Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] / Г. М. Андреева // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2012. – Т. 5. – № 26. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772> (дата обращения: 11.04.2024)

9. Андрияничева, М. А. Модель изучения материнской идентичности в условиях нормальной и проблемной беременности [Электронный ресурс] / М. А. Андрияничева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN523.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

10. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.

11. Архиреева, Т. В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии [Электронный ресурс] / Т. В. Архиреева // Психология материнства и отцовства : [сборник]. – 2015. – Секция 5. – С. 549–564. – URL: http://psyjournals.ru/files/77710/sbornik_psychologicheskie_problemi_semji_sekcia_5.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

12. Ахмадеева, И. В. Психологическая безопасность семьи как консолидирующий фактор в полиэтнической среде / И. В. Ахмадеева, Е. В. Ахмадеева // Власть. – 2020. – Т. 28, № 5. – С. 18–24.

13. Ачкасов, В. А. «Строительство регионов»: специфика российской региональной политики идентичности / В. А. Ачкасов, А. И. Абалян, Н. В. Полякова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 451. – С. 89–95.

14. Базалева, Л. А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности [Электронный ресурс] / Л. А. Базалева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-issledovaniya-emotsionalnogo-vygoraniya-u-materey-v-psihologii-lichnosti> (дата обращения: 15.07.2024).

15. Баранова, Е. В. Психологическая помощь семье, находящейся в кризисе [Электронный ресурс] / Е. В. Баранова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-semie-nahodyascheysya-v-krizise> (дата обращения: 23.10.2020).

16. Барсукова, Ж. А. Личностная идентичность младших подростков, склонных к игровой компьютерной зависимости / Ж. А. Барсукова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя С, Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія : навукова-метадычны часопіс. – 2018. – № 1 (51). – С. 58–63.

17. Белинская, Е. П. Идентичность личности в условиях социальных изменений : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.05 / Е. П. Белинская. – Москва, 2006. – 479 с.

18. Белинская, Е. П. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями молодежи / Е. П. Белинская, Е. М. Дубовская // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 3. – С. 33–46.

19. Белогай, К. Н. Современные подходы к психологическому исследованию беременности / К. Н. Белогай // Материалы научно-практической конференции. – Москва : РГУ, 2004. – 498 с.

20. Белопольская, Н. Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания : руководство / Н. Л. Белопольская. – Москва : Когито-Центр, 2009. – 24 с.

21. Бендас, Т. В. Гендерная психология : учебное пособие / Т. В. Бендас. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 431 с.

22. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание : научное издание / Р. Бернс. – Москва : Прогресс, 1986. – 420 с.

23. Бехтина, Е. М. Взаимосвязь склонности к девиантному поведению и особенностей Я-концепции старших подростков [Электронный ресурс] / Е. М. Бехтина, Е. В. Кузнецова // Научное сообщество студентов XXI столетия.

Гуманитарные науки : сборник статей по материалам XVI международной студенческой научно-практической конференции. – № 1(16). – URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(16\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(16).pdf) (дата обращения: 15.02.2025).

24. Блумер, Г. Символический интеракционизм : монография / Г. Блумер. – Москва : Элементарные формы, 2017. – 346 с.

25. Богинская, Л. В. Агрессивное и аутоагрессивное поведение подростков с девиантным поведением / Л. В. Богинская // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 37–42.

26. Большой психологический словарь / под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2012. – 672 с.

27. Борисенко, Ю. В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 735–743.

28. Борисенко, Ю. В. К вопросу о личностных детерминантах родительства: отцовство и маскулинность / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 2 (62). – С. 112–118.

29. Борисенко, Ю. В. Процессуальные характеристики родительской идентичности у мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей / Ю. В. Борисенко. // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 136–151.

30. Борисенко, Ю. В. Специфика формирования отцовства как психологического феномена / Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай // Сибирский психологический журнал. Социальная психология. – 2007. – № 26. – С. 102–107.

31. Борисенко, Ю. В. Становление родительской идентичности у молодых мужчин и женщин, не имеющих детей / Ю. В. Борисенко. // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 49–66.

32. Боязитова, И. В. Достижение устойчивой личностной идентичности в период ранней взрослости : монография / И. В. Боязитова, М. В. Кондрашова. – Симферополь : ИП Хотеева Л.В., 2023. – 184 с.

33. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. – Москва : Институт психологии РАН; Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 272 с.

34. Быльченко, М. В. Особенности формирования идентичности в юношеском возрасте [Электронный ресурс] / М. В. Быльченко // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2009. – Т. 6, № 4. – URL: <http://psystudy.ru/num/2009n4-6/193-bylchenko6> (дата обращения: 10.02.2017).

35. Вагапова, А. Р. Семейная идентичность супругов и их оценка степени удовлетворенности браком / А. Р. Вагапова, С. А. Перова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 72-76.

36. Ветрила, Т. Г. Психологические факторы успешного функционирования семьи / Т. Г. Ветрила // Таврический журнал психиатрии. – 2015. – № 4 (73). – С. 35-40.

37. Волков, Р. С. Взаимосвязь идентичности и уровня спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом / Р. С. Волков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2019. – № 4. – С. 45-51.

38. Волкова, А. Н. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии : учебное пособие для вузов / А. Н. Волкова. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 256 с.

39. Воробьева, М. Е. Особенности социальной идентичности женщины до и после рождения ребенка : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Воробьева Мария Евгеньевна. – Москва, 2018. – 215 с.

40. Гаврилова, Т. П. Нарушение половой идентичности женщин как объект психотерапии [Электронный ресурс] / Т. П. Гаврилова // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. – Москва : МГППУ, 2005. – URL: <http://psyjournal1s.ru/cppp/2005/29977> (дата обращения: 17.03.2017).

41. Гаджиева, У. Б. Особенности проявления темперамента как свойства индивидуальности личности / У. Б. Гаджиева // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 4 (8). – С. 109-113.

42. Гальчук, Д. С. Понятие «Идентичность личности» / Д. С. Гальчук // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2017. – Вып. 5. – С. 44-51.

43. Гараева, Э. И. Основополагающие причины и мотивы добровольной бездетности в современном обществе [Электронный ресурс] / Э. И. Гараева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-prichiny-i-motivuy-dobrovolnoy-bezdetnosti-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 09.10.2025).

44. Германова, Е. В. Особенности изменения личности женщины и ее ценностей в послеродовом периоде / Е. В. Германова // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2013. – № 3. – С. 5-8.

45. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – Москва : Академический Проект, 2005. – 528 с.

46. Горбатенко, Н. С. Отличительные особенности групповой и социальной идентичности / Н. С. Горбатенко // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 4-1 (11). – С. 53-54.

47. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман. – Москва : ЖСМО-Пресс, 2000. – 243 с.

48. Григоренко, Н. Ю. Возможность и необходимость общения матери со своим будущим ребенком в пренатальный период в ходе нормальной и проблемной беременности / Н. Ю. Григоренко // Дошкольное образование. – 2020. – № 4. – С. 99-105.

49. Григорьева, М. А. Степень удовлетворенности браком в зависимости от стажа семейной жизни / М. А. Григорьева // Вестник психофизиологии. – 2013. – № 4. – С. 71-72.

50. Грицкевич, Н. К. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери / Н. К. Грицкевич, А. А. Долгих, Н. Я. Большунова // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 3 (156). – С. 14-18.

51. Гротевант, Г. Идентичность приемного ребенка: влияние семейной обстановки и социального окружения на ее формирование / Г. Гротевант, Н. Данбар, Дж. К. Колер [и др.] // Family relations. – 2000. – Vol. 49. – № 4. – P. 379-388.

52. Губогло, М. Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.07 / М. Н. Губогло. – Москва, 1984. – 450 с.

53. Гусельцева, М. С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений / М. С. Гусельцева // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – С. 2.

54. Данилова М. В. Семейное неблагополучие как актуальная социально-педагогическая проблема современности [Электронный ресурс] / М. В. Данилова, В. В. Трофимова // Проблемы науки. – 2013. – № 4 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-neblagopoluchie-kak-aktualnaya-sotsialno-pedagogicheskaya-problema-sovremennosti> (дата обращения: 09.10.2025).

55. Делез Ж. Фуко / Пер. с франц. Е. В. Семиной ; вступит. ст. И. П. Ильина. – Москва : Изд-во гуманитар. лит., 1998. – 172 с.

56. Деменьшин, В.Н. Обзор зарубежных исследований экологического сознания [Электронный ресурс] / В.Н. Деменьшин // Интернет-журнал «Мир науки», 2017. – Т. 5, № 5. – <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN517.pdf> (дата обращения: 29.08.2018).

57. Джеймс, У. Научные основы психологии / У. Джеймс. – Минск : Харвест, 2003. – 527 с.

58. Дмитриева, Н. В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности / Н. В. Дмитриева, О. В. Дубровина. – 2010. – 248 с.

59. Дмитриева, Н. В. Идентичность в норме и патологии / Н. В. Дмитриева, Ц. П. Короленко, Е. Н. Загоруйко. – Новосибирск : НГПУ, 2000. – 256 с.

60. Донцова, О. С. Понятие родительской идентичности / О. С. Донцова // Педагогический журнал. – 2014. – № 6. – С. 10–24.

61. Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробижева. – Москва : Новый хронограф, 2013. – 336 с.

62. Дроздова, С. А. Взаимосвязь содержательных характеристик рефлексии со структурными компонентами идентичности личности : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук / С. А. Дроздова. – Хабаровск, 2011. – 21 с.

63. Дубовская, Е. М. К вопросу о содержании процесса гражданской социализации: образ современного общества у молодежи [Электронный ресурс] / Е. М. Дубовская, М. А. Красная // Психологические исследования : электрон. журн. – 2013. – Т. 6, № 30. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/859-dubovskaya30.html> (дата обращения: 09.10.2025).

64. Дьяченко, Е. Н. Психологическая структура, компоненты, виды и функции идентичности в современном социальном пространстве / Е. Н. Дьяченко // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2021. – № 1. – С. 40–55.

65. Дьячкова, Е. С. Психологические особенности семей с нарушениями репродуктивного здоровья / Е. С. Дьячкова // Вестник ТГУ. – 2013. – № 9 (125). – С. 199–107.

66. Евдокимова, М. А. Программа организации психологической поддержки родителей в формировании родительской компетентности / М. А. Евдокимова // Сибирский педагогический журнал. – 2018. – № 4. – С. 130–136.

67. Еремина, Ю. А. Базисные стратегии совладания в поведении матери, воспитывающей ребенка раннего возраста [Электронный ресурс] / Ю. А. Еремина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazisnye-strategii-sovladaniya-v-povedenii-materi-vospityvayuschey-rebenka-rannego-vozrasta> (дата обращения: 09.10.2025).

68. Ермаков, П. Н. Психология личности / П. Н. Ермаков, В. А. Лабунская. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 656 с.

69. Жаде, З. А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея / З. А. Жаде // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 8. – С. 13–18.

70. Зайцева, Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход / Ю. Е. Зайцева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 16, Психология и педагогика. – 2016. – Вып. 1. – С. 118–136.

71. Заковоротная, М. В. Идентичность человека: социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону : Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 370 с.

72. Захарова, Е. И. Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста / Е. И. Захарова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 97–109.

73. Захарова, Е. И. Условия становления материнской идентичности / Е. И. Захарова, Ю. А. Торчинова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1234–1239.

74. Зотова, Ю. Все дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании / Ю. Зотова, М. Летучева. – Москва : Класс, 2019. – 344 с.

75. Иванова, Е. В. Жизнестойкость в контексте проблемы родительства / Е. В. Иванова // Человек и образование. – 2015. – № 4 (45). – С. 174–178.

76. Иванова, Н. Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности / Н. Л. Иванова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3, № 4. – С. 18–36.

77. Изотова, Е. А. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте: на пересечении идентичности и самоотношения [Электронный ресурс] / Е. А. Изотова // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 30. –

URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/857-izotova30.html> (дата обращения: 20.03.2017).

78. Ильина, Т. И. Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей / Т. И. Ильина, С. Д. Гуриева // Человек и образование. – 2019. – № 3 (60). – С. 85–93.

79. Ипполитова, Е. А. Семейные ценности партнеров в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Е. А. Ипполитова // Вестник психологии и педагогики АлтГУ. – 2023. – № 2. – С. 28–35.

80. Камнева, Н. А. Мотивация вступления в брак и ее влияние на конфликтные ситуации будущей молодой семьи / Н. А. Камнева // Вестник ТГУ. – 2009. – № 2. – С. 271–276.

81. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учебное пособие / О. А. Карабанова. – Москва: Гардарики, 2005. – 320 с.

82. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 70 с.

83. Карандашев В. Н. Ценностные ориентации в структуре личности современного студента // Психология личности в современном мире: сб. науч. тр. / под ред. А. И. Крупнова. — Москва: РУДН, 2018. — С. 89–97.

84. Каргина, Н. В. К вопросу об особенностях личностной и профессиональной идентичности юристов [Электронный ресурс] / Н. В. Каргина, А. И. Полянский // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN123.pdf> (дата обращения: 09.10.2025).

85. Карымова, О. С. Особенности удовлетворенности браком и мотивация достижения супругов / О. С. Карымова, Ю. С. Громова // Актуальные вопросы современной науки. – 2013. – № 28. – С. 134–139.

86. Кашапова, А. А. Удовлетворенность браком молодых супругов / А. А. Кашапова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6. – С. 87.

87. Климова, Е. А. Применение модели интегративно-метафорической терапии в работе с темой женской идентичности / Е. А. Климова, И. Е. Романова // Вестник Угрюмоведения. – 2013. – № 3 (14).

88. Климова, Е. А. Психологические особенности женщин с проблемой гендерной идентичности (на материале психологической работы с женщинами 25-37 лет) : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Е. А. Климова. – 2013. – 19 с.

89. Ключко, О. И. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи / О. И. Ключко, А. А. Чекалина, Е. В. Иоффе [и др.] // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 1. – С. 55–69.

90. Коблева, З. Х. «Гражданский брак» как проявление трансформационных процессов в системе семейно-брачных отношений / З. Х. Коблева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 4. – С. 219–230.

91. Ковалева, Н. В. Субъектная идентичность как интегральная характеристика личности / Н. В. Ковалева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 170–171.

92. Колесов, Д. В. Антиномии природы человека и психология различия / Д. В. Колесов // Мир психологии. – 2004. – № 3 (39). – С. 9–19.

93. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1984. – 336 с.

94. Кордуэлл, М. Психология. А-Я: Словарь-справочник / М. Кордуэлл ; переводчик К. С. Ткаченко. – Москва : Фаир-Пресс, 2006. – 448 с.

95. Король, Н. В. Особенности жизненных ценностей партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Н. В. Король // Актуальные психологические исследования. – 2013. – С. 84–88.

96. Короткова, А. С. Подростковый экоактивизм в условиях кризиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 6. – С. 107–118.

97. Кочеткова, Т. Н. Анализ проблем незарегистрированных браков [Электронный ресурс] / Т. Н. Кочеткова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 2. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN222.pdf> (дата обращения: 09.10.2025).

98. Крайг, Г. Психология развития : учебник / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 940 с.

99. Кригер, Г. Н. Самосознание современных прародителей (бабушек): психологический аспект / Г. Н. Кригер // Вестник КемГУ. – 2016. – № 4 (68). – С. 162–165.

100. Кричевский, Р. Л. Социальная психология малой группы : учебное пособие для вузов / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 318 с.

101. Крюкова, Т. Л. Детерминанты одиночества и совладания с ним в супружеских отношениях / Т. Л. Крюкова, А. М. Ронч // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 4. – С. 129–134.

102. Кузина, Д. В. Идентичность как предмет психологического исследования / Д. В. Кузина, М. О. Акимова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 122–126.

103. Кули Чарлз Хортон // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – С. 584.

104. Кунц, Г. Н. Основные компоненты личностной идентичности / Г. Н. Кунц. // Студенческий вестник. – 2021. – № 20–2 (165). – С. 80–81.

105. Курочкина, И. А. Проблема гендерно-половой идентичности : учебное пособие / И. А. Курочкина, О. Н. Шахматова. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. – 206 с.

106. Куцубей, А. Т. Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри / А. Т. Куцубей, И. В. Пономарева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2019. – № 3. – С. 94–104.

107. Кучмаева, О. В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни / О. В. Кучмаева // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 70–82.

108. Лебедева, М. В. Идентичность как социально-психологический феномен / М. В. Лебедева // Интернаука. – 2021. – № 19–2 (195). – С. 68–69.

109. Левкиевская, Е. Е. Пасхальная пицца и пасхальное застолье в советское время как инструмент сохранения религиозной и семейной идентичности / Е. Е. Левкиевская // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 58–70.

110. Леонтьев, Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичностей, а идентичность для человека / Д. А. Леонтьев // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 5–11.

111. Леонтьев, Д. А. Личность: от мифологии к науке / Д. А. Леонтьев // С. Мадди. Теории личности. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 5–8.

112. Лукьянченко, Н. В. Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы / Н. В. Лукьянченко, Е. А. Новикова // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 3. – С. 78–85.

113. Лукьянченко, Н. В. Особенности семейной идентичности осужденных женщин, имеющих детей / Н. В. Лукьянченко // Коченовские чтения «Психология и право в современной России» : сборник статей. – 2012. – С. 144–145.

114. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность женщин из неполных семей [Электронный ресурс] / Н. В. Лукьянченко // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 59. – URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.285> (дата обращения: 09.10.2024).

115. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности / Н. В. Лукьянченко // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 74–84.

116. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность мужчин, состоящих в однополых союзах / Н. В. Лукьянченко // Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 84–92.

117. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой / Н. В. Лукьянченко // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 283–294.

118. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой / Н. В. Лукьянченко // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 10. – С. 283–294.

119. Лэйнг, Р. Д. Семейная идентичность. // Лейбин, В. Словарь-справочник по психоанализу. – Москва : АСТ Москва : Neoclassic : АСТ, 2010. – 960 с.

120. Мазур, Е. Ю. К анализу психологических подходов в исследовании идентичности / Е. Ю. Мазур // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 5. – С. 146–151.

121. Максимов, А. М. Психологические факторы нарушений полоролевой идентичности у подростков и юношей с асоциальным поведением : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.13 / А. М. Максимов. – Москва : МГППУ, 2011. – 161 с.

122. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

123. Марцинковская, Т. Д. Трансформации социокультурной и лингвистической идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде / Т. Д. Марцинковская, И. В. Солодникова // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – С. 4. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.10.2025).

124. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – Москва : Смысл, 1999. – 425 с

125. Махмутова, Р. К. Материнство как психологический феномен / Р. К. Махмутова // Вестник Удмуртского университета. Психология и педагогика. – 2007. – № 9. – С. 159–166.

126. Медведева, О. В. Медико-социальные факторы риска отказа от рождений в семьях, заключивших юридический брак [Электронный ресурс] / О. В. Медведева // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-factory-riska-otkaza-ot-rozhdeniy-v-semyah-zaklyuchivshih-yuridicheskiy-brak> (дата обращения: 09.10.2024).

127. Мещерякова, С. Ю. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери / С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева, Н. И. Ганошенко // Вопросы психологии. – 1996. – № 3. – С. 7–16.

128. Мид, Д. Аз и я / Д. Мид // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. Е. И. Добренькова. – Москва : МГУ, 1994. – С. 227–236.

129. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцев. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.

130. Минюрова, С. А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства / С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 63–75.

131. Морогин, В. Г. Идентичность в контексте ценностно-потребностной сферы человека / В. Г. Морогин, В. А. Мазилков, К. В. Морогина // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 4 – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 313–321.

132. Морозова, С. В. О родительской идентичности отцов / С. В. Морозова, Л. Р. Хадыева, Е. А. Рыльская, Г. Г. Горелова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 11 (177). – С. 508-513.

133. Муртазин, Р. А. Ценностные ориентации личности как функции регуляторов социального поведения индивидов / Р. А. Муртазин // Проблемы и перспективы развития образования : материалы международной научной конференции (г. Пермь, апрель 2011 г.). –Т. I. – Пермь : Меркурий, 2011. – С. 34–36.

134. Некрасов, С. И. Становление института родительства и его функционирование [Электронный ресурс] / С. И. Некрасов, Э. М. Луценко // Научный вестник МГТУ ГА. – 2013. – № 5 (191). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-roditelstva-i-ego-funksionirovanie> (дата обращения: 09.10.2025).

135. Нечаев, А. В. Где живет идентичность / А. В. Нечаев // Социальные явления. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 3–6.

136. Никитина, А. А. Развитие мужской идентичности на этапе перехода от подростничества к ранней взрослости : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.13 / А. А. Никитина. – Москва, 2011. – 25 с.

137. Никишина, В. Б. Диссоциация Образа я при алкогольной зависимости / В. Б. Никишина, А. Лаппас, Т. Н. Разуваева, Е. А. Петраш, И. В. Запесоцкая // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2015. – № 4. – С. 122–127.

138. Новоселова, Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России / Е. Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 99–110.

139. Нуттунен, И. А. Личностная идентичность и образ отца: Конфликтологический аспект (концепция Э. Эриксона как ресурс развития конфликтологической теории) / И. А. Нуттунен // Конфликтология: Трибуна для студента, аспиранта, соискателя. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 190–202.

140. Оберемко, О. А. Антонимический анализ МЫ-ОНИ-идентичностей / О. А. Оберемко // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: материалы Всероссийского научно-практического семинара / под ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожиговой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. – С. 180–199..

141. Оберемко, О. А. Семантическое пространство МЫ-ОНИ идентичности / О. А. Оберемко, А. Н. Пасько // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения : материалы Всероссийского научно-практического семинара / под ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожиговой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. – С. 172–179.

142. Овчинникова, Ю. Г. О конструктивной роли кризиса личностной идентичности в развитии личности / Ю. Г. Овчинникова. // Мир психологии : научно-методический журнал. – 2004. – № 2 (38). – С. 124–132.

143. Одинцова, М. А. Я – целый мир. Программа развития личности подростков и юношества : учебно-методическое пособие / М. А. Одинцова. – Москва : Изд-во Ин-та психотерапии, 2004. – 206 с.

144. Олифиревич, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифиревич, Т. А. Зинкевич-Куземкина, В. Т. Велента. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 360 с.

145. Оломский, А. А. Зарубежные подходы к изучению идентичности личности в психологии / А. А. Оломский // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – 2017. – № 4. – С. 157–162.

146. Орестова, В. Р. Акмеологическая концепция идентификации государственных служащих : диссертация доктора психологических наук : 19.00.13 / В. Р. Орестова. – Москва, 2010. – 328 с.

147. Орестова, В. Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.13 / В. Р. Орестова. – Москва, 2001. – 178 с.

148. Павлова, О. Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности / О. Н. Павлова. – Москва : Институт Психоанализа, 2001. – 124 с.

149. Патырбаева, К. В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты : коллективная монография / К. В. Патырбаева ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.

150. Пеннер, Р. В. Идентичность в эпоху постмодерна: постановка проблемы / Р. В. Пеннер // Вестник ЧелГУ. – 2020. – № 5 (439). – С. 68–74.

151. Поломошнов, А. Ф. Современные концепции идентичности / А. Ф. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2020. – № 4–2 (38). – С. 18–25.

152. Проскурина, Е. А. Идентичность как категория в системе научного социально-политического знания: экспликация понятия / Е. А. Проскурина // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2020. – № 2 (32). – С. 146–152.

153. Ретих, М. В. Андрогинная гендерная идентичность личности в контексте психологической совместимости супругов / М. В. Ретих // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2-2(82). – С. 67-71.

154. Рикель, А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 2. [Электронный ресурс] / А. М. Рикель // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – Т. 17. – № 3. – URL: <http://psystudy.ru/num/2011n3-17/486-rikel17> (дата обращения: 11.04.2024).

155. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). – Москва, 1995. – 160 с.

156. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс. – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

157. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 713 с.

158. Рубцова, О. В. Подростковый кризис и проблема ролевой идентичности / О. В. Рубцова // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 1. – С. 2–7.

159. Русанова, Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы / Н. Е. Русанова // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 1. – С. 69–86.

160. Рябикина, З. И. Личностная идентичность в ситуации социального неуспеха / З. И. Рябикина, Ю. Э. Макаревская // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 6–23.

161. Рябикина, З. И. Субъектно-бытийный подход к личности и ее со–бытию со значимыми другими / З. И. Рябикина // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. – Краснодар, 2010. – С. 130–157.

162. Савенышева, С. С. Родительский стресс матерей детей раннего и дошкольного возраста: роль социально-демографических факторов [Электронный ресурс] / С. С. Савенышева, О. О. Заплетина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditelskiy-stress-materey-detey-rannego-i-doshkolnogo-vozrasta-rol-sotsialno-demograficheskikh-faktorov> (дата обращения: 09.10.2024).

163. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – Москва : Академия, 2000. – 304 с.

164. Самыгин, С. И. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде / А. В. Верещагина, А. В. Рачипа [и др.] // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 169–177.

165. Селезнева, Ю. В. Особенности саморегуляции женщин среднего возраста с разным уровнем психологического благополучия / Ю. В. Селезнева // Проблемы и перспективы разработки и внедрения передовых технологий : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 225–229.

166. Сидорова, В. Н. Психологический анализ отношений поколений внутри семьи / В. Н. Сидорова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 181–190.

167. Ситникова, Н. А. Бездетная семья в фокусе институциональной парадигмы / Н. А. Ситникова, С. В. Гузенина // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – № 1. – С. 186–190.

168. Смольянинова, Т. С. Образ другого человека как основа формирования идентичности личности / Т. С. Смольянинова, Т. А. Петряева, Ю. А. Бусыгина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2020. – № 56. – С. 30–40.

169. Соколова, Е. Т. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства тендерной идентичности / Е. Т. Соколова, Н. С. Бурлакова, Ф. Леонтиу // Вопросы психологии. – 2001. – № 6. – С. 3–17

170. Солдатова, Е. Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости / Е. Л. Солдатова. – Челябинск : ЮУрГУ, 2007. – 190 с.

171. Сорин, А. В. Связь статуса идентичности с уровнем владения способами межличностного восприятия в подростковом возрасте / А. В. Сорин // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007». Сек. «Психология». – Москва : МГУ, 2007. – С. 487–488.

172. Ставропольский, Ю. В. Рационально-психологическое обоснование эмпирического критерия идентичности «Я» в трансцендентальной философии И. Канта / Ю. В. Ставропольский // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 88–92.

173. Станишевская, Ж. Вербальная коммуникация супругов как важная составляющая супружеского и семейного благополучия [Электронный ресурс] / Ж. Станишевская // Studia Humanitatis. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-kommunikatsiya-suprugov-kak-vazhnaya-sostavlyayuschaya-supruzheskogo-i-semeynogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 09.10.2024).

174. Столин, В. В. Опросник удовлетворенности браком / В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко // Вестник Московского государственного университета. Серия 14, Психология. – 1984. – № 2. – С. 54–61.

175. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – Москва : Издательство Московского университета, 1983. – 284 с.

176. Строкова, С. В. Семейная идентичность подростков из семей различных типов : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / С. В. Строкова. – 2019. – 234 с.

177. Суворова, И. Ю. Нарушение структуры социальной идентичности человека в результате социальной эксклюзии : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Суворова Ирина Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2018. – 23 с.

178. Сыроквашина, К. В. Полоролевая идентичность у подростков, совершивших насильственные правонарушения агрессивного и сексуального характера [Электронный ресурс] / К. В. Сыроквашина, К. Б. Бригида // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 104–109. – URL: https://psyjournals.ru/psyedu/2010/n5/Syrovkashina_Brigida.shtml (дата обращения: 15.05.2024).

179. Тащёва, А. И. Неофициальные и официальные молодежные семьи: психологический портрет / А. И. Тёщева, С. Н. Фрондзей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 158–165.

180. Тернер, Дж. С. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. С. Тернер, П. Дж. Оукс, С. А. Хеслем, В. Дэвид // Иностранная психология. – 1994. – № 2. – С. 8–17.

181. Тимошина, И. Н. Интенсификация гендерной идентичности в подростковом возрасте (обзор зарубежных исследований) / И. Н. Тимошина // Современная зарубежная психология. – 2014. – Т. 3. – № 3. – С. 41-51. – URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n3/72746.shtml> (дата обращения: 20.03.2017).

182. Ткаченко, И. В. Материнство как предмет психологических исследований / И. В. Ткаченко, Е. В. Евдокимова, К. Ю. Комарова // Мир университетской науки: культура, образование. – 2021. – № 8. – С. 115–121.

183. Толпина, И. А. Психодинамический анализ проблемы идентичности / И. А. Толпина // Московский психотерапевтический журнал. – 2004. – № 1. – С. 124-149.

184. Томгорова, Г. Н. Представления о семейных ролях в межпоколенных отношениях как детерминанты женского одиночества / Г. Н. Томгорова // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. – 2020. – № 1. – С. 275-278.

185. Топанова, Г. Т. Смысловая обусловленность идентичности личности (на примере русских и казахских студентов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.01 / Г. Т. Топанова. – 2015.

186. Тулаева, С. А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах / С. А. Тулаева, Я. А. Снарский // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 4–33.

187. Туник, Е. Е. О родительской идентичности отцов / Е. Е. Туник // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 11 (177).

188. Тхостов, А. Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5. – № 26. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771> (дата обращения: 22.03.2019).

189. Федотова, М. Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» / М. Г. Федотова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – С. 28–31.

190. Филимонова, Т. А. Идентичность: понятие и теоретические аспекты изучения / Т. А. Филимонова // Региональная и отраслевая экономика. Экономические науки. – 2024. – № 6 (235). – С. 73–76.

191. Филиппова, Г. Г. Психология материнства : учебное пособие для вузов / Г. Г. Филиппова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 211 с.

192. Философия : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Академический Проект ; Трикста, 2004. – 688 с.

193. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд. – Москва : 1993. – 144 с.

194. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : 1998. – 448 с.

195. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35–40.

196. Хайдеггер, М. Идентичность и дифференциация / М. Хайдеггер // Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Мысль, 1997. – С. 215–413.

197. Ходаковская, О. В. Социальная и личностная идентичность в юности : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Ходаковская Ольга Владимировна. – Москва, – 24 с.

198. Холодова, А. А. Метафизическое пространство идентичности и идентичности личности, его границы в рамках цивилизационной парадигмы / А. А. Холодова // Kant. – 2021. – № 1 (38). – С. 179–182.

199. Хухлаев, О. Е. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи / О. Е. Хухлаев, В. А. Шорохова // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 35–50.

200. Цуркин, В. А. К проблеме личностной идентичности субъекта в психологии / В. А. Цуркин, Т. Н. Разуваева // Актуальные проблемы формирования коллектива как субъекта инновационной деятельности : сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 100–103.

201. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – Москва : Наука, 1977. – 144 с.

202. Чибисова, М. Ю. Взаимосвязь содержания этнических стереотипов и типа этнической идентичности подростка (на примере русских и еврейских подростков) / М. Ю. Чибисова, М. А. Зверева // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 63–79.

203. Чухин, С. Г. Факторы и закономерности формирования идентичности личности / С. Г. Чухин, Е. В. Чухина // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2021. – № 4 (7). – С. 114–131.

204. Чэнь, Я. Теория культурной идентичности Чжэн Сяююня / Я. Чэнь, М. Н. Фомина // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 7–21. – URL: <https://concept.mgimo.ru/2022-3-1.php> (дата обращения: 06.07.2024).

205. Шабанов, Л. В. Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа / Л. В. Шабанов, И. Л. Шелехов, Н. Н. Рубан // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8. – С. 100–103.

206. Шамионов, Р. М. Роль ценностных ориентаций в удовлетворенности базовых психологических потребностей и академической адаптации студентов / Р. М. Шамионов // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 126–139

207. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – Москва : МОСУ, 2001. – 272 с.

208. Шугаева, Н. А. Особенности структуры ценностей на различных этапах семейной жизни [Электронный ресурс] / Н. А. Шугаева // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-struktury-tsennostey-na-razlichnyh-etapah-semeynoy-zhizni> (дата обращения: 09.10.2025).

209. Щербакова, М. В. Сожительство как модель брачного союза / М. В. Щербакова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6, № 2 (19). – С. 354–356.

210. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 672 с.

211. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – Москва : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2009. – 352 с.

212. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва : Ренессанс, 1991. – 229 с.

213. Япринцева, К. Л. Феномен культурной идентичности в пространстве культуры : диссертация ... кандидата культурологических наук : 24.00.01 / Япринцева Ксения Леонидовна. – Челябинск, 2006. – 139 с.

214. Abun D., Magallanes T., Encarnacion M. J., Alkalde F., Somera K. A. Investigation of Cognitive and Affective Attitude of Students toward Environment and

Their Environmental Behavioural Intention to Join Environmental Movement and Energy Conservation // *The International Journal of Business Management and Technology*. – 2019. – Vol. 3. – No. 6. – P. 110–129.

215. Acharya A. *The End of American World Order*. – Cambridge : Polity Press, 2014. – 150 p.

216. Ariely G. Global Identification, Xenophobia and Globalisation: A Cross-national Exploration // *International Journal of Psychology*. – 2017. – Vol. 52, Suppl. 1. – P. 87–96.

217. Arnett J. J., Robinson O., Lachman M. Rethinking adult development: Introduction to the special issue // *American Psychologist*. – 2020. – No. 75. – P. 425–430.

218. Belanche D., Casalo L., Rubio M. Local Place Identity: A Comparison between Residents of Rural and Urban Communities // *Journal of Rural Studies*. – 2021. – Vol. 82. – P. 242–252.

219. Berns B. *The Different Faces of Motherhood*. – New Jersey ; London, 1988. – 222 p.

220. Berzonsky M. D. A social-cognitive perspective on identity construction // *Handbook of identity theory and research* / ed. by S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. – New York : Springer, 2011. – P. 55–76.

221. Bous K. S., Arrow H., Carini B. A tripartite model of group identification: theory and measurement // *Small Group Research*. – 1999. – Vol. 30, No. 5. – P. 558–581. –

222. Breakwell G. M. Integrating paradigms, methodological implications // *Empirical approaches to social representations* / ed. by G. M. Breakwell, D. V. Canter. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – P. I–42.

223. Brickman P., Coates D., Janoff-Bulman R. Lottery winners and accident victims: Is happiness relative? // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1978. – Vol. 36, No. 8. – P. 917–927.

224. Campbell D. T. Stereotypes and perception of group differences // *American Psychologist*. 1967. № 22. P. 817–829.

225. Canitz H.-L. v. Vater. *Die neue Rolle des Mannes in der Familie*. Frankfurt ; М. ; Berlin ; Wien, 1982.

226. Carmona M., Guerra R., Dovidio J. F. [et al.]. Unpacking All-inclusive Superordinate Categories: Comparing Correlates and Consequences of Global Citizenship and Human Identities // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 986075. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.986075> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.986075.

227. Carr D. Personal identity is social identity // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2021. № 20. P. 1–11. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11097-021-09750-1> (дата обращения: 10.10.2025).

228. Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge : Polity Press, 2019. 224 p.

229. Cooley C. H. *Social Process*. NY, 1918. P. 19–21.

230. Côté J. E. *The Identity Capital Model: A Handbook of Theory, Methods, and Findings*. London : Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.

231. Debast I. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms / I. Debast, G. Rossi, S. P. Van Alphen [et al.] // *Journal of Personality Assessment*. – 2015. – № 97. – P. 321–329.

232. Der-Karabetian A. Psychological Predictors of Sustainable Behavior in College Samples from the United States, Brazil and the Netherlands / A. Der-Karabetian, M. A. Alfaro // *American International Journal of Social Science*. – 2015. – Vol. 4, № 6. – P. 29–39.

233. De Rivera J. Cultivating a Global Identity / J. De Rivera, H. A. Carson // *Journal of Social and Political Psychology*. – 2015. – Vol. 3, № 2. – P. 310–330.

234. Diener E. Subjective well-being: Three decades of progress / E. Diener, E. Suh, R. E. Lucas, H. Smith // *Psychological Bulletin*. – 1999. – № 125. – P. 276–302.

235. Duncombe C. After Liberal Order / C. Duncombe, T. Dunne // *International Affairs*. – 2018. – № 1. – P. 25–42.

236. Erikson E. H. *Childhood and Society* / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1950. – 445 p.

237. Fadjukoff P. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age / P. Fadjukoff, L. Pulkkinen, A.-L. Lyyra, K. Kokko // *Parenting: Science and Practice*. – 2016. – Vol. 16. – P. 87–107.

238. Goffman E. The arrangement between sexes / E. Goffman // *Theory and Society*. – 1977. – Vol. 4, № 2. – P. 301–331.

239. Geschichtsbewusstsein und posttraditionale Identität: Die Westorientierung der Bundesrepublik / J. Habermas // Torpey J. Introduction: Habermas and the Historians // *New German Critique*. – 1988. – No. 44. – P. 9–10.

240. Hagel, M. L. Perceived Parenting and Identification with all Humanity / M. L. Hagel, F. Trutzenberg, M. Eid. – 2022.

241. Hamer, K. The Role of Early Intergroup Experiences for Identification with All Humanity in Adulthood / K. Hamer, S. McFarland // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – P. 1042602.

242. Hamer, K. Identification with All Humanity – A Test of the Factorial Structure and Measurement Invariance of the Scale in Five Countries / K. Hamer, M. Penczek, S. McFarland [et al.] // *International Journal of Psychology*. – 2021. – Vol. 56. – № 2. – P. 157–174.

243. Helder, S. Environmental Culture and Education: A New Conceptual Framework / S. Helder // *Creative Education*. – 2021. – Vol. 12. – № 5. – P. 983–998.

244. Intergroup Differentiation in Social Context: Identity Needs versus Audience Constraints / N. Ellemers, C. Van Dyck, S. Hinkle, A. Jacobs // *Social Psychology Quarterly*. – 2000. – Vol. 63, No. 1. – P. 60–74.

245. Hinkle, S. The social identity perspective - Intergroup relations, self-conception, and small groups / S. Hinkle, D. Abrams, S. Otten, M. A. Hogg // *Small Group Research*. – 2004. – Vol. 35. – № 3. – P. 246–276.

246. Hogg, M. A. The Social Identity Perspective / M. A. Hogg, D. Abrams, S. Otten, S. Hinkle // *Small Group Research*. – 2004. – Vol. 35. – P. 246–276.

247. Insights from England and Germany // *Frontiers in psychology*. – 2022. – Vol. 13. – Article 924562. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.924562/full> (дата обращения: 15.10.2023).

248. Irkhin B. D. Who Benefits from Environmental Identity? Studying Environmental Identity and Mental Wellbeing in Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13, № 3. P. 66–78.

249. Kelly G. A. The psychology of personal constructs : in 2 vol. – New York : Norton, 1955. Vol. 1, 2. 1218 p.

250. Kleist O., Lachenicht S. Les sciences politiques et l’histoire des migrations // *Diasporas*. 2020. No. 36. P. 122–128.

251. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*. 2nd ed. 2015. Vol. 11. P. 537–542.

252. La Barbera M. C. “Vivir entre fronteras”: vulnerabilidad y transformación de la identidad en la era de la globalización // *Bajo Palabra*. 2020. II Época, No. 23. P. 261–286.

253. Lantos N. A. Identification with All Humanity Predicts Prosocial and Political Action Intentions During COVID-19 / N. A. Lantos, M. Engyel, M. Hadarics [et al.] // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. Art. 855148. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2022.855148/full> (дата обращения: 15.10.2023). – DOI: 10.3389/fpos.2022.855148.

254. Lin S. From Hometown to the Host City? Migrants’ Identity Transition in Urban China / S. Lin, F. Wu, Q. Liang, Z. Li, Y. Guo // *Cities*. 2022. Vol. 122, No. 1. Art. 103517. – DOI: 10.1016/j.cities.2021.103517.

255. Mackay C. Connection to Nature and Environmental Activism: Politicized Environmental Identity Mediates a Relationship Between Identification with Nature and Observed Environmental Activist Behaviour / C. Mackay, F. Cristoffanini, J. D. Wright [et al.] // *Current Research in Ecological and Social Psychology*. – 2021. – Vol. 2, Art. 100017. – DOI: 10.1016/j.cresp.2021.100017.

256. Marcia J. E. Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / ed. by J. Adelson. New York : John Wiley, 1980. P. 159–187.

257. McCrae R. R. Joint factors in self-reports and ratings: Neuroticism, Extraversion and Openness to Experience / R. R. McCrae, P. T. Costa // *Personality and Individual Differences*. – 1983. – Vol. 4, № 3. – P. 245–255.

258. McFarland S. Identification with All Humanity as a Moral Concept and Psychological Construct / S. McFarland, D. Brown, M. Webb // *Current Directions in Psychological Science*. – 2013. – Vol. 22, № 3. – P. 194–198.

259. McFarland S. Global Human Identification and Citizenship: A Review of Psychological Studies / S. McFarland, J. Hackett, K. Hamer [et al.] // *Political Psychology*. – 2020. – Vol. 41. – P. 167–192.

260. Mead G. H. *The Individual & the Social Self* / G. H. Mead. – Chicago ; London : The Univ. of Chicago Press, 1982. – P. 104–209.

261. Patterns of adolescent identity development: Review of literature and longitudinal analysis / W. Meeus, J. Iedema, M. Helsen [et al.] // *Developmental Review*. – 1999. – Vol. 19. – P. 419–461.

262. Orlofsky J. L. *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research* / J. L. Orlofsky, J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer. – New York : Springer, 1993. – 391 p.

263. Paniagua A. Rurality, Identity and Morality in Remote Rural Areas in Northern Spain / A. Paniagua // *Journal of Rural Studies*. – 2014. – Vol. 35, No. 7. – P. 49–58.

264. Peters J. R., Eisenlohr-Moul T. A., Upton B. T., Talavera N. A., Folsom J. J. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features:

A multimodal investigation of ruminative content and style // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. – 2017. – Vol. 39, № 4. – P. 456–466.

265. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2018. – Vol. 59, № 2. – P. 157–166.

266. Pong V., Tam K.-P. Relationship Between Global Identity and Pro-environmental Behavior and Environmental Concern: a Systematic Review // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – Art. № 1033564.

267. Reese G. The Interplay Between Social Identities and Globalization / G. Reese, A. Rosenmann, J. E. Cameron // *The Psychology of Globalization: Identity, Ideology, and Action*. – Academic Press, 2019. – P. 71–99.

268. Schwartz S. What have we learned since Schwartz? A reappraisal of the field of identity development / S. Schwartz, K. Luyckx, E. Crocetti // *The Oxford handbook of identity development* / K. McLean, M. Syed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – P. 539–561.

269. Sherif M. Experiments in group conflict / M. Sherif // *Science American*. – 1956. – Vol. 195. – № 5. – P. 54–58.

270. Schulte M. Social Identity as a Key Concept for Connecting Transformative Societal Change with Individual Environmental Activism / M. Schulte, S. Bamberg, J. Rees, P. Rollin // *Journal of Environmental Psychology*. – 2020. – Vol. 72. – P. 101525.

271. Sierra-Barón W. Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-Environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas / W. Sierra-Barón, P. Olivos-Jara, A. Gómez-Acosta, O. Navarro // *Sustainability*. – 2023. – Vol. 15. – № 5. – P. 1–14.

272. Stryker S. Identity theory and personality theory: mutual relevance / S. Stryker // *Journal of Personality*. – 2007. – Vol. 75. – № 6. – P. 1084–1101.

273. Sun S. A world together: Global Citizen Identification as a Basis for Pro-sociality in the Face of Globalization / S. Sun // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2023.

274. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of intergroup relations* / S. Worchel, W. G. Austin (eds). – 2nd ed. – Chicago : Nelson-Hall, 1985. – P. 7–24.

275. Tamar M. Predicting pro-environmental behaviours: the role of environmental values, attitudes and knowledge / M. Tamar, H. Wirawan, T. Arfah, R. P. S. Putri // *Management of Environmental Quality: An International Journal*. – 2021. – Vol. 32. – № 2. – P. 328–343.

276. Todd A. Communicating environmental patriotism / A. Todd. – London ; New York : Routledge, 2014. – 168 p.

277. Toffler A. The third wave / A. Toffler. – New York : William Morrow and Company, Inc., 1980. – 544 p.

278. Van Doeselaar L., Becht A. I., Klimstra T. A., Meeus W. H. J. A review and integration of three key components of identity development: distinctiveness, coherence, and continuity // *European Psychologist*. – 2018. – Vol. 23. – P. 278–288.

279. Vrolijk P., Van Lissa C., Branje S., Keizer R., Laninga-Wijnen L., Meeus W. Parent-child personality similarity and differential autonomy support toward siblings // *Journal of Family Psychology*. – 2022. – Vol. 36. – No. 6. – P. 839–850.

280. Watermann A. S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review // *Developmental Psychology*. – 1982. – Vol. 18. – No. 3. – P. 341–358.

281. Yaremych H. E., Persky S. Recruiting fathers for parenting research: an evaluation of eight recruitment methods and an exploration of fathers' motivations for participation // *Parenting*. – 2022. – P. 1–33.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ

	стр.
Приложение 1. Авторская анкета.....	214
Приложение 2. Описательные статистики к методике Ш. Шварца «Опросник ценностей».....	216
Приложение 3. Описательные статистики к методике Е.Л. Солда- товой «Исследование структуры эго-идентичности».....	222
Приложение 4. Описательные статистики к опроснику А.Н. Вол- ковой «Ролевые ожидания и притязания в браке».....	228
Приложение 5. Описательные статистики к тест-опроснику удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко	234

Авторская анкета

Пол _____ Возраст _____

Дата заполнения _____

1. Укажите, пожалуйста, Ваш семейных стаж в текущем официально зарегистрированном браке (укажите весь семейных стаж, если ранее Вы состояли в официально зарегистрированном браке)

Общий стаж в браке: _____ лет Стаж в текущем браке: _____ лет

2. Укажите, пожалуйста, количество детей в текущем официально зарегистрированном браке (укажите общее количество детей, если они были рождены в другом браке)

Общее количество детей: _____ Кол-во детей в текущем браке: _____

3. Укажите, пожалуйста, пол и возраст ребенка в текущем официально зарегистрированном браке (укажите пол и возраст всех детей, если они были рождены в другом браке). Если у Вас нет детей в текущем официально зарегистрированном браке либо не было в ранее официально зарегистрированных браках, то, пожалуйста, выберите ответ «Детей нет» соответственно.

Общее количество детей:	Кол-во детей в текущем браке:
Ребенок 1:	Ребенок 1:
пол _____ возраст _____	пол _____ возраст _____
Ребенок 2: пол _____ воз-	Ребенок 2:
раст _____	пол _____ возраст _____
Детей нет: _____	Детей нет: _____

4. Укажите, пожалуйста, Вашу профессию согласно полученному образованию (укажите все профессии, если их несколько) _____

5. Работаете ли Вы по профессии согласно полученному образованию? _____

Да	Нет

6. Укажите, пожалуйста, место (или места, если совмещаете несколько) Вашей работы (без указания точного названия организации, например: ВУЗ, поликлиника, министерство, банк и т.д.) _____

Ваша должность (или должности) в настоящее время:

7. Стаж работы

Общий стаж работы: _____ лет В организации, где Вы в настоящее время работаете _____ лет

8. Если Вы совмещаете работу с учебой, то какое образование Вы получаете?

• Среднее специальное	• Второе высшее
• Первое высшее	• Курсы повышения квалификации (доподготовка)
• Другое (укажите какое именно):	

**Описательные статистики к методике Ш. Шварца
«Опросник ценностей»**

Супруги с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,46	1,04	3,31	1,00	6,75
Убежденность-Традиции	2,77	1,10	2,80	-0,20	6,60
Убежденность-Доброта	3,84	1,10	3,80	1,20	6,80
Убежденность-Универсализм	3,75	0,92	3,50	1,75	6,75
Убежденность-Самостоятельность	4,03	0,91	4,00	2,57	6,60
Убежденность-Стимуляция	2,66	1,14	2,57	0,00	6,00
Убежденность-Гедонизм	3,08	1,18	3,00	0,00	6,67
Убежденность-Достижения	4,16	0,95	4,00	1,00	6,75
Убежденность-Власть	2,67	1,21	2,50	0,00	6,25
Убежденность-Безопасность	4,62	0,93	4,66	2,29	6,60
Поведение-Конформность	1,81	0,57	1,88	0,00	3,25
Поведение-Традиции	1,40	0,69	1,50	-0,75	2,50
Поведение-Доброта	1,73	0,63	1,63	0,75	4,00
Поведение-Универсализм	1,70	0,60	1,50	0,67	3,50
Поведение-Самостоятельность	2,00	0,65	2,00	0,50	3,50
Поведение-Стимуляция	0,92	0,72	1,00	-0,67	3,00
Поведение-Гедонизм	0,74	0,91	0,67	-1,00	4,00
Поведение-Достижения	1,98	0,80	2,25	-0,25	4,00
Поведение-Власть	0,58	0,84	0,33	-1,00	3,67
Поведение-Безопасность	2,92	0,55	3,00	0,60	4,00

Супруги без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,87	0,85	3,94	1,75	6,00
Убежденность-Традиции	3,26	0,74	3,20	1,43	6,00
Убежденность-Доброта	4,01	0,69	4,00	1,80	5,60
Убежденность-Универсализм	3,94	0,84	4,00	1,00	6,50
Убежденность-Самостоятельность	4,51	0,70	4,57	2,71	6,00
Убежденность-Стимуляция	3,47	0,76	3,43	1,33	5,67
Убежденность-Гедонизм	4,03	0,68	4,00	2,33	6,00
Убежденность-Достижения	4,37	1,04	4,50	2,00	6,00
Убежденность-Власть	3,28	0,88	3,25	1,40	5,75
Убежденность-Безопасность	4,79	0,72	5,00	2,57	6,20
Поведение-Конформность	1,67	0,42	1,75	0,75	3,00
Поведение-Традиции	1,50	0,54	1,50	-0,25	2,50
Поведение-Доброта	1,55	0,47	1,50	0,75	2,75
Поведение-Универсализм	1,38	0,40	1,33	0,50	2,17
Поведение-Самостоятельность	1,87	0,57	1,75	0,75	3,25
Поведение-Стимуляция	0,78	0,70	0,67	-0,67	3,00
Поведение-Гедонизм	0,52	0,70	0,33	-0,67	3,00
Поведение-Достижения	1,77	0,67	1,75	0,00	3,50
Поведение-Власть	0,56	0,85	0,33	-1,00	3,00
Поведение-Безопасность	2,86	0,45	3,00	1,60	3,80

Мужчины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,64	1,07	3,75	1,75	6,75
Убежденность-Традиции	2,97	1,09	3,00	1,00	6,60
Убежденность-Доброта	4,00	1,08	4,00	2,00	6,80
Убежденность-Универсализм	3,79	0,88	3,75	2,00	6,75
Убежденность-Самостоятельность	4,19	0,91	4,10	2,86	6,60
Убежденность-Стимуляция	2,77	1,30	2,64	0,00	6,00
Убежденность-Гедонизм	3,13	1,35	3,00	0,00	6,67
Убежденность-Достижения	4,35	0,95	4,21	2,50	6,75
Убежденность-Власть	2,93	1,36	3,00	0,00	6,25
Убежденность-Безопасность	4,77	0,94	4,76	2,29	6,60
Поведение-Конформность	1,83	0,59	1,75	0,25	3,25
Поведение-Традиции	1,40	0,69	1,50	-0,75	2,50
Поведение-Доброта	1,67	0,58	1,63	0,75	3,75
Поведение-Универсализм	1,66	0,58	1,50	0,83	3,50
Поведение-Самостоятельность	2,05	0,69	2,00	0,50	3,50
Поведение-Стимуляция	0,99	0,73	1,00	-0,33	3,00
Поведение-Гедонизм	0,81	1,01	0,67	-1,00	4,00
Поведение-Достижения	2,03	0,77	2,25	0,00	3,25
Поведение-Власть	0,79	0,92	0,67	-1,00	3,67
Поведение-Безопасность	2,89	0,64	3,00	0,60	4,00

Женщины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,28	0,98	3,13	1,00	5,50
Убежденность-Традиции	2,58	1,09	2,71	-0,20	5,80
Убежденность-Доброта	3,69	1,11	3,60	1,20	6,20
Убежденность-Универсализм	3,71	0,96	3,50	1,75	6,25
Убежденность-Самостоятельность	3,86	0,89	3,76	2,57	6,60
Убежденность-Стимуляция	2,55	0,97	2,57	0,67	5,33
Убежденность-Гедонизм	3,03	0,99	2,88	0,67	5,67
Убежденность-Достижения	3,97	0,91	4,00	1,00	6,00
Убежденность-Власть	2,41	1,00	2,25	0,40	5,00
Убежденность-Безопасность	4,46	0,90	4,41	2,80	6,60
Поведение-Конформность	1,80	0,56	2,00	0,00	3,00
Поведение-Традиции	1,40	0,69	1,50	-0,75	2,50
Поведение-Доброта	1,80	0,68	1,63	0,75	4,00
Поведение-Универсализм	1,73	0,62	1,50	0,67	3,33
Поведение-Самостоятельность	1,96	0,61	1,75	1,00	3,50
Поведение-Стимуляция	0,85	0,70	1,00	-0,67	3,00
Поведение-Гедонизм	0,66	0,80	0,50	-0,33	3,00
Поведение-Достижения	1,92	0,82	2,00	-0,25	4,00
Поведение-Власть	0,37	0,69	0,33	-1,00	2,67
Поведение-Безопасность	2,96	0,45	3,00	1,40	3,60

Мужчины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,88	0,95	4,00	1,75	6,00
Убежденность-Традиции	3,17	0,73	3,20	1,43	6,00
Убежденность-Доброта	3,99	0,79	4,20	1,80	5,60
Убежденность-Универсализм	3,90	0,79	4,00	1,00	5,00
Убежденность-Самостоятельность	4,59	0,67	4,57	3,20	6,00
Убежденность-Стимуляция	3,55	0,84	3,67	1,33	5,67
Убежденность-Гедонизм	3,99	0,70	4,00	2,33	6,00
Убежденность-Достижения	4,45	1,01	4,58	2,00	6,00
Убежденность-Власть	3,38	0,95	3,45	1,40	5,75
Убежденность-Безопасность	4,80	0,74	5,00	2,57	6,20
Поведение-Конформность	1,71	0,45	1,75	0,75	2,75
Поведение-Традиции	1,53	0,51	1,50	-0,25	2,25
Поведение-Доброта	1,54	0,47	1,50	0,75	2,50
Поведение-Универсализм	1,37	0,43	1,33	0,50	2,17
Поведение-Самостоятельность	1,99	0,53	2,00	1,25	3,25
Поведение-Стимуляция	0,83	0,79	0,67	-0,67	3,00
Поведение-Гедонизм	0,54	0,72	0,33	-0,67	3,00
Поведение-Достижения	1,81	0,62	1,75	0,75	3,50
Поведение-Власть	0,72	0,87	0,67	-0,67	3,00
Поведение-Безопасность	2,88	0,44	3,00	1,80	3,60

Женщины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Убежденность-Конформность	3,86	0,75	3,75	1,75	5,25
Убежденность-Традиции	3,34	0,75	3,24	1,80	5,00
Убежденность-Доброта	4,03	0,57	4,00	2,80	5,40
Убежденность-Универсализм	3,99	0,89	3,81	2,50	6,50
Убежденность-Самостоятельность	4,42	0,73	4,60	2,71	5,80
Убежденность-Стимуляция	3,39	0,66	3,33	2,29	5,00
Убежденность-Гедонизм	4,06	0,67	4,13	2,50	5,25
Убежденность-Достижения	4,28	1,07	4,17	2,00	5,83
Убежденность-Власть	3,19	0,80	3,00	1,50	5,40
Убежденность-Безопасность	4,78	0,70	4,80	3,43	6,00
Поведение-Конформность	1,64	0,38	1,50	1,00	3,00
Поведение-Традиции	1,48	0,58	1,50	-0,25	2,50
Поведение-Доброта	1,57	0,47	1,50	0,75	2,75
Поведение-Универсализм	1,39	0,37	1,33	0,67	2,17
Поведение-Самостоятельность	1,75	0,58	1,50	0,75	3,25
Поведение-Стимуляция	0,73	0,61	0,67	-0,33	2,33
Поведение-Гедонизм	0,49	0,70	0,33	-0,67	2,33
Поведение-Достижения	1,74	0,72	1,75	0,00	3,50
Поведение-Власть	0,40	0,80	0,33	-1,00	2,33
Поведение-Безопасность	2,85	0,46	3,00	1,60	3,80

**Описательные статистики к методике Е.Л. Солдатовой
«Исследование структуры эго-идентичности»**

Супруги с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	19,77	7,05	17,00	8	38
Диффузный	14,97	4,99	15,00	3	27
Предрешенный	15,26	4,69	16,00	5	26
Автономный ТС	5,27	2,52	5,00	1	12
Диффузный ТС	3,64	2,09	4,00	0	8
Предрешенный ТС	3,09	1,80	3,00	0	9
Автономный СЭ	4,01	1,84	4,00	0	8
Диффузный СЭ	3,02	1,63	3,00	0	7
Предрешенный СЭ	2,97	1,54	3,00	0	7
Автономный ОЖ	2,44	1,29	2,00	0	5
Диффузный ОЖ	2,12	1,39	2,00	0	6
Предрешенный ОЖ	2,44	1,15	2,00	0	5
Автономный ЭЗ	3,51	1,34	4,00	1	7
Диффузный ЭЗ	2,52	1,34	3,00	0	6
Предрешенный ЭЗ	1,97	1,20	2,00	0	5
Автономный ПН	1,67	1,17	2,00	0	4
Диффузный ПН	1,16	0,91	1,00	0	3
Предрешенный ПН	1,17	1,07	1,00	0	4
Автономный ОЦ	1,98	1,18	2,00	0	5
Диффузный ОЦ	1,30	1,15	1,00	0	5
Предрешенный ОЦ	1,72	1,16	2,00	0	5
Автономный СС	2,62	1,56	2,00	0	7
Диффузный СС	1,99	1,37	2,00	0	5
Предрешенный СС	2,39	1,46	2,00	0	5

Супруги без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	17,83	4,09	18,00	9	30
Диффузный	15,84	3,91	16,00	4	26
Предрешенный	16,33	4,00	17,00	6	27
Автономный ТС	4,55	1,78	5,00	1	9
Диффузный ТС	4,33	1,68	4,00	0	9
Предрешенный ТС	3,12	1,44	3,00	0	8
Автономный СЭ	3,65	1,40	4,00	1	8
Диффузный СЭ	3,20	1,65	3,00	0	7
Предрешенный СЭ	3,15	1,62	3,00	0	7
Автономный ОЖ	2,35	1,25	2,00	0	6
Диффузный ОЖ	2,12	1,28	2,00	0	5
Предрешенный ОЖ	2,53	1,40	2,00	0	6
Автономный ЭЗ	3,05	1,17	3,00	0	6
Диффузный ЭЗ	2,62	1,34	3,00	0	6
Предрешенный ЭЗ	2,33	1,29	2,00	0	6
Автономный ПН	1,49	0,87	1,00	0	4
Диффузный ПН	1,32	0,89	1,00	0	3
Предрешенный ПН	1,19	0,91	1,00	0	4
Автономный ОЦ	1,75	1,04	2,00	0	4
Диффузный ОЦ	1,29	0,95	1,00	0	4
Предрешенный ОЦ	1,96	1,01	2,00	0	4
Автономный СС	2,57	1,34	2,00	0	6
Диффузный СС	1,89	1,14	2,00	0	4
Предрешенный СС	2,54	1,31	3,00	0	6

Мужчины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	18,80	6,59	16,00	11	34
Диффузный	14,24	4,98	14,50	3	27
Предрешенный	16,96	4,43	16,50	9	26
Автономный ТС	4,82	2,59	4,00	1	11
Диффузный ТС	3,56	2,21	3,00	0	8
Предрешенный ТС	3,62	1,93	3,50	1	9
Автономный СЭ	3,98	2,05	4,00	0	8
Диффузный СЭ	2,94	1,83	3,00	0	7
Предрешенный СЭ	3,08	1,55	3,00	0	7
Автономный ОЖ	2,44	1,16	2,00	0	5
Диффузный ОЖ	1,70	1,04	2,00	0	4
Предрешенный ОЖ	2,86	1,03	3,00	1	5
Автономный ЭЗ	3,44	1,39	4,00	1	7
Диффузный ЭЗ	2,30	1,36	2,00	0	5
Предрешенный ЭЗ	2,26	1,32	2,00	0	5
Автономный ПН	1,58	1,18	1,50	0	4
Диффузный ПН	0,88	0,85	1,00	0	3
Предрешенный ПН	1,54	1,11	1,00	0	4
Автономный ОЦ	1,70	1,23	2,00	0	5
Диффузный ОЦ	1,72	1,23	2,00	0	5
Предрешенный ОЦ	1,58	1,26	1,00	0	5
Автономный СС	2,54	1,40	2,00	0	6
Диффузный СС	1,80	1,21	2,00	0	4
Предрешенный СС	2,66	1,47	3,00	0	5

Женщины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	20,74	7,42	18,00	8	38
Диффузный	15,70	4,94	16,00	4	26
Предрешенный	13,56	4,35	13,50	5	23
Автономный ТС	5,72	2,38	5,50	2	12
Диффузный ТС	3,72	1,97	4,00	0	8
Предрешенный ТС	2,56	1,51	2,00	0	6
Автономный СЭ	4,04	1,63	4,00	1	8
Диффузный СЭ	3,10	1,42	3,00	0	6
Предрешенный СЭ	2,86	1,54	3,00	0	7
Автономный ОЖ	2,44	1,42	2,00	0	5
Диффузный ОЖ	2,54	1,57	2,00	0	6
Предрешенный ОЖ	2,02	1,12	2,00	0	5
Автономный ЭЗ	3,58	1,30	3,50	1	7
Диффузный ЭЗ	2,74	1,31	3,00	0	6
Предрешенный ЭЗ	1,68	1,00	2,00	0	4
Автономный ПН	1,76	1,17	2,00	0	4
Диффузный ПН	1,44	0,88	1,50	0	3
Предрешенный ПН	0,80	0,90	1,00	0	4
Автономный ОЦ	2,26	1,07	2,00	0	4
Диффузный ОЦ	0,88	0,90	1,00	0	3
Предрешенный ОЦ	1,86	1,05	2,00	0	4
Автономный СС	2,70	1,71	2,00	0	7
Диффузный СС	2,18	1,51	2,00	0	5
Предрешенный СС	2,12	1,41	2,00	0	5

Мужчины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	17,78	4,37	18,50	11	30
Диффузный	15,12	3,81	15,00	4	22
Предрешенный	17,10	3,76	17,00	9	27
Автономный ТС	4,28	1,62	4,00	1	9
Диффузный ТС	4,24	1,64	4,00	0	8
Предрешенный ТС	3,48	1,39	3,00	1	7
Автономный СЭ	3,60	1,32	4,00	1	6
Диффузный СЭ	3,02	1,62	3,00	0	7
Предрешенный СЭ	3,38	1,56	3,50	0	7
Автономный ОЖ	2,60	1,39	3,00	0	6
Диффузный ОЖ	1,88	1,27	2,00	0	5
Предрешенный ОЖ	2,52	1,34	2,00	0	6
Автономный ЭЗ	2,94	1,33	3,00	0	6
Диффузный ЭЗ	2,48	1,34	2,00	0	6
Предрешенный ЭЗ	2,58	1,33	3,00	0	6
Автономный ПН	1,44	0,86	1,00	0	3
Диффузный ПН	1,26	0,88	1,00	0	3
Предрешенный ПН	1,30	0,79	1,00	0	3
Автономный ОЦ	1,66	0,87	2,00	0	3
Диффузный ОЦ	1,22	0,86	1,00	0	3
Предрешенный ОЦ	2,12	0,94	2,00	0	4
Автономный СС	2,74	1,32	3,00	0	6
Диффузный СС	1,84	1,27	2,00	0	4
Предрешенный СС	2,42	1,43	2,00	0	6

Женщины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Автономный	17,88	3,84	17,00	9	29
Диффузный	16,56	3,91	16,00	8	26
Предрешенный	15,56	4,11	16,00	6	24
Автономный ТС	4,82	1,90	5,00	1	8
Диффузный ТС	4,42	1,74	4,00	1	9
Предрешенный ТС	2,76	1,42	3,00	0	8
Автономный СЭ	3,70	1,47	3,00	1	8
Диффузный СЭ	3,38	1,68	3,00	0	7
Предрешенный СЭ	2,92	1,66	3,00	0	7
Автономный ОЖ	2,10	1,05	2,00	0	5
Диффузный ОЖ	2,36	1,26	2,00	0	5
Предрешенный ОЖ	2,54	1,46	2,00	0	5
Автономный ЭЗ	3,16	0,98	3,00	1	5
Диффузный ЭЗ	2,76	1,33	3,00	0	5
Предрешенный ЭЗ	2,08	1,21	2,00	0	4
Автономный ПН	1,54	0,89	1,00	0	4
Диффузный ПН	1,38	0,90	1,00	0	3
Предрешенный ПН	1,08	1,01	1,00	0	4
Автономный ОЦ	1,84	1,18	2,00	0	4
Диффузный ОЦ	1,36	1,03	1,00	0	4
Предрешенный ОЦ	1,80	1,07	2,00	0	4
Автономный СС	2,40	1,36	2,00	0	6
Диффузный СС	1,94	1,00	2,00	0	4
Предрешенный СС	2,66	1,19	3,00	0	5

**Описательные статистики к опроснику А.Н. Волковой
«Рольные ожидания и притязания в браке»**

Супруги с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	4,53	1,78	5,00	0	9
2 - личностная идентификация	5,82	1,85	6,00	2	9
3 - хозяйственно-бытовая	5,23	1,25	5,50	2,0	8,0
4 - родительско-воспитательная	5,78	1,04	6,00	3,0	9,0
5 - социальная активность	5,17	1,38	5,00	2,0	8,5
6 - эмоционально-психотерапевтическая	7,10	1,62	7,00	3,5	10,5
7 - внешняя привлекательность	7,10	1,67	7,50	2,0	9,0
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	5,65	1,62	6,00	2	8
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	5,58	1,33	6,00	1	9
5 - социальная активность - ОЖ	5,69	1,85	6,00	1	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,35	1,67	8,00	1	9
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	7,19	1,75	7,50	2	9
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	4,80	1,87	5,00	0	9
4 - родительско-воспитательная - ПР	5,95	1,38	6,00	1	9
5 - социальная активность - ПР	4,64	1,74	5,00	3	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,91	2,24	6,00	3	12
7 - внешняя привлекательность - ПР	7,00	2,20	7,00	0	9

Супруги без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	3,34	1,74	3,00	0	9
2 - личностная идентификация	6,40	1,91	6,00	1	9
3 - хозяйственно-бытовая	4,40	1,33	4,50	1,5	8,0
4 - родительско-воспитательная	5,43	1,05	5,50	3,0	7,5
5 - социальная активность	4,43	1,57	3,50	3,0	8,5
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,99	1,42	7,00	3,0	9,5
7 - внешняя привлекательность	6,72	1,49	7,00	2,5	9,0
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	3,82	2,04	2,50	2	9
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	5,22	1,14	5,00	2	8
5 - социальная активность - ОЖ	4,04	1,44	3,00	1	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,57	1,29	8,00	3	9
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	6,55	1,81	7,00	2	12
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	4,97	1,80	5,00	0	8
4 - родительско-воспитательная - ПР	5,64	1,45	6,00	0	9
5 - социальная активность - ПР	4,86	2,11	3,50	3	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,36	2,03	6,00	1	10
7 - внешняя привлекательность - ПР	6,83	1,76	6,00	3	9

Мужчины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	5,04	1,52	6,00	2	8
2 - личностная идентификация	6,12	1,85	6,00	2	9
3 - хозяйственно-бытовая	4,67	1,10	4,50	2,0	7,0
4 - родительско-воспитательная	5,51	1,18	5,25	3,0	9,0
5 - социальная активность	5,26	1,53	5,25	2,0	8,5
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,91	1,45	6,50	3,5	10,0
7 - внешняя привлекательность	6,85	1,89	7,50	2,0	9,0
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	5,56	1,54	6,00	2	8
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	4,96	1,28	5,00	1	9
5 - социальная активность - ОЖ	5,74	1,88	6,00	1	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,26	1,59	7,00	1	9
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	7,16	1,80	7,50	2	9
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	3,78	1,37	4,00	0	6
4 - родительско-воспитательная - ПР	6,02	1,53	6,00	3	9
5 - социальная активность - ПР	4,78	1,94	5,00	3	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,68	2,04	6,00	3	11
7 - внешняя привлекательность - ПР	6,54	2,54	6,50	0	9

Женщины с детьми	Среднее	Стандарт- ное отклоне- ние	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	4,02	1,88	4,00	0,00	9,00
2 - личностная идентификация	5,52	1,82	5,00	2,00	9,00
3 - хозяйственно-бытовая	5,78	1,13	6,00	2,50	8,00
4 - родительско-воспитательная	6,04	0,81	6,00	3,00	8,00
5 - социальная активность	5,09	1,23	5,00	2,00	7,50
6 - эмоционально-психотерапев- тическая	7,29	1,76	7,50	4,00	10,50
7 - внешняя привлекательность	7,34	1,40	7,50	4,00	9,00
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	5,74	1,70	6,00	2,00	8,00
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	6,20	1,09	6,00	3,00	9,00
5 - социальная активность - ОЖ	5,64	1,84	6,00	1,00	9,00
6 - эмоционально-психотерапев- тическая - ОЖ	7,44	1,76	8,00	2,00	9,00
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	7,22	1,72	7,50	3,00	9,00
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	5,82	1,76	6,00	0,00	9,00
4 - родительско-воспитательная - ПР	5,88	1,22	6,00	1,00	8,00
5 - социальная активность - ПР	4,50	1,52	4,50	3,00	6,00
6 - эмоционально-психотерапев- тическая - ПР	7,14	2,42	6,00	3,00	12,00
7 - внешняя привлекательность - ПР	7,46	1,70	9,00	4,00	9,00

Мужчины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	3,68	1,92	3,00	0	9
2 - личностная идентификация	6,12	2,06	5,00	1	9
3 - хозяйственно-бытовая	3,76	1,09	3,50	1,5	6,0
4 - родительско-воспитательная	4,92	0,96	5,00	3,0	7,5
5 - социальная активность	4,45	1,59	3,50	3,0	8,0
6 - эмоционально-психотерапевтическая	6,88	1,40	7,00	3,0	9,5
7 - внешняя привлекательность	6,60	1,60	7,00	2,5	9,0
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	3,50	1,66	2,50	2	7
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	4,68	0,98	5,00	2	8
5 - социальная активность - ОЖ	4,10	1,61	3,00	1	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,46	1,36	8,00	3	9
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	6,62	1,94	7,00	2	9
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	4,02	1,65	4,00	0	7
4 - родительско-воспитательная - ПР	5,16	1,53	5,00	0	9
5 - социальная активность - ПР	4,86	2,15	3,50	3	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,20	1,87	6,00	1	10
7 - внешняя привлекательность - ПР	6,52	1,82	6,00	3	9

Женщины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1 - интимно-сексуальная	3,00	1,48	3,00	0	8
2 - личностная идентификация	6,68	1,73	6,00	3	9
3 - хозяйственно-бытовая	5,03	1,26	5,00	2,0	8,0
4 - родительско-воспитательная	5,94	0,87	6,00	3,0	7,5
5 - социальная активность	4,40	1,56	3,75	3,0	8,5
6 - эмоционально-психотерапевтическая	7,09	1,44	7,00	4,5	9,0
7 - внешняя привлекательность	6,83	1,37	7,25	3,5	9,0
3 - хозяйственно-бытовая - ОЖ	4,14	2,33	3,00	2	9
4 - родительско-воспитательная - ОЖ	5,76	1,04	6,00	3	8
5 - социальная активность - ОЖ	3,98	1,27	3,00	3	8
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ОЖ	7,68	1,22	8,00	6	9
7 - внешняя привлекательность - ОЖ	6,48	1,68	6,50	2	12
3 - хозяйственно-бытовая - ПР	5,92	1,41	6,00	2	8
4 - родительско-воспитательная - ПР	6,12	1,19	6,00	2	9
5 - социальная активность - ПР	4,86	2,10	4,00	3	9
6 - эмоционально-психотерапевтическая - ПР	6,52	2,18	7,00	2	10
7 - внешняя привлекательность ПР	7,14	1,67	7,50	3	9

**Описательные статистики к тест-опроснику удовлетворенности браком
В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г. П. Бутенко**

Пары с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,45	6,85	34,00	14	45
Удовлетворенность браком-Шкала	5,36	1,54	6,00	1	7

Пары без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	30,81	7,73	32,00	9	46
Удовлетворенность браком-Шкала	4,74	1,78	5,00	1	7

Мужчины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,26	6,74	34,00	14	45
Удовлетворенность браком-Шкала	5,32	1,56	6,00	1	7

Женщины с детьми	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	33,64	7,02	34,00	18,00	45,00
Удовлетворенность браком-Шкала	5,40	1,54	6,00	2,00	7,00

Мужчины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	30,42	8,05	32,00	9	46
Удовлетворенность браком-Шкала	4,68	1,82	5,00	1	7

Женщины без детей	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Удовлетворенность браком-Суммарный балл	31,20	7,46	32,00	15	46
Удовлетворенность браком-Шкала	4,80	1,75	5,00	1	7